
Житие
преподобного
Серафима Саровского
чудотворца

ЖИТИЕ
преподобного
СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Беседа преп. Серафима с Мотовиловым о цели христианской жизни

КИЕВ
2005

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Формат 84×109 1/32. Бумага газетная.
Усл. п. л. 24,36. Тираж 5 000 экз. Заказ 3750.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ИПФ «Воронеж».

Православные!

Сельский храм, воздвигнутый в честь Казанской иконы Божией Матери (с приделами в честь Архистратига Божия Михаила и святителя Николая Чудотворца) нуждается в нашей помощи.

Настоятель храма будет благодарен за оказание любой помощи, приход нуждается буквально во всем, вплоть до вина для служения Божественной литургии и лампадного масла, не говоря уже о каких-либо средствах на его восстановление, поскольку Казанский храм трижды был обокраден за последнее время.

Просим вас, откликнитесь на наш призыв и внесите свою посильную лепту – “сотворите милостыню, и милостыня сотворит вам много добра”, как говорил преподобный Серафим Саровский. Присылайте записки на поминовение, присылайте старое облачение – любую помощь храм примет с признательностью.

Наш адрес: 172760, Тверская область,
Осташковский район,
п/о Сиговка, с. Верхние Котицы,
Казанская церковь. Почтовый ящик 24.

Наши реквизиты: Казанская церковь,
Осташковское ОСБ 5640 г. Осташков.
Расчётный счет 40703810063160100150.
Кор. счет 30101810700000000679.
БИК 042809679.
Тверское ОСБ 8607 г. Тверь.

Спаси вас Господь!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задолго до блаженной кончины старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни[1], подвижническая жизнь его была известна не только в России, но и за пределами нашего отечества – по всей православной Церкви. Вступив в Саровскую пустынь на 19-м году жизни, он почти пятьдесят пять лет жил в ней безвыходно и прошел там все степени подвижничества: нес сперва общие послушания монастырские, потом послушания по званиям иеродиакона и иеромонаха, подвизался в отшельничестве, подражал столпникам, был молчальником и жил в совершенном затворе. Среди этих разнообразных подвигов, сохраняя дух глубокого смирения, он стяжал богатство добродетелей и обилие даров благодати Божией. Умудренный опытами духовной жизни, постоянным благоговейным изучением Священного Писания и творений св. Отцов и назидательным чтением житий святых Божиих людей, просвещенный духом благодати, он в последние семнадцать лет душеспасительно поучал вере и наставлял в благочестии многие тысячи людей, ежедневно стекавшихся в Саров из разных стран, чтобы принять благословение его и выслушать от него советы и наставления. Сверхъестествен-

ные благодатные дары, которые обнаруживались в о. Серафиме духом прозорливости и силой исцелений, придавали особенную действенность его наставлениям. Сладость его беседы, исцеление душевных и телесных недугов, по влиянию его молитв, и утешения прибегающим к нему в скорби и печали разносили славу о нем в дальние места. Весть о его подвижнической жизни и благодатных знамениях передавалась из одного места в другое и наполняла всю Россию.

Первое сказание о жизни и подвигах старца Серафима вышло в 1841 году в Москве за подписью И.С. (иеромонаха саровского, впоследствии архимандрита Сергия, сожительствовавшего о. Серафиму 15 лет). В 1844 году в XVI томе московского журнала «Маяк» вышло другое, более подробное сказание о приснопамятном старце. Автор его не обозначен, но покойный митрополит Филарет в письме своем к наместнику архимандриту Антонию приписывает этот труд некоему Георгию (вероятно, настоятелю Николо-Барковской пустыни, жившему при о. Серафиме в качестве гостинника в Сарове под именем Гурия). В 1845 году это сказание вышло и отдельной книжкой в Петербурге. В 1849 году иеромонах Нижегородского Печерского монастыря Иоасаф, сожительствовавший под именем послушника Иоанна Тихонова о. Серафиму в Сарове 18 лет, издал в Москве еще более подробные сказания об о. Серафиме. Сказания эти в 1856 году изданы вторым изданием с дополнениями. В 1850-х годах вышло в Москве того же архимандрита Сергия сказание о жизни и подвигах о. Серафима в одной книге вместе со сказанием о другом подвижнике саровском, схимонахе Марке (умершем 4 ноября 1817 г.), выдержавшее четыре издания; наконец, в 1863 году действительный статский советник

Н.В.Елагин составил по желанию Саровской обители по архивным ее документам и рассказам самовидцев настоящее, более полное изображение жизни, подвигов и благодатных действий блаженного старца Серафима в его внешних сношениях и во внутренней духовно сокровенной жизни. Это сочинение выдержало уже пять изданий.

Издавая в 1901 году пятым изданием труд г. Елагина, Саровская обитель нашла нужным исправить в нем некоторые, упущенные раньше из виду, хронологические неточности, указав в примечаниях основания, вызвавшие такие исправления. А так как в первых четырех изданиях, заключавших в себе только одиннадцать глав, рассказ о благодатных действиях Божией помощи по молитвам о. Серафима заканчивается 1859 годом и так как благодатные эти действия с того времени не оскудели, а продолжают совершаться и до сего дня, то обитель сочла себя обязанной сообщить и о них в назидание верующим и прославление имени блаженного старца. Истинность всех новых сказаний о чудесах, совершившихся по молитве батюшки о. Серафима, засвидетельствована официальной комиссией.

Описание важнейших из сих случаев благодатной помощи о. Серафима, обследованных комиссией, и предлагается благочестивым читателям в дополнение к труду г. Елагина.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

В 1902 году в Саровской пустыни совершилось событие великое, решительное, и не для нее одной, но для всей православной нашей Церкви, – торжество прославления жития и подвигов новоявленного великого Божия угодника, отца Серафима, открытия святых его мощей и причисления его к лику преподобных святых Отец. Желая при настоящем издании дополнить книгу жития преподобного описанием сего события без всякого изменения ее прежнего вида и содержания, мы прибавляем новую 13-ю главу; при этом «Деяние Святейшего Синода», помещенное в 6-м издании в начале книги, вошло в новую главу в порядке последовательности.

I

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ

Место рожденія старца Серафима. – Его родители. – Время рожденія. – Отрочество и воспитаніе до семнадцатилетнего возраста. – Склонность к иночеству. – Решимость поступить в монастырь. – Прощаніе с матерью

Блаженной памяти отец Серафим подвизался в Саровской пустыни более пятидесяти лет. Как при жизни своей он многих назидал, просвещал, утешал, врачевал словом, делом, примером и молитвою; так и после кончины его чудные подвиги и наставления его, передаваемые из уст в уста бесчисленными очевидцами, слушателями, учениками и всеми, которые при жизни его получали какую-либо от него душевную пользу, не престают быть поучительными для всех достойных почитателей памяти его, желающих подражать благому житию и следовать учению его.

Губернский город Курск памятен местом рождения отца Серафима. Жители города, по преданию, до сих пор знают это место и приезжающим указывают на него в числе местных особенностей, достойных внимания. Оно находится на Сергиевской улице, в близком соседстве с храмом преподобного Сергия. Тут стоял собственный дом родителей о. Серафима. Впоследствии, при новом распланировании города,

сделанном по распоряжению императрицы Екатерины II-й, им отведено было в конце города, близ нынешних Московских ворот, другое место, на котором имел свой дом и жил старший брат о. Серафима, Алексей.

Родителей о. Серафима звали *Исидором* и *Агафией*, по фамилии *Мошнины*. Они принадлежали к почтенному купеческому сословию города. Отец Серафима имел свои кирпичные заводы близ Курска, занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов, слыл за человека честного, имел усердие к храмам Божиим и обладал хорошими материальными средствами. В последнее время своей жизни он взялся построить в Курске иждивением прихожан, преимущественно же купца Карпа Ефремовича Первышева, по чертежу архитектора Растрелли, новый храм во имя преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, названный в 1833 году кафедральным собором. Основание ему было положено в 1752 году. И когда нижняя церковь, с престолом во имя св. Серия, была совершенно готова, строителя застигла смерть, последовавшая в 1762 году. Передав богатство в руки жены, он поручил ей принять участие в строении храма и довести дело до конца.

Агафия, мать Серафима, еще более мужа своего памятна и личным благочестием, и благотворительностью ближним. При жизни и по смерти его она помогала бедным, особенно сиротам, не отказывая им и в таких случаях, когда просили ее устроить хозяйство бедной девушки при вступлении в брак, что требовало, конечно, значительного пожертвования. Согласно желанию мужа и своим чувствам, она в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви, лично наблюдая за ходом и успехами работ, и в

1778 году привела храм к окончательному устройству. Храм этот внутри и снаружи украшен лепной работой. Иконостас в нем занимает всю восточную часть до самого купола: резьба из цельного дерева; приготовлялся и отделывался, говорят, в течение десяти лет. Постройка храма столь прочна, что до настоящей поры незаметно на нем повреждений. Сама позолота со времени отделки храма ни разу не была возобновляема и доныне не теряет своей свежести. Такие обстоятельства и добродетели ставили семейство Мошниных в число видных людей города Курска.

Отец Серафим родился в ночь с 19 на 20 июля 1759 года и был наречен Прохором, в честь св. Прохора, единого от семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого ублажается в том же месяце 28 числа. Он не был у родителей единственным сыном: при его рождении у него был старший брат, Алексей. Прохор наследовал добрые качества родителей и особенно их благочестие. Отца лишился он, когда имел не более трех лет от рождения. Воспитательницей его в детстве исключительно оставалась матерь его. Она учила юного сына более примером своей жизни, и, конечно, ее благотворительность и любовь к храмам Божиим и молитве вложили в сердце о. Серафима семена той заботы о бедных и сиротах, той любви к благолепию храмов Божиих и усердия к молитве, какими отличался о. Серафим еще с юных лет. Между тем, для внимательных к действию Провидения открывалось, что с младенчества Прохор был под особым руководством и охранением Промысла Божия. Ему было семь лет, когда мать его, осматривая строение Сергиевской церкви, взяла с собой и сына на самый верх строившейся тогда колокольни. Здесь Прохор потерялся из виду мате-

ри и, оставшись один, по неосторожности упал на землю. В великом испуге Агафия сбежала с колокольни, воображая найти сына своего разбитым до смерти, но с удивлением и несказанной радостью она увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Пошли расспросы: с какой высоты он упал, отчего цел остался, и кончилось тем, что мать со слезами радости признала делом особенного Божественного охранения спасение сына от смерти и ушиба и возблагодарила Бога. Чрез три года новое событие разом обнаружило еще ясным образом особенное покровительство Божие над Прохором. Ему было десять лет; телесное сложение он имел хорошее, в душевных силах проявлялась острота ума, быстрая память, в поведении – кротость и смирение. В это время начали его учить церковной грамоте. Отрок показывал и охоту и способность к учению; но учение должно было прекратиться. Прохор сделался так тяжко болен, что не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни, в сонном видении. Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Прохор, проснувшись, рассказал это видение своей матери. Сон показывал в отроке благочестивое настроение души, восприимчивость к религиозным внушениям, а его осуществление, совершившееся очевидным образом, явило над Прохором высшее промышление. Во время одного из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чу-

дотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение: изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Так как старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, то и Прохора заставили приучаться к торговле в этой лавке. «Родом я, – говорил он впоследствии, беседуя в Сарове с Н.А.М, – из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы бывало торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бичевки, дуги, шлеи, лапти, железо и т.п.; но к торговле и барышам не лежало его сердце, оно влекло его туда, где можно было стяжать себе сокровище духовное, – вечное спасение души. Не опускал он почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия. Не имея возможности по причине занятий торговлей быть днем у Литургии и вечерни в храме Божием, он вставал ранее и после домашней молитвы спешил к утреннему богослужению, чтобы там вознести еще свои молитвы к Богу. В воскресные и праздничные дни он особенно любил заниматься чтением духовно-назидательных книг, собирая иногда своих товарищей слушать чтение.

Хотя желание поделиться сокровищами духовной мудрости заставляло Прохора собирать около себя товарищей, но внутреннее, глубокое чувство влекло его к уединению в беседе с самим собою. Сближения

он искал только с теми, кто мог беседовать с ним на пользу души.

В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради *юродивый,* которого имя теперь забыто, но которого тогда все чтили. Родом он был из Курска и с малолетства принял на себя трудный подвиг для спасения души. По благочестию своему Прохор сперва вошел в знакомство с ним, а после всем сердцем прилепился к нему. Христа ради юродивый также возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни, которую и сам вел среди общества родных и знакомых

От матери не утаилось направление сына, простосердечно являемое; в душе она соглашалась с ним, одобряла его, радовалась. Лицо ее покрывалось заботой только тогда, когда она заглядывала в будущее и задумывалась над вопросом: какой род занятий и жизни выберет для себя сын ее? По прошествии еще немногих лет и этот вопрос начал проясняться. Прохор стал заговаривать о монастыре, вызнавал осторожно мысли матери и спрашивал как бы предположительно, не пойти ли ему в монастырь. Видит, что мать не противоречит его желанию, охотнее хотела бы отпустить, чем удержать его в мире, и желание монашеской жизни оттого еще сильнее разгоралось в нем. Тогда Прохор начал говорить о монашеской жизни с людьми знакомыми. Во многих нашел сочувствие своему намерению и одобрение; а купцы: Иван Иванович Дружинин, Иван Степанович Безходарный, Алексей Семенович Меленин и еще двое – подавали надежду идти вместе с ним в обитель и навсегда остаться в ней для спасения души. На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в

сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Тем беспрепятственнее она думала сделать это, что и сама не оставалась еще в совершенном одиночестве: с нею был другой сын ее, известный уже нам Алексей, по характеру довольно несхожий с Прохором, отличавшийся больше склонностью к мирским занятиям, чем к упражнениям духовным. Тогда семнадцатилетний Прохор Мошнин, следуя церковно-гражданским установлениям духовного регламента, взял себе увольнение от Курского городского общества[2], сделав, таким образом, начальный шаг отречения от мира в пользу иночества. Трогательно было его прощание с матерью! По русскому обычаю, собравшись совсем, они посидели немного, потом Прохор, встав, помолился Богу и, поклонившись матери в ноги, просил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест как знамение материнского благословения, как символ, в котором соединяются все обязанности инока, о. Серафим до конца жизни сохранил его, нося всегда открыто на груди своей. Таким образом, мать и сын простились друг с другом. С горькими слезами провожала его вдовствующая Агафия; мысль удержать юношу при себе вращалась в ее уме, но опасность отвлекать человека от доброго намерения и страх принять на себя дурные последствия отвлечения успокоили волнение души. Прохор, верно, плакал не менее матери, но скорбь – естественное явление всякой разлуки – не останавливали его дома; мысль его стремилась туда, куда призывали его пути Божии. Перекрестившись на церковь Божию, молодой юноша с задумчи-

вым видом, с тайной мыслью в сердце оставил, подобно Аврааму, свою родину и дом отца своего.

II

ОТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПУСТЫНЬ ДО ПОСТРИЖЕНИЯ В МОНАШЕСТВО

Намерение, с которым Прохор оставил родину. – Его путешествие в Киев. – Возвращение на родину и последнее пребывание в ней. – Приход в Саровскую пустынь. – Жизнь Прохора в звании послушника до пострижения в монашество

Куда же пошел молодой семнадцатилетний юноша Прохор, оставив родной дом, мать, брата и имение? Было ли у него определенное намерение насчет того, *где* поселиться? Без всякого сомнения, он имел в виду посвятить себя Богу в звании монашеском. Но где именно? В каком монастыре? – эти вопросы, давно занимавшие его, озабочивали и теперь. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где подвизались уже многие из курских жителей, где и настоятелем в то время был курский уроженец Пахомий, склоняли его идти к сим подвижникам. Но предварительно ему хотелось быть в Киеве, чтобы в Киево-Печерской лавре, этом рассаднике русского иночества, посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, получить советы, наставления, утверждение в своих мыслях и благословение от какого-нибудь подвижника, в духовной жизни твердого и опытного, и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества и прочих угодников Божиих, в Киеве почивающих. Итак, Прохор отправился с благословением материнским на шее и с посохом в руках в Киев. Вместе с ним шло еще пять человек русских купцов: это

были те самые, которые вместе с Прохором возымели намерение, оставив мир, удалиться в пустынь. Все они после и пошли в монастырь, кроме купца Алексея Семеновича Меленина, у которого, по непредвиденным обстоятельствам, осталось после смерти родителей на попечении пять братьев и три сестры.

В Киеве Прохор с усердной молитвой и слезами припадал к св. мощам угодников Божиих, особенно преп. Антония и Феодосия, пламенно умоляя их благословить его намерение и наставить на путь спасительный. Обходя и отцев, там подвизавшихся, он прослышал, что недалеко от лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, жизни истинно богоугодной и имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу, просил наставления и благословения. Прозорливый старец, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, указал ему для вселения на Саровскую обитель и благословил его, сказав в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией, там окончишь ты и свое земное странствование. Св. Дух, сокровище всех благих, управит жизнь твою во святыне. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни, последователь преподобных отцев наших Антония и Феодосия». Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Кажется, теперь никакие препятствия, никакие обольщения не сильны отклонить его от решимости вступить в Саровский монастырь. Отговев, исповедавшись и причастившись Св. Таин, поклонившись еще раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охра-

няемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом матери своей. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о св. местах и послушать чтения. Это время было временем его прощания с родными и родиной. Мать хотя и знала о решении Прохора вселиться в Саровской обители, даже соизволяла ему, но когда наступил последний час, когда Прохор стал прощаться с нею, она, благословляя его, говорила: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел бы в монастырь». Из договаривавшихся идти с ним вместе двое отправились теперь же, а прочие прибыли раньше его.

Общежительная Саровская пустынь была основана в 1706 году иеросхимонахом Иоанном, Арзамасским уроженцем, из села Нового Усада, известным своими монашескими подвигами и злополучной судьбой. Совершенствуясь постепенно, она при настоятеле старце Ефреме (1758–1777 г.) поставлена была на степень высокого внутреннего и внешнего благоустройства. Прохор прибыл сюда 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении праздника, видя благочинное совершение службы Божией, слушая благолепное пение иноков, замечая, как все от настоятеля до последнего послушника рачительны к молитве, он восхищался духом, радуясь, что Господь указал ему здесь место для спасения души. Строителем в то время, как упомянуто, был старец Пахомий, постриженник Саровской обители, с юных лет посвятивший себя на служение Богу, инок кроткий, смиренномудрый, постник и молитвенник, образец ино-

ков, коего народ называл святым человеком. Он происходил из курских купцов и в малолетстве знал родителей Прохора. С любовью принял Пахомий юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству, определил его в число послушников и в научение отеческому пути отдал старцу иеромонаху Иосифу, исполнявшему в обители послушание казначея. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца. Он с точностью исполнял все монастырские правила и уставы по его указанию и в келье служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на его внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда стали назначать ему, кроме келейного, по порядку общественные братские монастырские послушания. Так, поначалу он был в хлебне, отсюда переведен в просфорню, потом столярню, далее сделан будильщиком. В столярне Прохор исполнял послушание довольно долго. Значительное время он состоял также, вместе с другим братом, будильщиком, и по этой должности, обходя до начала богослужения кельи братий, извещал их скромным стуком в дверь, с произнесением молитвы Иисусовой, о наступлении поры идти в церковь. После этих обязанностей он исполнял еще послушание пономарское. Бодрый силами, Прохор все монастырские послушания проходил, как свидетельствовали очевидцы, с великой ревностью.

Путь исполнения внешних послушаний, без сомнения, самый безопасный путь для молодых иноков: он избавляет от многих искушений, но не освобождает от внутренней борьбы, среди которой только и может укрепляться и возрастать в духовной жизни подвижник. Много искушений вытерпел и Прохор: дух печали, скуки, уныния действовали на него сильно,

до изнеможения души его. «С духом печали, – говорил он впоследствии, – неразлучно действует и скука». Вот как о. Серафим описывает это состояние, любя беседовать словами свв. Отцев: «Скука, по замечанию Отцев, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, частая зевота и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром».

«Сей демон, если не может извлечь монаха из кельи, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, – говорит ему помысл, – лежит не так, а это не тут: надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

Чем же молодой подвижник врачевал эту болезнь духа? «Болезнь сия врачуется, – говорит он по собственному опыту, – молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия» (См. Антония Великого, гл. 26, Исаак Сирин, 212).

«Трудно, – говорил он, – трудно избежать сей болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно предупреждать ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушни-

ка обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоем. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни».

«Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению преподобного Исаака Сирина: ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: «Великий грех убивать себя», – ты скажи ему: «Убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту, нежели жить в мире жизнью злой. Я предпочел смерть сию грехам моим». «Убью плотские мои страсти, потому что я согрешил Господу, и не буду более прогневлять Его. Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стерплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять его?» (Слово 22).

Далее он различает скуку от уныния, показывает, что самое уныние бывает двух родов: естественное и от злых духов, и учит, что должен делать человек, впадший, по несчастью, в то или другое состояние. «Иное скука, – говорит о. Серафим, – иное томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло» (Варсонофий. Ответ 13, 497).

«Есть уныние естественное, – учит св. Варсонофий, – от бессилия, и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде

того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предложит себе сделать что-нибудь, оно, прежде нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением. И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве» (Варсонофий. Ответы 559, 563, 564, 565).

Наконец, он описывает самое последнее в ряду сих душевных искушений – состояние малодушия, и дает надежнейшее врачевство против него. «Когда Богу угодно, – говорит Исаак Сирин, – повергнуть человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия. Оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту, и это есть предвкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место, и тому подобное. Если спросишь, какая сему причина, то скажу: твое нерадение, потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что ж это за врачевство? Смиренномудрие сердца. Ничем, кроме его, человек не может разрушить оплот сих пороков, а, напротив того, находит, что сии превозмогают над ним (Исаак Сирин. Слово 79, лист 156 об.) Уныние у свв. Отцев иногда называется праздностью, леностью и разленением».

Мы видели выше, как молодой послушник в жизни своей побеждал сии или подобные сим искушения

терпением и послушанием. Посмотрим теперь, как приводил он в действие другие против них средства.

Жизнь его в это время до пострижения в монашество ежедневно располагалась таким образом. В определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, на церковные молитвы он являлся как можно ранее, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитв всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Вне церкви, исполнив обязанности послушания, Прохор, удаляясь суетного общения с другими, любил уединяться в своей келье. Там, кроме молитвы, у него были занятия двух родов: чтение и труд телесный. Он читал книги и общехристианские, и духовно-подвижнические. Предметами его чтения были: священная Библия, особенно Псалтирь, св. Евангелие и послания Апостольские, творения свв. Отцев, например: Шестоднев св. Василия Великого, беседы св. Макария Великого, Лествица преп. Иоанна, жития святых по Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского, Добротолюбие и другие. Псалмы он читал и *сидя*, говоря, что утружденному это позволительно, а св. Евангелие и послание Апостолов всегда *стоя* пред св. иконами в положении молитвенном, и это называл *бдением* (бодрствованием). Не для препровождения времени, не ради удовлетворения возбужденного любознания совершаемо было это чтение. Новоначальный подвижник искал в нем решения вопросов жизни, прочи-

танное прилагал к своему быту и вообще к человеку. Отсюда у него при свете слова Божия, под влиянием подвижничества, в смирении и преданности воле Божией вырабатывался и впоследствии образовался здравый и светлый взгляд на жизнь христианина вообще и, в частности, на пути иночества.

В часы отдохновения от дел духовных Прохор предавался телесному труду. В это время занятием его было столярная работа: подобно другим инокам, он вырезал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. В столярном деле, особенно, когда проходил это послушание, Прохор отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании чередных смен для неусыпаемого пения он один из всех назван Прохором *столяром.* Но, совершая келейное послушание, он ходил и на общие для всей братии труды: справлять лес, приготовлять дрова и т.п. Когда занимался рукоделием в своей келье или трудился на общих послушаниях, беспрестанно содержал в памяти и сердце сию молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* Упражнением в работе восполнялись монастырские подвиги, ибо монаху, сверх духовных занятий, заповедуется правилами физический труд.

Относительно поведения за трапезой, принятия пищи и ночного отдыха до нас сохранилось следующее собственное свидетельство о. Серафима: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужиномповоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: десятый, одиннадцатый, двенадцатый и час за полунощь. Аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несом-

ненно до кончины жизни, ибо оно нужно для успокоения головы твоей. *И я с молодых лет держал таковой путь.* Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел». С течением времени от слишком напряженного стояния, от недостатка в ночном отдыхе о. Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собою, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После сего о. Серафим, на основании собственного опыта, советовал немощным шесть часов в сутки отдавать сну, а более сильным телом и крепким душой – пять часов, повторяя при сем наставление Отцев пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Подвиги послушания, молитвы, чтения и труда, однако же, несовершенно удовлетворяли пустыннолюбивую душу молодого подвижника. Известно, что Саровская пустынь на расстоянии многих верст в окружности обнесена густым лесом, или бором. У некоторых старцев отсюда родилась мысль, по примеру древних подвижников и первооснователей Саровской обители, удаляться из монастыря и там, втайне от людей, пред очами одного Бога, внимательнее предаваться благочестивым упражнениям. С благословения настоятеля Пахомия, таким образом поселились в разных местах недалеко друг от друга, каждый с своим учеником, в глубине монастырского леса, известные пустынники: игумен Назарий, иеромонах Досифей, схимонах Марк. Видя такие примеры, Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству. Душа его, подобно горлице, рвалась к уединению. Он получил от старца своего, отца Иоси-

фа, благословение в свободные часы оставлять монастырь и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. «Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание: и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать на тебя богатую Свою милость». Вот такое правило, внушаемое впоследствии другим инокам, теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кущу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, а совершенное одиночество теснее соединяло с Ним в чувстве божественного вездеприсутствия молитвою. По сказанию человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он совершал здесь *правило, еже даде Ангел Господень великому Пахомию*, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: *Трисвятое*, и по *Отче наш; Господи, помилуй (12); Слава, и ныне; приидите, поклонимся* (трижды); *Псалом 50-й; Помилуй мя, Боже. Верую во единаго Бога...* Сто молитв: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго* и по сем: *Достойно есть* и *отпуст.* Все сие составляло одно моление. Но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в обители, составленное по уставу преподобного Пахомия, Прохор исполнял по наставлению старца Иосифа с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди природы, так сказать, наедине с Богом, он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и в

пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Кому ни радостно было видеть такое подвижничество в послушнике, еще юном не только душой, но и возрастом? Видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику. Не единственным, впрочем, подвижником между новоначальными во всем Сарове был в то время Прохор; были и другие молодые люди, явившие в себе высокие примеры ревности о благочестии. Таков, например, был двадцатилетний послушник Василий, вступивший в пустынь в 1787 году из мещан города Темникова. На первом шагу он оказал знаки полной преданности воле отца настоятеля Пахомия, с отвержением воли собственной: что ни было с ним приобретенного в мире, он, вступая в монастырь, все положил к ногам строителя, усердно отдавая с тем вместе и себя в совершенное послушание ему. Это удивило старца Пахомия, и он всегда имел этого послушника в особенном внимании. В последние годы жизни о. Серафима этот послушник был, под именем Нифонта, строителем Саровской пустыни. Были и другие рабы Божии, но жизнь иноческая, как и вообще житие истинно-христианское, по слову Писания, сокрывается со Христом в Боге. Посему они тщательно укрывали свои благочестивые действия, втайне боролись со страстьми своими, боясь и бегая славы человеческой. Но Прохор стоял на виду старших братий монастыря, и подвиги его были так постоянны и разительны, что трудно было сокрыть их. Посему, представляя его, предпочтительнее пред прочими, в пример не столько рачительным в иноческих делах, старцы Иосиф и Пахомий, сверх любви к нему, как бы к своему чаду,

являли и доверие. «Блаженной памяти отцы наши: строитель Пахомий и казначей Иосиф, мужи святые, любили меня (говорил впоследствии о. Серафим), как свои души, и ничего ими от меня не потаено, и о том, что им было для своей души и для меня полезно, пеклись».

И так пеклись! В 1780 году послушник Прохор тяжко разболелся. Он слег на жесткое ложе: тело его распухло; больной лежал неподвижно. Неизвестно, какая была у него болезнь, – врача при нем не было, некому было определить вида болезни. По внешнему признаку думали, что Прохор страдал водяной болезнью. Но никакому сомнению не подлежит то, что был недуг упорный и продолжительный, длившийся в течение трех лет, половину коих страдалец провел в постели. Больной всецело предал свое тело и душу Богу, молился, омывал слезами ложе свое; слово ропота никогда не сходило с уст его. Тут-то открылось, как все, и прежде других начальствующие в монастыре, уважали, любили и жалели Прохора. Во время болезни Прохору служил, как послушник, старец о. Иосиф, его наставник и руководитель в приготовительных иноческих трудах. Строитель Пахомий, старец о. Исаия также много пеклись о нем. Спустя много лет после сего (25 мая 1832 г.) в беседе с одной особой о. Серафим с чувством глубокой благодарности вспоминал об этой заботливости старца Пахомия. «У меня, – говорил он, – в тот раз был друг здесь в обители, иеромонах Пахомий. Когда я был болен, полтора года лежал в постели, он ходил за мной, почти неотлучно находился при мне». После мы увидим, как о. Серафим *на деле* выразил благодарные чувства к старцу Пахомию. В настоящий же раз не забудем, что Пахомий был настоятелем обители, а Прохор – послуш-

ник, и к нему-то ради недугов относились с таким усердием и заботой и строитель, и следующие после него старцы. Это обстоятельство обнаруживало в старших братьях обители высокую степень внимательности и попечения о младших, – как и должно быть во всяком благоустроенном, особенно церковном, обществе. В последнем развитии недуга стали опасаться за жизнь больного. Тогда о. строитель с решительностью предлагал ему пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Весьма замечателен аскетический ответ больного: «Я предал себя, отче святый, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня убогого, Господа ради, небесным врачевством (т.е. причастием Св. Таин)». Старец Иосиф, по просьбе его и собственному усердию, особо отслужил *о здравии* больного всенощное бдение и Литургию. К богослужению собрались братия из усердия помолиться о страждущем; Прохор был исповедан и причащен св. Христовых Таин, Которые были принесены в его келью, к одру его. Незадолго до кончины своей о. Серафим, всегда говоривший истину и ненавидевший ложь, многим особам рассказывал, что в этот раз, по причащении Св. Таин, ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Богослову лицем, перстом же указывая на Прохора, сказала: *Этот нашего рода*[3]. Потом Она возложила правую руку Свою на главу страдальца: тогда материя, которая наполняла тело больного, начала выходить отверстием, образовавшимся в правом боку. В скором времени тело совершенно освободилось от недуга. Признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на теле о. Серафима. Сов-

ременники его удивлялись скорости выздоровления, последовавшего после общей молитвы о нем и по принятии им Св. Таин. Но они ничего не знали о чудесном посещении, которым только и можно объяснить быстрый исход столь продолжительного и упорного недуга. Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога. Между прочим, заботливость о нем монастырских чинов новым чувством благодарности привязала к ним его сердце. Прохор очень нередко и всегда с любовью вспоминал о хождении за ним о. Иосифа и прочих старцев, и, как увидим, после смерти их оказывал к ним особенное благоговение.

В период послушничества Прохора, при настоятеле Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие настоятельно нужные постройки. В числе их на месте кельи, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и упокоения престарелых и при больнице церковь о двух этажах с престолами, в нижнем – во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем – во славу Преображения Спасителя. На сооружение церкви молодой послушник послан был из Сарова за сбором денег в разные места. Послушания ради, в благодарность за свое исцеление и по сочувствию к недугам, для облегчения которых строилось здание, он с охотой понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины. Он не застал в живых благочестивую мать свою и, посещая могилу ее, с усердием и горькими слезами молился об упокоении души ее. Но у него был здесь родной брат, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния. Этот брат, с своей стороны, оказал Прохору

нескудное пособие для строения церкви. Совершив, таким образом, послушание сборщика, Прохор показал новое усердие к устроению церкви при больнице. Долговременное и усердное упражнение в столярной работе приучило его к производству изделий, более прочных и сложных, чем делание крестов. Он построил собственными руками для нижней больничной церкви, в честь преподобных Зосимы и Савватия, из кипарисного дерева престол, который и доныне стоит на своем месте. С того времени, как престол 17-го августа 1786 года был освящен, о. Серафим до конца жизни своей причащался Св. Таин в сем по преимуществу храме – для памятования всегда о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божием, о чем весьма часто и весьма многим сам говаривал.

III

ОТ ПОСТРИГА ДО УДАЛЕНИЯ В ДАЛЬНЮЮ ПУСТЫНЬ

Время послушнического искуса Прохора. – Его возмужание. – Описание наружного его вида. – Его душевные дары. – Посвящение всего себя Богу. – Вступление в монашество. – Ревностнейшее прохождение подвигов. – Посвящение во иеродиакона. – Служение в этом сане. – Любовь к нему настоятеля и старцев. – Его всегдашнее воздержание. – Видение в храме во время Литургии в Великий Четверток. – Пустыннические подвиги о. Серафима. – Посвящение во иеромонаха. – Служение в этом сане. – Духовная зрелость о. Серафима для высших монашеских подвигов

С поступления в Саровскую пустынь Прохор восемь лет провел в звании послушника. На языке иноков время это называется *искусом*, т.е. испытанием, способен ли желающий иночества вступить на путь совершеннейшей жизни. Предварительный искус поставляется необходимым условием для всякого пере-

ходящего от мира к исключительному служению Богу, как приготовление для сего служения. Прохор теперь возмужал: ему было лет двадцать пять с лишком. Наружный вид его в это время имел заметные особенности. Он был роста высокого, около двух аршин и восьми вершков; несмотря на строгое воздержание и подвиги, лицо у него было полное, покрытое приятной белизной, нос прямой и острый, глаза светло-голубые, выразительные и проницательные, брови густые, волосы на голове светло-русые и также густые. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях уст, или рта, соединялись длинные, густые же усы. Сложение имел мужественное и обладал большими физическими силами. Из душевных способностей у него была счастливая память, светлое, бойкое, отчетливое воображение и, в связи с ними, увлекательный дар слова. Прохор, посвящая Господу все свои способности и силы, таким образом, прошел уже все степени монастырского искуса и в самой жизни выразил совершенную готовность и способность к принятию монашеских обетов. В тяжких телесных и душевных испытаниях, которые посылал ему Сам Господь, душа его очистилась и сердце окрепло в благочестии. Еще на степени послушника он ревновал о строго монашеском, даже аскетическом, житии и, как мы видели, предначинал оное. Настоятель пустыни, твердо убедившись теперь в призвании Прохора, ходатайствовал пред духовной властью об удостоении его сана инока. С соизволения Св. Синода, 13 августа 1786 года совершено было пострижение его строителем иеромонахом Пахомием. Восприемными отцами его при сем были достопочтенные старцы Иосиф и Исаия, занимавшие после настоятеля первые места в монастырской иерархии. При по-

стрижении ему дано новое имя *Серафим* (пламенный). На это имя, по обычаю прошлого века, данное Прохору без его ведома и изволения, можно смотреть как на выражение понятий о нем монастырского начальства: видели ревность Прохора к богоугодной жизни, предусматривали еще больший пламень по Боге и назвали *Серафимом.* В братских ведомостях за 1786 год сказано, что Серафим пострижен в монахи на вакантное место в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время. Но он никогда не жил в этом монастыре и постоянное местоприбывание свое имел в Саровской обители. С принятием иноческого сана значение нового имени, напоминая отцу Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу ангелов, возвышало в нем желание с большей против прежнего ревностью служить Господу. Не принимая на себя новых подвигов, инок Серафим совершал прежнее течение, которое давно уже сроднилось с его душой и жизнью. Только со стороны стало заметно всем, что он держал себя уединеннее, более погружался в свою душу, крепче предавался исполнению своих обетов и соединенных с ними частнейших обязанностей.

В том же 1786 году[4], в октябре, монах Серафим, по ходатайству строителя Пахомия, посвящен был преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Ставленная грамота его на сей сан доныне цела между бумагами монастыря. Теперь, кроме подвигов иночествования, о. Серафиму прибавились новые труды по званию иеродиакона. Но и сердце его теперь возгорелось вящей любовью к Богу. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому служению. Со дня возведения в сан иеродиакона, он, храня чистоту души и те-

ла, в течение шести лет и десяти месяцев почти беспрерывно находился в служении по обязанности иеродиакона. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил все в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой Литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок священную утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь Бог, видя благую ревность и усердие к подвигам, даровал отцу Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал почти трудов, не нуждался после них в слишком продолжительном отдыхе, был крепок здоровьем, часто забывал о пище, питье и, отходя с пути подвигов для отдыха, жалел, зачем человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу. Строитель Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму. Без него старец не совершал почти ни одной службы: «Когда батюшка Пахомий служил, – сказывал впоследствии сам о. Серафим, – то без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

Если куда выезжал из обители старец Пахомий, один или с другими старцами, по делам монастыря или только для служения, часто приглашал с собой о. Серафима. В один из таких выездов о. Серафиму случайно пришлось участвовать в погребении известнейшей инокини Александры, в мире Агафии Семеновны Мельгуновой, основательницы Дивеевской обители. Незадолго до ее блаженной кончины умер в селе Лемети помещик Соловцов, благодетель Саровской обители. На погребение его отправились старцы Пахомий и Исаия, взяв с собой о. Серафима, как иеродиакона. Проезжая чрез Дивеево, они посетили Агафию Семеновну и, найдя ее в болезни весьма сла-

бой, совершили над ней св. таинство елеосвящения. Больная, предчувствуя кончину, со слезами просила старцев не оставить дивеевских сирот ее.

Строитель Пахомий, утешая ее, говорил: «Ты, матушка, ни о чем не беспокойся: благодатью Божией ты напутствована всем по долгу христианскому. При жизни своей я не оставлю сирот твоих, после же меня вот о. Серафим не оставит их».

Больная отвечала на это: «Отец мой! Я о себе не беспокоюсь: при помощи Божией, я отхожу в вечность с надеждой. Но эти сироты останутся после меня в величайшей скорби, по преданности их ко мне, убогой. Поэтому-то я и молю тебя, отец мой, не оставь их, во всем понеси их тяготу и немощи по заповеди Божией. Тебе известно, какая для них будет скорбь и потеря разлучиться со мною вечно».

Потом она вынула остаток своего достояния, состоящий из двух мешочков, один с золотыми, другой с серебряными монетами, и, вручая их о. Пахомию, сказала: «Прими этот сиротский участок для употребления в их пользу: сами они не могут еще употребить его благоразумно и как бы следовало на пользу общую, а вы по опыту знаете, куда и на что употребить». Возвращаясь из Лемети, старцы нашли монахиню Александру умершей и едва-едва поспели к ее погребению. По обычаю, после погребения была трапеза. Отец Серафим не остался тогда в Дивееве даже покушать для подкрепления сил своих, но пешком воротился один в Саровскую обитель, которая отстоит от Дивеева на расстоянии 12 верст. Так он постоянно отличался воздержанием не только в обители, но и за ее стенами.

До такого состоянии духовной трезвенности, постнического воздержания, неусыпной молитвы и по-

стоянных трудов не иначе можно было дойти, как путем долговременного самоотвержения и непрестанным принуждением себя к иноческому доброделанию. Отец Серафим, можно сказать, с детства трудился над собой, воспитывал себя в этом духе, и вся прошлая жизнь его была, так сказать, лестницей к настоящей степени подвижничества. Но будущее готовило ему подвиги и труды гораздо выше. Обращаясь к прошлому, о. Серафим видел над своей головой особый покров Пресвятой Богородицы и попечение Божественного Провидения. Теперь искушения едва ли бы могли отвлечь сердце его, привязанное к Богу, с пути строгого благочестия. Между тем, Промысл Божий нашел нужным, в виду новых, труднейших подвигов, подкрепить ревность его духовными видениями. Чистота сердца, воздержание, постоянное возвышение души к Богу соделали его способным к созерцанию их. В записках, напечатанных в «Маяке» за 1844 год (книга XXXII), говорится, что о. Серафим в сане иеродиакона по временам видал при церковных служениях свв. ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они принимали образы молниобразных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; но пения их нельзя уподобить никакой гармонии на земле. Дивное впечатление производили на его душу сии видения! «*Бысть сердце мое*, – говорит он, – *яко воск тая* от неизреченной радости. И не помнил я ничего от такой радости; помнил только, как входил в св. церковь да выходил из нее». Особенно поразительно было одно видение, которое мы расскажем здесь приблизительно к словам самого старца Серафима, как этот рассказ изложен в упомянутых записках саровского инока того времени.

«Еще поведаю тебе, радость моя, преславное видение, мне, убогому, бывшее. Только дай слово, что ты слышанное от меня никому не откроешь».

Собеседник же, вероятно, сам автор записок, поклонившись старцу, дал обещание скрывать тайну. Но о. Серафим, предугадывая, что она может быть открыта после его (т.е. Серафимовой) смерти, подтвердил: «Ты с тем и умри, никому не говори». Собеседник поклонился святому старцу в знак согласия с ним в ноги, – и слезы невольно потекли от умиления из очей его[5]... Старец же продолжал: «Случилось мне служить с отцом Пахомием и казначеем Иосифом во св. Великий Четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно – вечерней. После малого выхода и паремий возгласил я, убогий, у св. престола: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны,* – и, войдя в Царские врата, навел на предстоящих орарем и возгласил: *И во веки веков.* Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого в славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ, что близ царских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

От сего таинственного видения о. Серафим мгновенно изменился видом – и не мог ни с места сойти, ни слова проговорить. Многие это заметили и, конечно, никто не понимал настоящей причины явления.

Тотчас два иеродиакона подошли, взяли о. Серафима под руки и ввели во св. алтарь. Около двух часов стоял после того о. Серафим на одном месте неподвижно. Только лицо его поминутно изменялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго он не мог ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Божие и услаждаясь благодатными его утешениями.

Весьма замечательно, что видение сие пало на такое время Литургии, в котором входом священнослужителей в алтаре изображается вшествие их как бы в самое небо; когда в тайной молитве священник просит Господа: *Сотвори со входом нашим входу свв. Ангелов быти сослужащих нам и сославословящих Твою благодать*, когда поется и Ангельская песнь: *Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас*. Это видение показало, что не всуе мы веруем, что силы небесные с нами невидимо служат при Божественной литургии... И всякий молящийся в храме Божием должен думать, что он молится как бы на небе вместе с ангелами. Нет сомнения, что ревность отца Серафима такими небесными утешениями сильнее укреплялась в трудных подвигах иноческого доброделания. Они воскриляли в нем больше и больше желания к житию созерцательному. Видение могло иметь и печальные последствия для нравственности отца Серафима. Подумай только он о себе, будто теперь уже свят, достиг высокого совершенства жизни и не имеет нужды в дальнейшем преуспеянии, – тогда все его труды пред Богом превратились бы в тщету и ничтожество, рассыпались, как прах, возметаемый ветром... Но о. Серафим имел хороших руководителей, к которым питал совершенное доверие и которые были его воспитателями в иноческой жизни. Служив-

шие Литургию старцы Пахомий и Иосиф спрашивали: «Что такое случилось с ним?» Им казалось, не почувствовал ли он неожиданно слабости сил, которая так естественно могла случиться во св. Великий Четверток после продолжительного поста, при том уважении, какое питал к нему издавна о. Серафим. Отец Серафим привык относиться к этим двум старцам с детской доверчивостью: он поведал им свое видение, как было. Опытные в духовной жизни старцы сложили рассказ сей в сердце своем. А отцу Серафиму внушили, чтобы он не возгордился, не дал в своей души места пагубной мысли о каком-нибудь своем достоинстве пред Богом, и утвердили его в духовном настроении самоуничижения и смиренномудрия.

Ограждаемый смирением, о. Серафим восходил от силы в силу в духовной жизни. Его смиренномудрие, иноческие труды, прежде сокровенные, теперь стали как будто заметнее, тверже. Мы уже видели, что еще послушником отец Серафим удалялся в Саровский лес и в сокровенной куще погружался в богомыслие. Теперь для него устроена была там же уединенная келья. Как иеродиакон, обязанный служением в храме и послушаниями по монастырю, о. Серафим не мог еще, да и не созрел, может быть, настолько, чтобы совершенно сделаться пустынником. Итак, он дни, с утра до вечера, проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания. Вечером же, когда мог принадлежать самому себе, удалялся в пустынную келью и там ночное время проводил в молитве, а рано утром опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей. Иные, маломощные духом братия могли, пожалуй, позавидовать, но никто не имел основания оскорбиться его подвигами, ибо отец Серафим не заставлял других

трудиться за себя, свято исполняя все свои и личные и братские обязанности относительно обители.

19 июля 1793 года отцу Серафиму исполнилось тридцать четыре года. Саровская обитель, по новому расписанию, от Владимирского ведомства перешла в ведение Тамбовской епархии. Начальство обители, видя, что отец Серафим по своим подвигам стал выше других братии и заслуживал преимущество пред многими при возведении на высшие степени в обители, ходатайствовало о посвящении его в сан иеромонаха. По этому случаю, после почти семилетнего служения иеродиаконом, о. Серафим вызван был в Тамбов, и 2 сентября 1793 года епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. По наблюдению современников, все описатели жизни о. Серафима утверждают одно и то же, что с получением высшей благодати священства он стал подвизаться в духовной жизни с вящей ревностью и удвоенной любовью. В сане иеромонаха он продолжал в течение долгого времени непрерывное священнослужение, приобщаясь ежедневно с горячей любовью, с верой и благоговением св. Христовых Таин.

Теперь мы пришли к последним дням пребывания о. Серафима в обители. Скоро будем мы и свидетелями смерти достопочтенного старца Пахомия. Припомним о некоторых обстоятельствах обители, бывших в его настоятельство, оставшихся до смерти в памяти о. Серафима и имевших на него нравственное влияние. В то время, к которому относится жизнь о. Серафима до удаления в пустынь, не однажды в окрестностях Сарова был голод. Но обитель не терпела недостатка в хлебе и изобилием наделяла нуждавшихся. Особенно один раз был голод очень продолжительный; но обитель и в то время в течение многих месяцев питала ежедневно человек по тысяче. В одно

время случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита. Вся братия собралась в церковь. Строитель Пахомий по случаю угрожавшего голода соборне служил молебен Божией Матери и всенощное бдение. Братия молились, как бы перед смертью, не теряя, однако же, упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день о. Серафим, по особому доверию строителя Пахомия, пошел в житницу и нашел, что все закрома наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждавшимся — житницы снова наполнялись. Эти события имели большое влияние на возвышение милосердия, одного из существенных свойств о. Серафима. В то же время они вновь способствовали к утверждению сердца его в непоколебимом уповании на Промысл Божий и покровительство Пресвятой Богородицы.

Столько лет провел о. Серафим в монастыре! Так много он трудился над очищением своего сердца! Столько подвигов понес для спасения души! Мы уже видели, что эти труды не были для него бесплодны. Восходя в порядке по лестнице духовной жизни к христианскому совершенству, он достиг теперь значительной меры возраста мужа духовного. Дух его созрел для вселения в пустыни и для высших монашеских подвигов.

IV

УЕДИНЕНИЕ И ПОДВИГИ В ДАЛЬНЕЙ ПУСТЫНИ

Добровольное удаление о. Серафима в пустынь. – Причины и внешний повод к удалению. – Благословение настоятеля. – Описание пустыни. – Времяпровождение в ней и занятия в ней

Отец Серафим добровольно удалился в пустынь, но не без рассуждения и не без благословения насто-

ятеля. Мы замечали в нем склонность к уединению, когда он носил еще имя Прохора. Наклонность эта была сильна, с нею трудно было бы жить в мире, и вот она нашла себе исход и удовлетворение с поступлением Прохора в Саровскую пустынь. Здесь он увидел, что многие иноки, недовольствуясь общежитием, живут в лесу в уединенных кельях. С начала жизни своей в обители он предался совершенно монастырским правилам, и стремление его к уединению еще более усилилось: ему дано было благословение, из подражания старцам, уходить в лес для иноческого сокровенного доброделания. Будучи иеродиаконом, он имел уже келью в пустыни и в ней проводил целую половину обыденной жизни своей. Склонность его к уединению искала умерщвления греховных помыслов в пустынном житии. И вот о. Серафим, сделавшись иеромонахом, возымел намерение совсем поселиться в пустыни. Пустынническая жизнь была *призванием* его, назначением свыше. Из прежней жизни о. Серафима мы заметили еще, что в нем сильно было стремление к удалению от мира для непосредственного единения со Христом. Пребывание в общежитии научило его самопознанию: здесь, как в горниле, молодой инок познал свои немощи, окрепнув духом к совлечению их, сделался способным вести, с помощью Божией, уединенную жизнь. Скитский житель, авва Иоанн, наставляет пустынника: «Иметь ум, совлеченный всего земного, и, сколько позволяет человеческая немощь, соединиться им со Христом» (Иоанн Кассиан. Беседа 19, гл. VIII). Такая жизнь была вполне по духу отца Серафима в теперешнем его состоянии.

От причин пустыннической жизни, из которых одна лежала в душе о. Серафима, другая составляла цель пустынника, мы отделяем внешний повод, который

высказал он, прося благословения удалиться в лес. Инок христианин, понимающий тайну сокровенной жизни, всегда прикрывает свои цели и намерения какой-нибудь внешностью, которая, впрочем, со своей стороны бывает истинною и побуждением к цели. Так было и в настоящем случае. От непрестанного келейного бдения, от постоянного пребывания на служениях в церкви, словом, — от стояния в течение многих лет на ногах с небольшим отдыхом во время ночи о. Серафим впал в недуг: ноги у него опухли, открылись на них раны; он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь эта, со своей стороны, была немалым побуждением к избранию пустыннической жизни. В братских ведомостях еще за 1796 год стояла отметка, что он по болезни не несет никакого послушания в монастыре. Но по причине болезни о. Серафиму надлежало бы просить себе отдыха от трудов иноческих, поселиться в больничных кельях, которые теперь уже были отстроены; а он просил у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в пустынь, т. е. хотел от меньших трудов перейти к большим и тягчайшим. Семидесятилетний старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца. Строитель Пахомий в это время был уже нездоров и, не видя средств возвратить здравие, готовился к смерти. Отец Серафим, сохраняя в благодарной памяти, как наблюдал его в болезни старец Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезненным страданиям о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

«О чем, отче святый, так печалишься ты?» — спросил его о. Серафим.

Старец Пахомий отвечал: «Я скорблю о сестрах Дивеевской общины: кто их будет назирать после меня?»

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Обещание о. Серафима успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия; он поцеловал его радостно последним целованием и вскоре после сего почил мирным сном праведника. На его место в том же 1794 году строителем был определен достойный преемник, старец иеромонах Исаия, бывший восприемником о. Серафима при пострижении в монашество. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия, который любил его, как возлюбленное чадо свое о Господе, под руководством которого он прошел все степени монастырского жития и достиг до зрелости пустынножителя. Молитва его о своем отце, друге и благодетеле восходила к Богу, окрыляемая слезами и горячею верою. Утешением его в смертной разлуке с о. Пахомием было назначение старца Исаии, которого также глубоко любил и уважал о. Серафим.

Таким образом, после смерти старца Пахомия, с благословения нового настоятеля Исаии, духовного отца своего, о. Серафим 20-го ноября 1794 года, в день прихода в Саровскую пустынь, удалился в пустынную келью. Для беспрепятственного проживания в ней ему был выдан за подписанием строителя Исаии билет, который еще доселе сохраняется в Саровской обители. Вот текст билета: «Объявитель сего, Саровской пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыни в своей (т. е. монастырской) даче: по неспособности его в обществе, за болезнью и

по усердию, после многолетнего искушения (т. е. искуса) в той обители и в пустынь уволен единственно для спокойствия духа Бога ради и с данным ему правилом, согласно святых Отец положениям, и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте, и оное утверждаю – строитель иеромонах Исаия. 1794, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем».

Келья, в которой спасался старец, находилась в частом сосновом дремучем лесу на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за пять от монастыря, на восход зимнего солнца. Она была построена из дерева и состояла из одной комнаты с печкой; в комнату нужно было проходить чрез сенцы, к которым приделано было крылечко. Вокруг кельи устроен был небольшой огород с грядами. Все это пространство обнесено было забором. Сверх того, у него по времени был заведен и пчельник, доставлявший мед самый вкусный. Холм, на котором стояла уединенная келья, находился в соседстве с другими возвышениями. По близости о. Серафима, на расстоянии двух верст ближе к монастырю, жили в уединенных хижинах другие отшельники саровские: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собою св. Афонскую гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и кельями пустынножителей. Старец Серафим поэтому и назвал свой пустынный холм *Афонскою горою.* К тому же сей холм по подобию св. горы на одной стороне круто опускался вниз долу. Другие самые уединенные места в лесу в духовном смысле у него назывались именами разных святых мест. Там были: святой град *Иерусалим, Назарет,* где Св. Дева Мария получила благовестие от архангела; *Вифлеем,* где Христос ро-

дился; река *Иордан,* где принял Он крещение от Иоанна; *Фавор,* на котором было чудное Преображение; поток *Кедрский,* чрез который проходил Спаситель; *Голгофа,* на которой Он был распят; *Вертоград,* в котором погребен и воскрес гора *Елеонская,* с которой Он вознесся на небо и *седе одесную Бога Отца.* Такие названия приданы были разным местностям Саровского леса для живейшего представления событий земной жизни Спасителя, Которому решился подражать старец Серафим и о Котором он хотел проповедовать всем, приходящим к нему ради посещения и назидания.

Многие действительно стали посещать о. Серафима в пустынной келье. Приходили и женщины... Начинающий строгую пустынническую жизнь посещение женского пола считал для себя неудобным в том смысле, что иным из братий, а еще более из мирян, оно могло служить камнем претыкания и соблазна. Но и отказать женщинам в назидании, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом неугодным Богу. Итак, о. Серафим на том видимом и совершенно случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. Афонскую гору, решился распространить это запрещение на свой холм, названный *Афонским.* Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, чтобы его желание состоялось и чтобы Господь, если оно не противно Его воле, дал Свое знамение на то преклонением древесных ветвей по Его изволению. Сколько он просил о том Господа, как глубока была его молитва, сколь сильно и искренно было самое желание — то известно одному Богу да Пречистой Деве Марии, и еще самому старцу Серафиму. В преданиях же, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение

Своего изволения. Рассказ сей мы приведем в том виде, как он дошел до нас в письменном виде.

«Наступил праздник Рождества Христова, 25-го декабря. Старец Серафим, придя к празднику в монастырь, стал у поздней Литургии в храме Живоносного источника и причастился св. Христовых Таин. А после обеда, приняв пищу в монастырской келье, благополучно отправился ночевать в пустынь. На 26-е число, на праздничный день собора Пресвятой Богородицы, ночью он пошел в обитель к Литургии и дошел до места, где грунт земли круто спускается вниз долу, отчего гора и названа Афонской, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и ходу нет, а с вечера ничего такого не было. Но Богу вся возможна! Первая мысль родилась у него о благодарности: старец Серафим упал на колени и благодарил Бога за данное, по молитве его, знамение, уразумел отсюда, что Господу Богу угодно, чтоб женам на его гору не было входа. Кое-как перелез он сучья, завалившие тропу, пришел в обитель, поспел к самой Литургии и пошел в церковь Живоносного источника».

Так рассказывает о сем летописец времен Серафима. В тот день в храме Живоносного источника Литургию служил собором строитель, старец о. Исаия. Пустынножитель Серафим стоял в алтаре. По перенесении Св. Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, о. Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу строителю Исаии:

— Батюшка, отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входу.

Строитель, намереваясь читать молитву предложения, по перенесении Св. Даров на престол, отвечал на это с некоторым оттенком негодования:

– В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

– *Теперь-то* и благослови, батюшка, – просил о. Серафим.

– Да как я могу, – сказал строитель, – за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?

– Вы только благословите, батюшка, – сказал о. Серафим, – и уже никто из них не взойдет на мою гору.

Тогда подали образ Пресвятой Богородицы *Блаженное чрево*. Старец Исаия, благословляя о. Серафима св. иконою, сказал:

– Благословляю, чтоб не было женам входу на твою гору, а ты сам охраняй.

Приложившись к св. иконе, о. Серафим отошел спокойно на свое место и в обычное для священнослужителей время причастился Св. Таин. После обеда, возблагодарив старца Исаию за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келью.

Рассказ о сем до настоящей поры сохраняется с небольшими изменениями в самой Саровской обители. Знавшие лично о. Серафима говорят, что разговор со старцем Исаией происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы; что уже через неделю после благословения, о. Серафим, сходя со своей горы чрез овраг, нашел, будто бы кто нарочно сбил с деревьев сучья и завалил ими тропинку; что это обстоятельство он принял за изволение Божие на свою молитву. Разности в двух этих сказаниях так маловажны, что не уничтожают существо само-

го события. Устранив разноречия, мы должны оставить за несомненное, что о. Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу о запрещении женщинам восходить на его гору; что было дано какое-нибудь знамение на его молитву; что настоятель, с своей стороны, благословил образом Пресвятой Богородицы его желание. Тогда о. Серафим сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему совершенно был закрыт.

В этот период подвижничества о. Серафим носил постоянно одну одежду, самую простую и, так сказать, убогую: на голове была поношенная камилавка, на плечах балахон из белого полотна, руки в кожаных рукавицах, ноги обуты были в кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевались еще лапти. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его благочестивая мать, отпуская из дома, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно всегда носил при себе св. Евангелие. Не было ли это в мыслях о. Серафима видимым знамением и научением его в том, что он, как добрый подвижник Христов, всегда должен носить крест свой, отрекшись от мира, и что изображенное в Евангелии *иго Христово благо и бремя Его легко есть*? – Изображая подвижническую жизнь о. Серафима, мы не сомневаемся, что ношение креста и Евангелия не имело другого смысла.

Какие подвиги нес о. Серафим в своей пустынной келье, сколь разнообразны и тяжки они были; в какой мере они высоки были и спасительны, вполне то известно Господу Богу; то осталось глубокою тайною сокровенного сердца подвижника. Мы изобразим здесь лишь те деяния и труды, которые усмотрены были современниками, так сказать, сквозь ограду его пусты-

ни. Но и в этих подвигах усматривается связь и последовательность: о. Серафим от меньших духовных дел и легчайших переходил к большим и труднейшим, пока, наконец, не принял нового направления жизни, состоявшего в совершенном затворничестве.

Видимые подвиги о. Серафима в это время состояли из трудов телесных, чтения книг и молитвословии.

Телесные труды, по различию времени теплого и холодного, были различны. В холодную пору нужно было отапливать келью; старец своими руками приготовлял дрова, носил в хижину и согревал ее. Кроме труда телесного, в этом случае он добровольно переносил холод и мороз; ибо одежда у него и на зимнее время оставалась та самая, в которой мы уже видели его. Летом же он возделывал гряды на своем пустынном огороде. Чтобы удобрить землю, он ходил в жаркие дни на болотистые места, там собирал мох и носил на гряды. Так как в низменные места он входил без одежды, препоясав лишь чресла свои, то насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, по местам синело и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, имея на то примеры в деяниях свв. подвижников древнего времени православной Церкви. Каждое лето, удобряя землю мхом, о. Серафим возделывал без стороннего пособия гряды, сажал на них семена, поливал землю, очищал от худой, в пищу негодной травы и произращал некоторые овощи, употребляя их для подкрепления сил своих. В жизни строгого подвижника эти занятия, упражняя тело, имели притом нравственное значение: они послужили старцу к уврачеванию боли в ногах, которая выставлена была поводом к удалению в пустынь. С телесным упражнением сил старец

входил в состояние благодушия, которое изливалось в пении священных песней. Будучи всегда внимательным, владея счастливою памятью, он знал наизусть множество церковных песней, которыми и освежал свой дух среди однообразия телесных занятий. В разные церковные праздники и воскресные дни, воспоминая священные события, он певал разные священные песни. Но близкие к о. Серафиму замечали, что некоторые песнопения, имеющие наибольшее приложение к местности и уединенному его доброделанию, слышались чаще других и были любимым его пением. Таковы, например: а) *Всемирную славу*, песнь, которую о. Серафим певал в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее Покровительницею своей пустыни; б) *Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме,* – чудный антифон, в прекрасной картине представляющий пустынную жизнь и воскрыляющий душу пустынника к небесным вещам; в) *Иже от несущих вся приведый, Словом созидаемая, совершаемая Духом,* – песнь, возносящая душу к великому делу любви Божией, творению мира и человека; г) *Водрузивый на ничесом же землю повелением Твоим* и т. п. Так самые простые занятия возвышали дух подвижника к нравственному настроению и церковно-библейскому миросозерцанию. В каждом предмете, в каждом делании он видел сокровенное отношение их к духовной жизни и поучался. Отсюда замечались явления такого рода: отец Серафим, занимаясь какой-либо работой в огороде, или на пчельнике, или в лесу незаметно для себя, на некоторый срок, прерывал ее; орудия работы падали из рук; руки опускались; глаза придавали лицу чудный характер самоуглубления, – старец всею душою погружался в самого себя, умом уходил в небо и витал в богосозерцании. Никто не

смел в эти вдохновенные минуты нарушить его сладкой тишины: с благоговением каждый взирал на старца и тихо скрывался из очей его.

Какой же, стало быть, религиозно-целостный взгляд на природу выработал в душе своей старец Серафим в своей иноческой жизни? И не был ли он, по всей точности, в наше время представителем самого существа древлеправославного иночества, которое значительную часть своего духовного дела составляло в духовных умосозерцаниях, так много способствующих к очищению ума и сердца?

Чтобы постоянно держать себя на степени пустыннического созерцания, чтобы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, о. Серафим, сверх телесных трудов, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг. Самою первой книгой для него было теперь Священное Писание, и в нем св. Евангелие, которое он носил всегда при себе. Постоянная подвижническая жизнь, чтение многих отеческих писаний, изучение содержания богослужебных книг, молитвенное собеседования с Богом, озарили ум его таким светом, что он ясно понимал смысл слова Божия. Постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола. Любил он также для живейшего представления событий, читать св. Евангелие на тех местах, который как мы видели, носили в пустыни его название св. мест. Так, в Вифлеемском своем вертограде, созерцая умом Богомладенца, повитого в яслях нас ради, он пел, подражая силам небесным: *Слава, в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение.* Остановившись на берегу Саровки, как бы при водах Иордана в Вифаваре, о. Серафим читал об Иоанне

Крестителе, внимал проповеди его о покаянии и приближении Царства Христова и вспоминал крещение Спасителя во Иордане. Нагорную беседу Христа Господа о девяти сладчайших обетованиях блаженства он слушал на одной горе, лежащей у Саровской речки, а там, на другой возвышенности, названной горою Преображения, он созерцал в мысленном соприсутствии со свв. апостолами славу преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего саровского леса, он воспоминал по Евангелию моление Господа о чаше и, тронутый до глубины души внутренними его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. В одном месте, при значительном разливе Саровки, как бы на берегу Тивериадского озера, он читал Евангелие о явлении Господа по воскресении ученикам, беседе с ними и о чудной ловитве рыбы (Ин. 21, 1–14). На так названной горе Елеонской он созерцал славу вознесения Христова на небо и Его сидение одесную Отца. Так и естественное откровение Божие, или природа, вместе с богооткровенным глаголом Св. Троицы, служило благочестивому подвижнику в своей мере путем к духовному восхождению и совершенству. Тот не подивится не мало настоящему сказанию, кто знает, что природа со всеми ее явлениями получила бытие свое от Бога и что в числе ее назначений лежит мысль Божия – способствовать восхождению людей к Господу. Кроме Священного Писания, о. Серафим искал себе мудрости в творениях свв. Отец православной Церкви, и на этот раз душа его ограничивалась писаниями собственно подвижнического содержания, таковы, как творения Иоанна Лествичника, преподобного Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргарит и другие. Чтение слова Божия и писаний духовных о. Серафим считал делом

весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к небу и соединении с Богом. Это он называл *снабдением души,* свои мысли о сем изложил в особом трактате, под названием *Чем должно снабдевать душу*[6].

Таким образом, в пустынном уединении о. Серафим прочитал все Священное Писание с разумением. Теперь он искал в нем не одной истины, но и теплоты духа: слезы умиления нередко орошали его ланиты. Мир душевный и дар глубокого ведения слова Божия были наградою от Бога за сей труд. «Очень полезно, – говорил он, – заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разумения».

Третьим занятием о. Серафима в пустыни были молитвословия. С ним находилась Псалтирь с восследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых строгих пустынножителей. Так, около полунощи, встав от сна, он совершал правило Пахомия Великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа, он читал часы третий, шестой, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу св. Пахомия Великого, а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем *келейного прави-*

ла, которое также показано в прибавлении. Эти молитвословия старец Серафим уходил совершать также на места, которые в духовном смысле носили названия святых мест. Так, часы третий, шестой и девятый с чином изобразительных, в которых сосредоточено воспоминание страданий и смерти Христовой, он любил совершать уединенно на своей Голгофе. Здесь он очами веры видел, как Господь наш Иисус Христос пригвожден был ко кресту, как Он, пострадав, умер на кресте и был погребен. Старец по собственному духовному опыту знал все препятствия, какие испытывает человек на пути молитвенного восхождения, и впоследствии в беседах с другими указывал верные средства к устранению их; ведал все образы и степени молитвы, и сам восходил не только до подвига так называемой *умной* молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, в которой человек, подобно Стефану архидиакону, Григорию Паламе и другим, сподобляется небесных видений и откровения. «Когда ум и сердце, – говорил он, – соединены будут в молитве и помыслы не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека».

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб, обыкновенно, он брал с собою по воскресениям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он употреблял овощи, добываемые

трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременять *ничим же* обители и, по примеру великого подвижника ап. Павла, питаться, *делающе своими руками* (1 Кор. 4, 12). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба *насущного*, а по благословенно настоятеля Исаии, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Св. Таин в субботу. Еще чрез несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до неимоверной степени. Совсем перестав брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух лет с половиною. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время не только, летом, но и зимой. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но пред смертью, в разговоре от 20 мая 1832 года с одной доверенной особой, которая тогда же и записала свою беседу, о. Серафим открыл это, начав так: «Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье».

Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять, или что действительное? Он отвечал: «Экая ты какая! Разве не знаешь *травы* снить? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки».

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал.

Он отвечал: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Я спросила, а долгое ли время он кушал ее.

Он дал мне точный ответ и на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиною лет, неотступно три года он питался одной сей травой.

По будням, спасаясь в пустыни, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею Литургией в больничной церкви свв. Зосимы и Савватия причащался св. Христовых Таин. Затем до вечерни он принимал в монастырской келье приходивших к нему по нуждам духовным из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустынь. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедовался и причащался Св. Таин. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыни! Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им; о. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не мог вынести трудностей пустыннического жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчивались полным успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель.

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто хотели посе-

тить его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустроению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах. На сердце их с особенною глубиною напечатлелась беседа его о непрестанной внутренней, или умной молитве, ее силе и значении, – учение, которое известно стало о. Серафиму не из книг, а из собственного опыта жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в следующем наставлении о. Серафима о *молитве.*

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнаго*; или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, молясь: *Пресвятая Богородице, спаси нас;* или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся.* Таковым упражнением при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним, ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

«Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симеон Новый Богослов» (Симеон Новый Богослов. Слово 68).

Достоинство же молитвы ясно определил св. Златоуст.

«Велие, – говорит он, – есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть» (Маргарит. Слово о непостижимом).

«В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании: открывать же очи разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу».

«Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы».

«Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его по действию диавола, как говорит св. Макарий: «Все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить» (Слово 2, гл. 15).

«Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему

все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынножителям Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушать его духовных занятий, они ожидали неведомо для старца окончания их. Случалось и так, что, пождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места, и, имея такой живой урок подвижничества пред собою, сами с вящим усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей о. Серафима в это время особенно известен один диакон Нижегородской губернии, впоследствии иеромонах и подвижник, Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человек образованный. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверх его желаний. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного пожив, супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот о. диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Тут он сблизился с пустынножителями о. Серафимом и Марком. Старцы, видя его искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. Отец диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский преосвященный желал посвятить его в иеромонаха.

«Но аз, – говорил о себе Тимон, – никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом». Спустя много лет, преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехав в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал этого. «Аз же, – говорил о. Тимон, – пожелал на покой в Костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод уволил его от монастыря, а игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь о. Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая церковь. С хутора доставляли пустыннику пищу. Потом «грех моих ради великих, – повествовал о. Тимон, – повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустынью и попротивился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал, как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезя мне пищи, нашли меня без памяти и без языка, и всего разбитого, и взяли меня, и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николиже был болен. И аз благодарил Господа Бога моего и более противиться воле Божией не стал и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз с помощью Божией в скором времени устроил сию обитель». Обитель эта называется ныне Надеевской пустынью и состоит в Костромской епархии[7].

Если же вне пустынной кельи своей старец неожиданно встречал кого-либо в Саровском лесу, то, обык-

новенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и удалялся прочь: «От молчания никто никогда не раскаивался», – говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших о. Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное впечатление, никогда неизгладимое, и нередко научала их добродетели не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силою выражения:

«Совершенная любовь к Богу, – учил он, – соединяет любящих с Богом и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит».

«Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо».

«Истощай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия».

«Как дело Божие править миром, так дело души – управлять телом».

«Похоть истребляется страданием и скорбью: или произвольною, или посылаемой Промыслом».

«Какою мерою меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ».

«Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего».

«Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях».

«Хорошо бесстрастие: Сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых».

«Не будь нерадив в деятельной жизни – и просветится ум твой; Сам Бог обещает это: *Сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе* (Ис. 45).

«Уединение и молитва – великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым».

«Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием».

«Кто переносит с молитвою удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным».

«Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен».

«Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укоренясь, рождает терпение – навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ».

«Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и, поистине, высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные *страхования*. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ло-

мать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из кельи. В другие разы, и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему *видимо* вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшия нападения. Так он по Божию попущению поднял его на воздух и оттуда с такою силою ударил об пол, что, если бы не ангел хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самых злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере заметно, что старец точно видал злых духов; ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его: «Батюшка! Видали ль вы злых духов?»

Старец с улыбкою отвечал: «Они гнусны... как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца *аввою,* настоятелем где-нибудь в обители. От-

крылось в 1796 г. место архимандрита в городе Алатыр. Отца Серафима предназначили было туда настоятелем, с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Одно это обстоятельство не довольно ли доказывает, что о. Серафим искал в монашестве спасения души и точно хотел быть подвижником в истинном и подлинном смысл сего слова! Строителю Исаии и братии саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырском монастыре, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силою, от которых пал некогда великий во отцех Феофил, эконом Аданской церкви (см. Четьи-Минеи, 23 июля). В тяжком душевном состоянии старец Серафим обратился к Господу, Подвигоположнику нашего спасения, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, а сам решился усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый, высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный

камень. Вспомнив о трудном подвиге свв. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в *ночное* время на этот камень для усиленного молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди ми грешному.* Чтобы уравнять ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келье имел камень. На нем он молился *во время дня* с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищей. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток.

В наставлениях своих о. Серафим всегда говорил, что «хотя все старание надо иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа, но если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели». Так светло смотрел о. Серафим на подвижническую жизнь! Так он и действовал. От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось; в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не видала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился *черновой* отзыв Нифонта, в котором настоятель отве-

чал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни, он в назидание слушателям рассказал и о сем подвиге некоторым из братий.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвигнут удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это свыше сил человеческих.

Подвижник, в объяснение совершенной возможности дела, заметил со смирением: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе; а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же с своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрепляющей?»

«Да, — отвечал старец, — иначе сил человеческих недостало бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца светов...».

Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах против воли старца высказался дух его моления. Он молился с *умилением,* и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Камни, на которых подвизался о. Серафим, доселе сохраняются, как увидим ниже, и некоторое время после смерти его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть их, так что в пустынь Серафимову вместо

прежней тропинки впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частички от его камней. В некоторых благочестивых домах встречаются эти частицы с изображением на них о. Серафима, стоящего на коленях в молитвенном положении.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешными: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него чрез злых людей. 12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестные ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в то время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря: «К тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: *вси приемшии нож, ножем погибнут* (Мф. 26, 25), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, подняв с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал

на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням кельи, по дороге яростно продолжали бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку!.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келью, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали, и ничего для себя не нашли: видели только у него св. икону, да попалось несколько картофеля. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека; какой-то страх напал на них, и они в ужасе бежали вон. Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц и, проведя ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой Литургии. Вид его был ужасен: волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; выбито несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежды измятые, окровавленные, засохли и по местам пристали к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали, что с ним такое случилось. Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями стар-

ца. Таким несчастием о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Диавол, воздвигше злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель старец Исаия на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовав старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения, врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье о. Серафима; он состоял из трех врачей; с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языки рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокою признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, вдруг оповестили: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и прият-

ный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная славою. За Ней следовали свв. апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дива перстом правой руки показала на больного и, обратясь пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом, опять обратясь лицом к старцу, сказала: *Сей от рода нашего,* – и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего к удивлению всех отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным Врачам душ и телес. Нечего было делать: оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовал облегчение от болезни, сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келье и вечером в девятом часу подкрепился пищей: вкусил немного хлеба и белой квашенной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубке дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямоту и стройность, сделался согбен-

ным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С сего времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пяту служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустыннической жизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии, и сам, искренно жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных, крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая свв. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слова Спасителя: *Не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келью. Неизвестно, каково было состояние его духа в первые минуты вторичного поселения в пустыни; но, зная его безграничную любовь к уединению, мы не ошибемся, если представим его в следующих словах св. Василия Великого.

«О, уединенное житие! Дом учения небесного и божественного разумения училище, в котором Бог есть все, чему учимся. Пустыня – рай сладости, где и бла-

гоуханные цветы любви то пламенеют огненным цветом, то блестят снеговидною чистотою, с ними же мир и тишина. Живя в низменных местах, они пребывают недвижимы от ветра. Тамо фимиам совершенного умерщвления не только плоти, но, что славнее, и самой воли; и кадило всегдашней молитвы, сладко сгорая, непрестанно вскипает огнем любви божественной. Там различные цветы добродетели, блистая различными украшениями, процветают благодатью неувядаемой красоты. О, пустыня, услаждение святых душ, рай неисчерпаемой сладости! Ты – пещь, в которой силу горящего пламени святые отроцы уступают молитвой и горением веры угашают горящий вокруг себя пламень, в котором горят и стрелы, и оковы, но окованные не сгорают. Только узы греха разрешаются, и душа возводится к пению божественных хвалений, взывая: *Разширил еси уста моя! Тебе пожру жертву хвалы*».

Таким образом, диавол и в этой борьбе со старцем с новым поселением его в пустынь претерпел совершеннейшее поражение. Но ему готовился удар еще больший и страшнейший, нежели какого он мог ожидать. Крестьяне, избившие старца, были найдены. Это были крепостные люди помещика Татищева, Ардатовского уезда из села Кременок. Что же? Отец Серафим и сам простил их и настоятеля упрашивал не делать с них никакого взыскания. Также и помещику он писал, чтобы не наказывать их. «В противном случае, – говорил о. Серафим, – я оставляю Саровскую обитель и удаляюсь ни для кого неведомо в другие святые места». Также и с настоятелем говоря, он соглашался лучше, чтобы его удалили из обители, нежели им нанесли какое-либо наказание. Так о. Серафим был незлобив! Такие обиды мог прощать врагам сво-

им! Какое лучше этого посрамление можно было нанести врагу, воевавшему против старца? Отец Серафим по заповеди Господа простил врагов своих, предоставив отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно возгорался над ними: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Вразумление Божие в этом несчастии было так очевидно, по крайней мере, для самих разбойников, что они пришли и со слезами раскаяния опять просили у о. Серафима прощения и святых его молитв.

Из всей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом старец Серафим вынес основательный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносил большую пользу другим во спасение души. Так один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к о. Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями насчет пустынножительства, спросил его: «Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежительства в пустынь есть фарисейство; что переменением оказывается пренебрежение братии, или еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

Старец отвечал: «Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и Великому Арсению сказано было: *Бегай людей и спасешься* (Четьи-Минеи, 8 мая)».

Другому иноку после тщательного испытания было дано настоятелем благословение начать пустынническую жизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. Отец Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келью неподалеку от своей. Когда инок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножительства, то старец по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле, ответствовал: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). По разуму св. Иоанна Лествичника, не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться».

Вообще он неохотно советовал другим поселяться в пустыни и в предостережение объяснил, что живущий в пустыни должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыни – точно как со львами и леопардами. А потому, если и склонялся на сторону пустынножительства, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем единонравным братиям. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: *Блази два, паче единаго, им же есть мзда блага в труде их: яко аще падется един от них, воздвигнет другий причастника своего: и горе тому единому, егда падет, и не будет втораго воздвигнуть его: и вервь переплетена не скоро расторгнется* (Екк. 4, 9–12). *Брат от брата помогаем, яко град тверд и высок, укрепляется же, якоже основаное царство* (Притч. 18, 19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи, текст которых приведен ниже, каковы, например: о подвигах, о помыслах и плотских движениях, о хранении сердца, о мире душевном, о хранении мира душевного и т. п.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом украсил о. Серафима даром прозорливости, действия которого обнаружились в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Один боголюбивый посетитель Саровской обители, пленившись ее священным благолепием, положил в душе своей решительное намерение вступить в нее для спасения себя в звании иноческом; но, возвратившись домой, он увлекся мирскою жизнью, потом вступил в брак и имел двух детей. Совесть, однако же, напомнила ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как грешник, кланялся в ноги Саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев посоветовал ему обратиться к о. Серафиму, который в то время спасался здесь, в дальней пустыни. Придя сюда и увидев о. Серафима, вышедшего из кельи, с заступом в руках, боголюбивый посетитель бросился к нему в ноги, умоляя дать ему благий совет в его душевном расстройстве и помолиться Господу, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Выслушав его безмолвно, о. Серафим спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв на этот раз о жене и детях, клялся быть даже до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя, сверх того, готовность и усердие понести какую-нибудь епитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещаний, сказал: «Если ты точ-

но по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» С сими словами он благословил пришельца и отпустил от себя. Это был один из первых опытов прозорливости старца. Вскоре после беседы умерла жена, а за нею последовали и дети человека, желавшего иноческой жизни. И он, не связанный с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, в ней пострижен был в монашество и умер истинным иноком.

Весьма понятно, что о. Серафим по своим подвигам, по духовной опытности пользовался всеобщим уважением в Саровской обители. Преемник строителя Пахомия, старец Исаия, духовный отец и восприемник о. Серафима, очень почитал его, любил и дорожил его беседами. В удовлетворение таких чувств он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году о. Исаия, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители по общему желанию братии пал на о. Серафима. Вот снова старец избирается на начальственные должности; но и на этот раз по своему смирению и из крайней любви к пустыни он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея. Поступив в число братии, бывший настоятель Исаия еще год прожил на сей земле, и все это время находился в болезни. Не имея возможности по причине недугов своих ходить за шесть верст в пустынь к о. Серафиму, не желая и его отвлекать от сладкого пустынножительства, старец Исаия никак не хотел, однако же, ли-

шиться утешения беседовать с ним. Братия по усердию возили в тележке бывшего своего настоятеля, больного старца, в пустынь, и о. Серафим своею беседою успокаивал восприемника и духовного отца своего и услаждал последние минуты его жизни. 4-го декабря 1807 года, на шестьдесят седьмом году от рождения, доблестный старец почил сном праведника, оставив по себе во всех добрую память.

Потеря такого собеседника, духовного отца и начальника глубокою скорбью поразила любвеобильное нежное сердце о. Серафима. Мысли о тленной настоящей жизни, о неизбежности и нечаянности смертного часа, о Страшном Суде Божием в образ почившего старца и духовного друга живее представились сердцу о. Серафима. Теперь уже не было в живых самых близких и лучших друзей и руководителей старца. Кости Иосифа, который учил его отеческому пути, давно почивали в могиле. Праведная душа старца Пахомия, которого о. Серафим считал не только благодетелем, но и духовным другом своим, также витала в загробном мире. Умер и старец Исаия, любивший о. Серафима как свое духовное чадо и почитавший в нем высокого подвижника и мудрого собеседника. Во всю жизнь свою о. Серафим с искренним усердием молился Богу об упокоении этих трех достопочтенных отцев. Всякий раз, проходя мимо кладбища, он считал обязанностью зайти на могилы их, преклонить колени у священного праха и вознести молитву о них Господу живых и мертвых. В беседе с начальницей Ардатовской общины, Евдокией, он дал следующее наставление: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов своих: *Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка* и проч., и потом припади ко гробу, гово-

ря про себя: «Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне». Так он внушал и другим молиться о своих духовных руководителях и вообще о Саровских подвижниках, называя их, по высоте и горячности молитв, *огненными столпами от земли до небес;* так молился и сам. В смерти строителя Исаии о. Серафим много утешался мыслью, что его место занял старец Нифонт, человек редких свойств, ценивший и любивший его. Тем не менее, со смертью Исаии последующая жизнь о. Серафима приняла новое, в аскетическом смысле высшее духовное направление.

V

МОЛЧАЛЬНИЧЕСТВО. – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ И ЗАТВОР.

Новый подвиг о. Серафима. – Молчальничество. – Его различные проявления. – Сущность молчальничества, по понятиям самого старца. – Ответ на вопросы братии о сем. – Молчание, переход к затвору. – Обстоятельство затвора. – Саровский собор старцев. – Приход о. Серафима в обитель и затвор. – Убранство затворнической кельи. – Ношение большого креста. – Одежда и пища в затворе. – Молитвенные труды. – Чтение и толкование Св. Писания. – Восхищение в небесные обители. – Причащение Св. Таин. – Дубовый гроб в сенях. – Один из сокровенных подвигов старца. Ослабление затвора. – Посещение старца епископом Ионою и Тамбовским губернатором. – Хождение к старцу братии и его наставления к ним. – Открытие дверей кельи для посторонних. – Описание приема, каков он делал посетителям. – Наставление и краткое молитвенное правило его. – Обращение со знатными лицами. – Приход к старцу простых людей. – Замечательные случаи прозрения, исцелений и других деяний старца, относящихся к настоящему времени. – Окончание затвора.

Старец Серафим после смерти строителя Исаии, оставаясь жительствовать в пустыни, принял на себя иноческий труд молчания. «Паче всего должно укра-

шать себя молчанием, – говорил он, – ибо, говорит св. Амвросий Медиоланский, молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же не единого. И паки, некто из отцев говорит: «Молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия суть мира сего». С этих пор жизнь его становится еще безмолвнее прежнего: ибо не одна уже пустынь, но собственные уста старца закрывают ее от нас.

В каких же видах является теперь наблюдателю жизнь о. Серафима? Вообще теперь он принял за руководство себе деяния двух древних подвижников: Арсения Великого и Иоанна молчальника и пустынника. В частности – если к нему приходили в пустынь посетители, он к ним не являлся. Случалось ли ему самому неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В этих видах он сохранял свое безмолвие около трех лет. За несколько времени до исхода этого срока он перестал посещать и обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному брату совершать это послушание в зимнее время! Дороги в пустынь о. Серафима не было. Бредет он, бывало, во время вьюги по снегу, утопая в нем по колени, с недельным запасом в руках для старца молчальника!.. Войдя в сени, носивший брат, обыкновенно, произносил молитву. Старец, сказав про себя: *Аминь,* – отворял дверь из кельи в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу на землю: сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись по обычаю

и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Сими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Существо же подвига состояло не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчальничество, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил о. Серафим, – тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердцу человека: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания, – говорил он, – рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *Воды Силоамли текущия тисе* (тихо) (Ис. 8, 6). В соединении с другими занятиями духа молчальничество возводит человека к благочестию. Пребывание в келье в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым: ибо, по словам свв. Отцев, келья инока есть пещь Вавилонская, в которой трие отроцы Сына Божия обретоша. Молчание приближа-

ет человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *На кого бо,* – говорит Он, – *воззрю, токмо на кроткаго* и *молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчальничества! Вот чего хотел он достигнуть путем сим, *возложив всю печаль свою на Господа* (1 Пет. 5, 7).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания, он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его, зачем он уединяется, когда бы, пребывая в близком общении с братиею, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей. Старец отвечал, говоря словами свв. Отцев: «Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мир», – сказал св. Исаак Сирин. И св. Григорий Богослов рек: «Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Молчальничество не было, однако же, таким подвигом, на котором старец Серафим решился бы окончить жизнь свою. Чрез него, как бы лестницею, получив большее совершенство, он перешел к высшему подвижничеству, называемому *затвором.* Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В описываемое время настоятелем был, как уже известно,

о. Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги: ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Таин, хоть мы ни на минуту не сомневаемся, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Не подавало ли это обстоятельство кому-нибудь и соблазна, к которому люди так склонны?.. Вот строитель созывает монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предлагает на рассуждение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жительствовать в монастырскую келью. Общим советом присудили спросить чрез брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, яко же обычно, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принеся пищу на будущую неделю, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в си-

лах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весною 8-го мая 1818 года. Вступив в монастырские врата после пятнадцатилетнего пребывания в пустыни, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Столько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решился жительствовать в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9-го мая, в день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришел по обычаю в больничную церковь к ранней Литургии и причастился св. Христовых Таин. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келью строителя Нифонта, и, приняв от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание о. Серафима, видимо, было переходом к затвору. И совершенно уединенная жизнь его, проводимая в молчании пустынном, не была ли уже началом затвора или и даже самым затворничеством? В келье монастырской о. Серафим, очевидно, продолжал то, что уже начато года с три тому назад в пустыни, с которою, быть может, он и затвор соединил бы, если бы не повстречались описанные обстоятельства.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келье своей он не хотел иметь для отсечения своеволия ничего,

даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. В это время для умерщвления плоти, *да дух спасется,* он носил на плечах своих под рубашкою на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из свв. Отцев носили и власяницу и железные вериги, но они были мужи мудрые, совершенные, и все это делали из любви Божией для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу. Таковы были из наших русских православных святых: преп. Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Василий Блаженный и другие. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и закону Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью, и, с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Как, стало быть, мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни!

И все это оттого, что мы мало о ней рассуждаем и ей внимаем. Можно ли же в таком состоянии духа и жизни покушаться на подвиг, свойственный мудрым и совершенным Отцам, носить вериги и власяницу?»

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питьем его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живущий; подойдя к келье, брат, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взяв блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепив себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые кукулем скрывали вид свой, *во еже не видети суеты*. Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь *свое* правило и все ежедневные службы, кроме Божественнейшей Литургии. Сверх того, он предавался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичную. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред св. иконою не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом в сердце созерцая Господа... Высока и глубока эта безмолвная, затворническая молитва!

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник — Евангелие от Мат-

фея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в остальные дни – Деяния и послания св. Апостолов. В сенях сквозь дверь иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния св. Апостолов. Деяния св. Апостолов он толковал вслух довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слова в сладость, утешение и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой, возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

Совершенное самоуглубление о. Серафима в истины евангельские, конечно, не осталось не облагодатствованным свыше. Важнейшим свидетельством этого служит то, что он удостоился непостижимого восхищения в небесные обители, подобно апостолу Павлу и св. Андрею Христа ради юродивому, которые вознесены были до третьего неба, и подобно Варсонофию преподобному.

Об этом, непонятном для простого человеческого смысла видении, или откровении, послушник Иоанн Тихонов (позднее иеромонах Иоасаф) рассказывает так: «Однажды, уже по выходе отца Серафима из затвора, посетил меня один боголюбивый брат, с которым мы обыкновенно делились всякою радостью и утешительным словом, слышанным от отца Серафима в общее наше назидание. Между прочими разговорами вдруг он спросил меня, открыл ли мне отец Серафим о той великой тайне, как он сподобился быть восхищенным в небесные обители? Я отвечал ему, что ничего не слыхал об этой великой милости Божией, а сам между тем скорбел сердечно, отчего и мне старец не открыл об этой великой тайне. Сколько я

ни расспрашивал брата о том, чтобы он рассказал мне что-нибудь из слышанного от отца Серафима; но при всем его желании, он ничего не мог сообщить вразумительно моему понятно.

Итак, проводив брата и с нетерпением дождавшись вечернего времени, я отправился, по обыкновению, часу в шестом к отцу Серафиму с намерением умолить его о том, чтобы он сам усладил мою душу рассказом о полученной им великой милости Божией. Старец при моем приходе встретил меня, как отец чадолюбивый, и вслед за мною запер на крючок двери.

Когда мы сели друг против друга и я уже хотел молить его о том, чтобы он поведал мне великую тайну, как он в ту же минуту заградил мои уста своею рукою и первое его слово было: «Огради себя молчанием».

И тут же он начал раскрывать предо мною историю пророков, апостолов, свв. Отец и мучеников со свойственной простотой. Он говорил, что все святые, которых прославляет Церковь Христова, оставили нам по своем успении жизнь свою, как пример для подражания, и что все они были нам подобострастны, но исполнением в точности от всей души заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать, сподобились разнообразных даров Духа Святого и наследовали Царство Небесное, а пред ним вся слава мира сего, как ничто, все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях: там вечная радость и торжество.

Для того же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвою и памятованием Господа.

«Вот, я, убогий Серафим, для сего прохожу Евангелие ежедневно. В понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и послания Апостольские и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Чрез это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

После этого старец снова сказал мне: «Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». И это повторил еще два раза.

Вслед за тем в неизобразимой радости с усилением голоса старец сказал: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме, – и потом, понизя свой голос, продолжал, – я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорил: «В дому Отца Моего обители мнози суть», – т. е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно». И с сими словами отец Серафим замолчал. В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми взорами поникла долу, и простертою дланью правой руки он совершенно тихо и одинаково водил против

сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него, на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что, поистине, можно было назвать его в это время земным ангелом и небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, – знает один Бог.

Праведник Божий, по немощи человеческого языка, не мог словами объяснить дивного восхищения своего в небесные обители, зато показал мне чудным светом своего лица и таинственным своим молчанием. А я, хотя и был самовидцем этого дивного события, но всегда скажу одно и то же, что Бог весть, как все это совершилось.

После довольно продолжительного молчания, около получаса, по моему мнению, отец Серафим снова заговорил и в самых и радостных чувствах, вздохнув, с умилением голоса сказал: «Ах, если бы ты знал, возлюбленнейший мой отец Иоанн, какая радость, какая сладость ожидают душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением, и если бы самая эта келья наша (при этом он указал на свою келью) была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, не печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и

сам батюшка св. апостол Павел (2 Кор. 12, 4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворятся праведных души?»

Помолчав еще немного, начал он говорить о вечных мучениях грешников.

«Страшно читать слова Спасителя, где Он творит праведный суд свой нераскаянным грешникам: *идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46) *идеже червъ их не умирает, и огнь не угасает* (Мк. 9, 46–48), *ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. 8, 12). Если этих мучений боится и трепещет сам сатана, то в каком состоянии, в каком ужасе будут нераскаянные грешники? И *аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится* (1 Пет. 4, 18)?

Тем, которые заглушали свою совесть и ходили в похотях сердец своих, там, в ожидающем их аде, нет никакого помилования. Нет там милости не сотворшим здесь милости. Они услышать тогда Евангельские слова: *Помяни, чадо, яко восприял еси благая в животе твоем* (Лк. 16, 25). В здешней, временной жизни еще может виновник как-нибудь отговориться от наказаний чрез случай или друзей; а там одно из двух: или придите или отыдите! Уста Божии, как меч обоюдуострый, в тот страшный миг решат все, и уже не будет возврата. Праведники наследуют обители небесные, а грешники идут в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

При конце беседы старец как бы совсем забыл о том невыразимо сладком состоянии своего духа, когда он говорил о восхищении в небесные обители. Он сознавал теперь только слабость естества своего и называл себя первым грешником. Наконец, дав мне отеческое благословение, он отпустил меня в мою келью

с миром (Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима, СПб., 1877. С. 47–54).

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчальничества пренебесные Тайны, по благословенно строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келью после ранней Литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим упросил сделать для себя гроб и поставить его в сенях затворнической кельи. По его желанию гроб был приготовлен; его выдолбили, а также и крышку к нему от цельного дуба, и он, некрашенный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с саровскими братиями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, встав ранее обыкновенного, послушник Иоанн Тихонов (впоследствии Иоасаф, игумен Павло-Обнорского монастыря), отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятников, брат приметил у кельи о. Серафима человека, который двигался быстро взад и вперед. Воображение инока встрепенулось. Он оградил себя крестным знамением и с молитвою стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвиж-

ник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое ближайшее к келье место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта: всякий мог прийти к нему, видеть его, старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келью, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, приняв на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее обыкновенно через год, в августе месяце, на храмовой праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть о. Серафима, пришел было к его келье; но старец, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора; о. Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться еще примером Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и о. Серафиму еще не наступило время, хотя и недалеко уже оно было, оставить затвор. Игу-

мен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже ко Господу; но преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам!» Оставив старца, он удалился в мир из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний Тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов; с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение о. Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце о. Серафимом. Когда губернатор с женою подошли к келье, старец сам отворил первым им двери своего затвора и благословил их. Это было осенью 1815 г. С этого времени начали приходить к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступив в обитель, он два года не видал о. Серафима и после очень жалел об этом, но когда пришел к о. Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе его сердце. С своей стороны и Гавриил полюбился старцу, ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как пред Богом, удаляясь всякой скрытности. После сего этот Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом, но после беседы с ним возвращался в свою келью в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка о. Серафим. Много сказано было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселе-

нии о. Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокою горестью говорил о важности сей потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

Здесь можно представить в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по церковному уставу, и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом, советовал всем ходить на церковные службы, на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, как унывешь или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или горящую свечу. Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно как на свечу, делаемую, обыкновенно, из воска и светильни, и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь любовь, которая все соединяет вместе: и веру, и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем и угасая, – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме, да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни; ибо как тает свеча зажженная пред ликом Божиим, так с каждою минутою умаляется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтоб жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающего смрада». Обращаясь да-

лее к общему перечню предметов, заметим, что о. Серафим внушал непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, не вкушать пищи до времени, определенного уставом; за трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсутствием не соблазнял братии; за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушать предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать совсем иноческого пути, удерживаться от своеволия, гибельные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души (Мф. 10, 22), хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Настоятель Саровской обители, игумен Серафим[8], в 1824–1826 годах исправлял в больничной церкви пономарскую должность. На его послушании лежало ежедневно, после каждой Литургии, носить к о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для сего повешенную у двери, и, сотворив молитву, якоже обычно, удалялся восвояси. Из больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келью Св. Дары для причащения.

Вскоре после того, как старец открыл братии дверь своей кельи, некоторые посетители убедительно просили его принимать к себе и мирян. Тогда по его изволению к нему начали ходить уже посторонние. Теперь жизнь старца приняла новое христиански-общественное направление. До сих пор он види-

мо заботился об одном себе и о спасении души своей. Деятельность его о ближних исключительно состояла в молении о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор, духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, став в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение, и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Двери его кельи открыты были для всех от ранней Литургии до 8 часов вечера. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль (священническая одежда) и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние в грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними, он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: *Согрешил я, Господи, согрешил душею и телом, словом и делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением.* Сам затем

произносил молитву разрешения от грехов: *Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо* (имя его), *вся согрешения твоя, и аз, недостойный иеромонах Серафим, властию Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.* При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, т. е. имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятии пищи, давал вкушать из чаши *великой агиасмы,* т. е. св. богоявленской воды, благословлял частицею антидора, либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: *Христос воскресе,* – и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконою Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* «В этом да будет, – говорил он, – все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно со-

держи на устах и в сердце твоем. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте».

Другое из частых наставлений отца Серафима было сие:

«Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящее свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть жених ей, вводящий ю в свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это от неграмотности, другие – по недосугу. Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило:

«Восстав от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню: *Отче наш* трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: *Богородице Дево, радуйся* – также трижды, и, наконец, Символ веры: *Верую во единого Бога* – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куданибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи помилуй*, и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианина пусть читает также тихо: *Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго,* – и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: *Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго или грешную.*

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды *Отче наш,* трижды *Богородице* и однажды *Символ веры.* После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, «держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства; ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая принесена с неба архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры».

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, *спасется* (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило, и вдобавок он человек грамотный, тот пусть к этому присоединит и другие душеполезные молитвословия и чтения, как-то: чтение не-

скольких зачал из св. Евангелия и Апостола, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься на верх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. Отец Серафим относился к ним с должною честью и с христианскою любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. православной Церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живою проповедью о их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самою жизнью для блага родины и Церкви. Более же всего по нуждам того времени он умолял их охранять великую, святую, православную, кафолическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. «Этого, – говорил он, – ждет от вас народ Русский, к тому должна побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил государь, к этому обязывает св. Церковь и Сам Господь Бог, ее основатель и хранитель». Великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще гораздо более являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так однажды прибежал в обитель простой кре-

стьянин с шапкою в руке, с растрепанными волосами, спрашивая, в отчаянии, у первого встречного инока: «Батюшка! Ты что ли отец Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка, у меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий, не знаю, чем кормить буду семью. А, говорят, ты угадываешь». Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в *такое-то* (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Другой подобный сему случай рассказывал о. Павел, инок Саровский.

«Однажды привел я, – говорил он, – к о. Серафиму молодого крестьянина с уздою в руках, плакавшего о потери своих лошадей, и оставил их одних. Чрез несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что, отыскал ли ты своих лошадей?»

«Как же, батюшка, отыскал», – отвечал крестьянин.

«Где и как?» – спросил я еще его.

А он отвечал: «Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал и взял к себе моих лошадок».

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, А. И. Моляева рассказывала следующий случай

прозорливости о. Серафима, принадлежащий настоящему времени:

«Муж мой, Николай Кириллович Моляев, лишившись места управляющего в сели Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность к о. Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его св. молитв и благословения, и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет.

Я отправилась в Саров и по прибытии моем туда нашла, что о. Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода о. Серафима, к его келье; и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей кельи и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: «Дочь Агриппина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне св. воды, антидора, красного вина и несколько сухарей сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай». С сими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова затворился и никого к себе не принимал.

По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни: у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию о. Се-

рафима, больному красного вина с антидором, и потом св. воды — больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, св. Отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мною и сказал: «Велики дела о. Серафима!» Лег снова и мирно отошел ко Господу».

В это же время снискал доверие о. Серафима помещик села Нуч, стоящего в шести верстах от г. Ардатова, Михаил Васильевич Мантуров, с именем которого связаны обстоятельства происхождения Серафимо-Дивеевской общины. Находясь в Лифляндии по обязанности военной службы, он впал в болезнь, свойства которой затруднялись определить лучшие врачи, а потому отступились и от ее лечения. Такие скорбные обстоятельства вынудили его оставить службу и поселиться в имении. Село Нуч находилось от Сарова на расстоянии сорока верст. Отец Серафим в то время уже проявлял в себе присутствие дара исцелений; слух об этом ходил по всем окрестностям Сарова; стали советовать Михаилу Васильевичу побывать у Саровского подвижника. Мантуров решился просить молитв старца о своем исцелении, и был принесен к нему на руках своими людьми. Увидев его в таком положении, старец Серафим сперва трижды спросил:

«Веруешь ли ты несомненно в Бога?» На каждый вопрос Михаил Васильевич отвечал утвердительно: «Несомненно верую». Потом о. Серафим, взяв елея из лампады, висевшей пред образом Божией Матери Умиления, которую он называл иконою Божией Матери *радости всех радостей*, помазал больные места, — все струпья, покрывавшие тело, тут же мгновенно отпали. Михаил Васильевич, получив здоровье, без по-

мощи других вышел из кельи о. Серафима. Памятуя всегда об этом благодеянии, Михаил Васильевич Мантуров весьма часто бывал в Сарове для посещения о. Серафима, к которому привязан был всею душою. Заметим – это было в 1823 году.

Княгиня А. Колончакова рассказывала о прозорливости о. Серафима следующее обстоятельство. «1824 года 14-го сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с тою целью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около четырех лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся, во всяком роде бывает траур». Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась: чрез три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н. Н. «В 1825 году в первый раз посетила я с сестрою Саровскую пустынь с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с нею, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келью. Дорогою я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутылки, и полюбопытствовала спросить у сестры, что такое несет он. Сестра отвечала, что она пожелала,

по примеру других посетителей Сарова, принести в дар о. Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и с своей стороны принести также в дар о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению и, таким образом, мы пришли в келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келлии. Я не могла отвести глаз с его лица, в котором дышала доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: «Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси», и заметив, в какое я пришла смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: «Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревни, то, верно, там есть пчелы; так ты велела бы из воску насучить свеч, — тогда бы это и было твое». После того он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце нашем».

Принимая к себе всех посетителей, сам о. Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи, и, сняв с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но, наконец, с благословения Божия, о. Серафим решился выйти из за-

твора и, не покидая монастыря, посещать пустынь и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

VI

БЛИЖНЯЯ ПУСТЫНЬ И ПРЕБЫВАНИЕ В НЕЙ О. СЕРАФИМА

О происхождении, рисунке и названии Саровского родника. – Келья о. Дорофея и смерть его. – Изнеможение о. Серафима и совет близких людей. – Сокровенный выход из кельи и значение этого случая. – Явление во сне Пресвятой Богородицы. – Благословение игумена. – Выход из затвора в лес. – Посещение прежней пустыни. – Телесные труды старца. – Временное убежище для него. – Устройство новой постоянной кельи. – Название всей этой местности. – Переименование родника. – Времяпровождение о. Серафима. – Распоряжение Тамбовского архиерея, чтобы он причащался в церкви Св. Таин. – Увеличение его посетителей. – Отзыв о. Нифонта о сем. – Характеристика о. Серафима за это время, написанная его современником. – Прибавление к ней. – Переход к следующей главе.

Верстах в двух от монастыря находился родник с водою. В Саровской обители не знают, кем первоначально вырыт он; существовал же он с давнего времени, еще до поступления о. Серафима в монастырь. В 1825 году он имел следующий вид: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землею; вода вытекала из него только одною трубою; вблизи родника, на столбике, по-видимому, нарочно устроенном, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. По этому обстоятельству родник называли *богословским*. Когда о. Серафим жил еще в дальней пустыни, то хаживал к этому месту и упражнялся близ источника в телесных трудах. – Местность родника очень нравилась старцу.

На расстоянии четверти версты от Богословского родника, на горке, стояла келья, в которой спасался инок Саровской обители, иеромонах Дорофей. В середине сентября 1825 года благочестивый отшельник переселился в иной, *лучший*, небесный мир, к которому всю жизнь стремилась душа его. Между тем старец Серафим от долговременных подвигов пришел в крайнее изнеможение: со времени стояния на камнях у него не переставали болеть ноги, а к ногам присоединилось еще ощущение сильной боли в голове. Ему советовали для поддержания здоровья иметь движение и пользоваться свежим воздухом. Чувствуя всю необходимость этого совета, о. Серафим стал выходить из кельи своей. Замечателен самый первый выход: он относится к числу сокровенных его подвигов и дел, о которых раз упомянуто было прежде. Наступила весна 1825 года. Уже был Великий пост – время особых подвигов для иноков саровских. Раз один из братьев обители, по имени Филарет, встав очень рано утром и совершив свое домашнее правило, вышел из кельи в ограду монастыря. Неожиданно он видит вдали человека, окруженного мраком и совершенною тишиною, который нес на руках какую то тяжесть.

– Кто тут? – вскричал Филарет, сотворив молитву.

– Убогий Серафим, Серафим убогий, было ответом. Умолчи, радость моя!

Тогда Филарет подошел к старцу и по обычаю принял от него благословение. Тут он увидел что о. Серафим нес на руках своих значительной величины камень. Он взял его вне монастыря из-под горы, у того места, где церковь св. Иоанна Предтечи. Филарет проследил, куда несет этот камень старец, и заметил, что о. Серафим положил его возле алтаря соборного

храма. В то же время было сообщено об этом казначею о. Исаии. Последствия объяснили дело. Теперь покоятся блаженные останки о. Серафима на том месте, где положен камень. Так-то старец из затвора стремился в могилу, от созерцания Бога, *яко зерцалом в гадании* – к откровенному познанию славы Его. Этот случай был также первым намеком старца на обстоятельства его смерти, о которой он впоследствии яснее предсказывал.

Затем он начал в молитвенном обращении к Богу просить изволения на открытое окончание затвора, ибо никогда ничего не начинал без благословения свыше. 25-го ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, епископа Римского и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия, в сопровождении святых дев явившись о. Серафиму; разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. В этот же день, восстав от сна и сотворив обычное правило, о. Серафим просил у игумена Нифонта и получил совершенно беспрепятственно благословение выходить по болезни ног, особенно головы, на день в пустынную келью иеромонаха Дорофея. Этот же день был первым, в который старец после затвора открыто вышел опять в лес. С тех пор о. Серафим начал по дням прохаживаться к Богословскому источнику и в пустынную келью о. Дорофея.

Во время отсутствия из обители старец посещал иногда прежнюю свою келью в так называемой дальней пустыни и молился в ней. Один из важнейших случаев этого посещения был следующий. 9-го декабря 1825 года пришли к нему бывшие на гостинице две Дивеевские сестры: Параскева Степановна и Мария Симеоновна. Как только ударили к заутрене, о. Серафим пошел с ними в лес, а в благовест к поздней Ли-

тургии они прибыли к Богословскому источнику. Сестры заметили, что о. Серафим взял с собою свечи, елей и сухари. Дорогой старец говорил им, что он вот уже много лет не ходил этими местами, с того времени, как вошел в затвор. Подойдя к источнику, о. Серафим заметил, что ему предлежат некоторые поделки на этом месте. Наконец, пришли они в прежнюю пустынь о. Серафима. Здесь старец, став пред Распятием, которое было у него на стене, сестер поставил: Марью Симеоновну по правую, а Прасковью Степановну по левую сторону, падал в руки им по зажженной свече и около часа молился. Потом он приложился к Распятию и сестрам велел приложиться. Погасили свечи, вышли из кельи и целый день занимались чисткою погреба, который находился около пустыни. По вечеру все они возвратились в пустынь.

Позволительно догадываться, что в этот первый выход в дальнюю пустынь о. Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил первую мысль об устройстве для нее мельницы; ибо после этого, как увидим ниже, он начал деятельно приготовлять для мельницы материалы.

Летом следующего 1826 года, по желанию старца, Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в речке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удабривал их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место потому, что по болезни не мог ходить в прежнюю свою келью на пять верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему после утренних трудов на ногах посещать для отдох-

новения в полуденное время келью о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыть был земляной со стороны горы, под стенкой. Подлазив под стенку, старец отдыхал в этом убежищ после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом в 1827 году здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келью с дверями, но без окон; внутри ее была печь, совне сколочены сенцы из досок. В течение 1825–1826 годов старец не ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келью, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщевом балахоне, в убогой камилавке без крепа, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали, для чего он это делает. Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем *ближней* пустыни о. Серафима, а родник богословский стали называть *колодцем о. Серафима.*

Со времени построения новой кельи, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима постоянно разделены были между двумя местностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщем.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за раннею Литургиею в больничной церкви Св. Таин. В будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В мона-

стыре он проводил ночи. На день же, с четырех, даже с двух часов ночи удалялся в ближнюю пустынь, проводя в ней время до семи или восьми часов пополудни. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жаждая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келью. Старцу, ослабевшему в силах, было тяжело простирать деятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посетителей, чтобы очень не развлекаться, чтобы не истаивать от трудов собеседования, о. Серафим в начале поселения в ближней пустыни причащался Св. Таин, как и во время затвора, в своей келье. Некоторых стало соблазнять это обстоятельство. Как, в самом деле, старец ходит в пустынь за две слишком версты от монастыря, а Св. Таин причащается в келье? Но соблазняться нечем было... Старец продолжал причащаться в келье потому собственно, чтобы избегнуть многочисленных посетителей, которых еще не в силах был принимать к себе. Однако же, для предотвращения соблазна немощных в совести, которую вера православная хранит, как святыню, от епископа Тамбовского последовало предложение, чтобы старец Серафим сам приходил в церковь для причащения Св. Таин. Услышав о таком распоряжении, он сказал, что не оставит причащаться Св. Таин, хотя бы пришлось для этого ходить на коленях, и распоряжение архиерея принял со смирением. Но кажется, это было распоряжением свыше земной власти с целью короче сблизить старца с нуждами верующих. Ибо когда о. Серафим стал ходить в больничную церковь к ранней Литургии, то число усердствующих к нему возросло до огромной цифры. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни на дороге, ни в мона-

стыре. Строитель Нифонт, любивший старца Серафима, насчет множества посетителей говаривал, бывало, так: «Когда о. Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все выходы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских».

Умилительно было видеть, как старец после причастия Св. Таин возвращался из церкви в свою келью. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился хотя слегка взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя: взор его быль потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленным людям таинством св. причащения. И благоговея к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Придя в свою келью, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Не менее умилительно было видеть этого смиренного, седовласого, сгорбленного старца, подпиравшегося мотыгою или топором, в пустыни за рубкою дров, возделыванием гряд, в убогой камилавке, в белом балахоне, с известною уже нам сумою за плечами. Иногда же видали его покрытым выделанною кожею, как бы в подражание тем, о коих писал св. апостол Павел: *проидоша в милотех и в козиих кожах, в пустынях скитающеся* (Евр. 11, 37),

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд ис-

тинно-христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный, любовь к труду *николиже отпадающая.* Речь его была столь действенна, что слушатель получал от него душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божием, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях свв. Отцев и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости: иным прежде раскрытия обстоятельств давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Впрочем, старец, украшенный высокой духовной опытностью, наблюдал известные правила в раскрытии пред другими своих благодатных дарований. Правила сии изложены им в наставлении *О хранении познанных истин.*

«Не должно, – говорил он, – без нужды другому открывать сердца своего: из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другими?»

«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных».

«Исполненные духовною мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божией, и потому делают о нем заключение».

«Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию».

«Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (О небесной иерархии. Гл. 2): соделавшися сам божествен, божественных вещей познанием и в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни: не бо праведна есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов – чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер ваших пред свиниями, да не попрут их ногами своими, и вращшеся расторгнуть вы* (Мф. 7, 6)».

«А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изречению св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел» (Слово 89).

«Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно, по глаголу: *Аз прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся».

Такими-то правилами духовного рассуждения руководствовался о. Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями православной веры Христовой, как-то: Клименту, папе Римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григо-

рию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами Церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов православной Церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целости и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной Церкви – Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьи-Минеи, творения многих Отцев Церкви так твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему: бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, – он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью.

Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины, — для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келье около двух тысяч человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращавшихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно родственную любовь и ее силу, потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце. Мы не можем забыть в настоящий раз одного весьма поразительного случая.

Приехал в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. Итак, посмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара. Только против ожидания встретил он здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина, разговорился с ним. Собеседник предлагал генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал, надменный собою, отрицался, и только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келью, старец Серафим, идя к ним на-

встречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келье, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Чрез несколько минут послышался из кельи старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Чрез полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки: он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. Отец Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру: на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами своими. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим для некоторых был *тяжек к видению: яко не подобно было иным житие его и отменны были стези ею* (Прем. 2, 15). Но и с нелюбящими его он был *мирен* и обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали

его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. «Мы, – говорил он, – должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, радуйтеся все, яко имена ваша написана суть на небесех»* (Лк. 10, 20).

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так 11-го июня 1827 года исцелена была Александра, жена дворового человека села Елизарьева, Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было двадцать два года, и она имела двух детей. 6-го апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после Литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Чрез полчаса, как бы придя в себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и, наконец, уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с ней ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу на чугунные заводы. «В Выксе же, – по описа-

нию мужа больной, – доктор был иностранец *с большою привилегиею*». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксинский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и, наконец, дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 1-е июня 1827 года больная увидела сон. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами и сказала: «Что ты страждешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положив на себе крестное знамение, начала читать молитву св. Кресту: *Да воскреснет Бог и расточатся врази его.* Явившаяся отвечала ей: «Не бойся меня: я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму, он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней Литургии во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал; но больная, приблизившись к его келье, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Там он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. богоявленской водою, дал ей частицу св. анти-

дора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со св. водою да еще сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: Отче Серафиме! помяни меня на молитве и помолись обо мне, грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно с великим шумом: она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четырех сыновей и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

В числе бывших тогда в Сарове являлись к о. Серафиму и такие лица, которым нужно было не одно духовное утешение или врачевство, но и участие в их сиротстве и бесприютности. Из числа таких посетителей дев и вдовиц еще с 1820 года он посылал в Дивеевскую общину, где начальница принимала их на постоянное жительство для совершения духовных подвигов во спасение души. В течение пяти лет, таким образом, устроено было несколько человек, имена которых после повстречаются нам. В особенности к о. Серафиму стремились теперь, как пчелы к матке, такие люди, которые, посвятив жизнь свою Господу, искали путей дойти до духовного единения с Ним. Сестры Дивеевской обители имели для этого на своей стороне, так сказать, личное или собственное право. Первоначальница сей обители, умирая, поручила будущую участь их о. Серафиму, бывшему в то время еще иеродиако-

ном. Старец Пахомий, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине, Наконец, и сам о. Серафим определил туда несколько лиц. Нужно было теперь исполнить завещания и просьбы, принять в общине живое участие. И о. Серафим очень многое сделал для Дивеевской общины. Труд его для нее, как особенный подвиг жизни, относящийся ко благу ближних, требует особого рассмотрения.

VII

ОТНОШЕНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА К ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Об основании Дивеевской общины. – Краткие сведения об основательнице ее и первоначальнице. – Труды ее и построение новой каменной церкви в Дивееве. – Основание Дивеевской общины. – Судьба ее и умножение членов после смерти первоначальницы. – Влияние Саровских старцев. – Посещение о. Серафима сестрами и священником Дивеевской общины. – Участие в ней старца Серафима. – Причины разделения общины. – Обстоятельства этого события. – Указание нового места для нее. – Устройство мельницы. – Переселение некоторых сестер и первоначальная жизнь их на новом месте. – Приобретение земли в собственность. – Малодушие некоторых сестер. – Рассказ о кормлении медведя. – Число сестер при кончине старца. – Труды и подвиги сестер. – Новое молитвенное правило о. Серафима для них. – Построение и освящение новых церквей для общины. – Исправление сестрами пономарских обязанностей в церкви. – Правила, заповеданные о. Серафимом относительно служений в общинной церкви и занятия сестер. – Обстоятельства, доказавшие необходимость их исполнения. – Об участии старца в будущем построении собора в общине. – Слияние двух общин в одну после смерти старца. – Взгляд о. Серафима на новоучрежденную общину.

Основание Дивеевской общины положила около 1780 года помещица Владимирской губернии, Перея-

славского уезда, вдова полковника *Агафия Симеоновна Мельгунова.* Еще в молодых летах лишившись мужа, имея при себе одну трехлетнюю дочь, она в намерении посвятить себя Богу обошла многие святые места и в Киевском Флоровском монастыре приняла монашество под именем Александры. Странствуя из Киева в Саровскую обитель, она остановилась для отдохновения в двенадцати верстах от нее, в селе Дивееве и по простоте села на бревнах неподалеку от тогдашней Дивеевской деревянной церкви в честь Святителя и Чудотворца Николая. Здесь в немногие минуты сладкой страннической дремоты она увидела Божию Матерь, Которая, внушая ей остаться на этом месте, поручала воздвигнуть и храм в честь Казанской чудотворной иконы Ее. Воспрянув от дремоты и обозрев местность, она отправилась в Саровскую пустынь. Обитель так пришлась по сердцу ей, что она непременно осталась бы спасаться в ней, если бы тот был женский монастырь. Возвратившись отсюда в село Дивеево, она познакомилась с тамошним достойным священником о. Василием Дертевым, который впоследствии, под именем Варлаама, умер иеромонахом в Саровской пустыни, а на постоянное жительство поселилась в приходском к Дивееву сельце Осиновке в небольшом домике, построенном на небольшом участке земли, приобретенном ею от владельцев Осиновских. Когда уже умерла девятилетняя дочь Агафии Симеоновны и последняя связь ее с миром разорвалась, тогда она, продав свое имение, переселилась на жительство к дивеевскому о. Василию, построила себе на его дворе отдельную келью и подвизалась в ней двадцать лет. Келейные подвиги она проходила втайне пред Отцем Небесным, и в настоящее время они остаются для нас почти в неизвестности. По бла-

гословению Саровских старцев она прочитывала ежедневно из Евангелия зачало дневное и святому. Много также посвящала она времени чтению Четий-Миней и духовно-подвижнических сочинений, например, Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина. Молитва Иисусова никогда не сходила с ее уст. По смирению своему, забыв о своем происхождении, звании и богатстве, она исправляла в доме о. Василия добровольно всякие домашние работы. У кого из крестьян одиноких, но многодетных, хлеб долго оставался на корню, она тихонько хаживала в поле, сжинала и связывала в снопы. Бедным девицам, вступавшим в брак, своими руками вышивала головные уборы (так называемые сороки) и дарила их, сверх того, полотенцами. В воскресные и праздничные дни по выходе из храма останавливаясь с крестьянами, делала им разные наставления. Во время же пребывания своего у о. Василия она в течение пяти лет, начиная с 1774 или 1775 года, построила на свои средства вместо бывшей деревянной Никольской церкви, каменный храм в честь Казанской Божией Матери, с двумя приделами: один во имя Святителя Николая чудотворца, а другой – первомученика и архидиакона Стефана. По освящении всех трех престолов Агафия Симеоновна незадолго до своей кончины решилась устроить близ Казанской церкви общину.

По совету Саровских старцев, настоятели которой – Пахомий и Исаия, были ее духовными отцами, и с разрешения епархиального Владимирского начальства, испрося у гг. Ждановых поблизости Казанской церкви часть земли в 1300 квадратных сажен, Агафия Симеоновна построила на ней дом с надворным строением и пригласила к сожитию с собою Ардатовского уезда, деревни Вертьяновой, девицу Евдо-

кию Мартынову, скончавшуюся уже около 1836 года, вотчины г. Баташева крестьянскую вдову Анастасию Кириллову, села Сарминскаго-Майдана крестьянскую девицу Ульяну Григорьеву и деревни Осиновки крестьянскую же вдову Феклу Кондратьеву. В этом доме она жила с ними до своей кончины, ведя жизнь духовную, по духу и правилам Саровской обители, управляя упомянутыми, как они назывались, сестрами с кротостью, питая как себя, так и живущих с нею своими средствами при помощи благотворительной руки саровского строителя о. Пахомия. Так положено начало Дивеевской обители, с которою неразрывно связано имя Саровской пустыни и, в частности – старца о. Серафима!

По кончине Агафии Симеоновны преемницею ее по управлению была Анастасия Кирилловна. При ней собралось для общежития из разных мест до двадцати мещанских и крестьянских девиц, которыми она управляла по правилам первой начальницы, получая содержание от саровлян же за шитье им свиток, вязанье чулок и пряденье ниток. По смерти Кирилловой место начальницы заступила мастера Тульского оружейного завода Прокофия Кочеулова вдова *Ксения Михайловна,* старица строго-духовной жизни, которую Саровский игумен Нифонт называл *терпугом духовнымъ.* При ней по 1826 год число сестер, о Бозе живущих, умножилось до сорока. Некоторые из них присланы были в последние пять лет старцем Серафимом. Саровские старцы – Пахомий и Исаия, выезжая из обители, всегда бывали в Дивееве и, доставляя сестрам общины пособие в пропитании, главнейше укрепляли их своими беседами, своим нравственным влиянием в прохождении избранной ими духовной жизни. Отец Серафим после смерти строителя Пахо-

мия и Исаии по обещанию, сделанному в последние минуты их жизни, принимал близкое участие в Дивеевской общине, наблюдая и руководствуя сестер ко спасению. В последние же годы своей жизни он принял самое деятельное участие.

С 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михаиловна. Бывал у него и Дивеевский священник о. Василий, которого старец Серафим любил и уважал. На прошение о. Василия не оставить общину старец отвечал: «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафия Симеоновна? Ведь она была великая жена, святая; служение ее было неисповедимо, источник слез беспрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная; одежду носила самую простую, и то многошвенную; опоясывалась кушаком с узелком. А как идет, бывало, то госпожи великие ведут ее под руки. Столь за жизнь свою была уважаема! Так как же нам презреть ее прошение? Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих она просила о неоставлении заведенной ею общины. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит – не оставь их».

В этом году о. Серафим принял решительное участие в общине. Он разделил ее на две части, говоря, что на это есть изволение Господа и Божией Матери. Дело было так. Населенность Дивеевской общины требовала, чтобы распространить ее; но место, ею занимаемое, было столь тесно, что не существовало никакой возможности распространить ни в ту, ни в другую сторону; да и правило, принятое от саровлян, он находил не для всех лиц слабого женского пола легко исполнимым. Предлагал он начальнице Ксении Ми-

хайловне правило это заменить новым, но она не согласилась. Сверх того, он не сочувствовал и тому началу, чтобы девицы жили в одном общении с бывшими в замужестве сестрами. Женщина, проведшая несколько лет приятной жизни в замужестве, могла передавать о том девицам, действуя разрушительно на мирное состояние духа, столь необходимое для точного соблюдения духовных обетов. Другая могла быть в замужестве несчастною, и своими рассказами о бедствиях бросала бы несправедливо мрачную тень на богоучрежденное в человеческом роде состояние брачное. Старец замечал еще, что в супружеской жизни женщина часто приобретает такую настойчивость в характере (упрямство), которую трудно после исцелить. Это могло бы, естественно, при взаимном общении передаваться и девицам, поставляя их на пути, противоположном отречению собственной воли, требуемом в Дивееве. «В общежительной обители, – говорил он, – легче справиться с семью девами, чем с одною вдовою». По всем этим причинам он считал полезнее для обители разделить ее на две половины так, чтобы в одной спасались бывшие в замужестве, в другой – чистые девы, хотя бы начальство и руководство у обеих было одно и общее. При сем в воображении его носился пример Суздальского женского Богородицкого монастыря, устроенного в XII веке. В нем именно было два отделения, из которых в одном жили посвятившие себя Богу девы, в другом, отделенном от них оградою – вдовы. Тем и другим воспрещено было входить между собою в разговоры. «И нигде же не бысть, – замечает описатель жития преп. Евфросинии, – такого монастыря по всей великой России по устроению благочиния и покоя от труда черноризицам, ниже таких изрядных и трудополезных,

иже в посте просиявших черноризиц, не обретал никаможе, якоже сии трудоположницы, то бо основание жития постнического и образ хотящим чернечествовать». Имея такие основания, о. Серафим так и оставил существовавшую Дивеевскую обитель на прежнем месте и в прежнем виде. Сам же начал прилежно молить Господа и Пречистую Матерь указать для устройства обители другое место, более пространное, и Царица Небесная, вняв его молитве, Сама избрала для сего место саженях во ста, или с небольшим, от прежней обители и Казанской церкви. В 1823 году Михаил Васильевич Мантуров, после исцеления от болезни, по молитвам о. Серафима и при участии его собственной веры полученного, прибыл во второй раз в Саровскую обитель. Старец, благословив его и сделав духовное назидание, дал ему, отпуская от себя, дубовый, вытесанный колышек, с таким приказанием: «Когда ты поедешь домой, остановись в Дивееве, подойди к среднему окну алтаря Казанской церкви и посмотри в поле: ты увидишь межевик и ступай по направлению его до поляны, которая находится в конце его. Взойдя же на поляну, ты, найдя средину ее, вбей тут вот этот колышек, заметив для памяти его признаки». Когда г-н Мантуров был и на следующий год в Сарове, о. Серафим дал ему уже четыре обтесанные колышка и велел их поставить на той же поляне, так чтобы прежний кол приходился в середине. Михаил Васильевич исполнил, как приказывал о. Серафим, не понимая, что из этого должно выйти. Но теперь понятно, что старец еще за два года до решительного участия в общине имел мысль устроить мельницу и при ней образовать особое отделение Дивеевской общины.

Земля, на которой о. Серафим наметил новое помещение общины, принадлежала наследникам г-на Баташева. Господь устроил так, что около этого времени одна из наследствующих особ, Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, посетив Саров, была у о. Серафима. Старец просил у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью уступила ее, обещая взять на свою долю этот участок. Только она забыла заявить о сем в главной конторе, от ведения которой земля зависала.

Приобретя таким образом и землю, о. Серафим после известной нам молитвы, совершенной с сестрами в дальней пустыни, 9-го декабря 1825 года, в день зачатия Пресвятой Богородицы, получил решимость и укрепился духом приступить к делу. В остальные дни 1825 и во весь почти 1826 год он сам готовил столбы и лес для мельницы, которую по примеру Алексеевской общины он хотел устроить и для общины Дивеевской. От настоятеля Сарова о. Нифонта было позволено воспользоваться для сего дела Саровским лесом. В заготовке леса помогали о. Серафиму сестры Дивеевской общины. Отец Серафим устроил в келье дальней своей пустыни печь, чтобы здесь зимою тепло было отдыхать после трудов. В день зачатия Божией Матери, 9-го декабря 1826 года, ровно через год после молитвенного начала дела, в первый раз были привезены на Саровских лошадях столбы и бревна к месту, предызбранному для нового поселения сестер дивеевских. После сего и самим сестрам дано было благословение вывозить Саровский лес для мельницы.

Ближайший помещик А. Н. Прокудин, имевший веру и уважение к о. Серафиму, прислал мельничного мастера и двенадцать человек плотников, которыми

мельница построена в скорое время. Весной 1827 года начали строить, а летом 7-го июля накануне праздника Казанской Божией Матери она замолола. Так как мельница строилась на земле, формально еще не отошедшей от владельцев, то старец для ободрения рабочих внушал никого не бояться, говоря, что Сама Царица Небесная пожаловала обители все это место. Приставленные от гг. Баташевых распорядители землей, натурально, привязывались к рабочим, мешали им; но рабочие терпеливо сносили все оскорбления и продолжали свое дело, ссылаясь на приказание о. Серафима. Когда мельница, устроенная с двумя поставами, была готова, о. Серафим перевел для жительства при ней из Дивеевской общины, что при Казанской церкви, шесть сестер, а именно: Параскеву Степановну, Параскеву Ивановну, Евдокию Ефремовну, Анну Алексеевну, Дарью Зиновьевну и Ксению Ильиничну. Параскеве Степановне назначил быть между ними старшей. Для духовного же руководства поручил всех новому дивеевскому священнику о. Василию Садовскому, которого назначил быть и духовником для них, говоря, что на это есть воля Божия, Царицы Небесной и его благословение. Избранные сестры были из числа тех дев, которые в прежнее время самим старцем определены в общину Агафии Симеоновны Мельгуновой. Не имея еще кельи, сестры до глубокой осени жили на самой мельнице и занимались работами. В конце же октября построили свою келью, в которой одной и поместились все. Через непродолжительное время о. Серафим приобрел для них житницу, и поставили ее против кельи. После сего он благословил им строить и другие кельи для вновь приходящих сестер.

Строения о. Серафим распорядился вести в две линии, так чтобы мельница приходилась в средней или против промежутка. Около года по заведении мельничной общины сестры ходили за трапезу в прежнюю обитель и не мало им было скорби от таких странствований. Потом о. Серафим благословил им печь хлеб и варить квас у себя, отдельно от дивеевских, и сам пробовал их стол, который изредка приносили ему, по его желанию. Раз сестра Параскева Ивановна после трудов в лесу вкушала вместе с о. Серафимом в обеденное время сухой хлеб с водою. Старец заметил: «Это еще, матушка, хлеб насущный; а когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячею водою, так и вкушал. Это пустынная пища, и вы ее вкушайте». С тех пор, по благословению старца, в общине стали готовить снить, отваривая ее в воде с солью. Сверх того, когда сестры бывали у него, он после духовного утешения отпускал их обратно не иначе, как с ношею сухарей или толокна. Одна из сестер, имя ей Мария Ивановна, назначена была для приготовления трапезы. Во время заведения общины сестры не раз, по наставлению о. Серафима, ходили на Илевский завод к приказчику гг. Баташевых хлопотать об отдаче в их собственность земли, которая занята была мельницею; но успеха никакого не было в течение почти трех лет. Приказчик не доносил о сем наследникам. А когда донесли, то генеральша Постникова, вспомнив словесное обещание, сказала: «Да, у меня просил о. Серафим земли в Дивееве, и я обещала ему дать. Беру этот участок на себя, когда последует раздел имения». Распоряжение о пожертвовании сей земли было доставлено в общину на бумаге. Когда уведомили о сем о. Серафима, он пришел в такое восхищение и радость, которых на сло-

вах нельзя передать. Случился в то время в Сарове г-н Манторов... Отец Серафим послал чрез него к сестрам в Дивеево кадочку меда, и сестры, обозначив вместе с посланным от конторы приказчиком межу от своих владений, вкушали этот мед с мягким хлебом вместе с начальницей Ксенией Михайловной и дивеевским священником. Сестра Елена Васильевна Манторова написала генеральше Постниковой в искренних выражениях благодарное письмо от имени Дивеевских сестер и о. Серафима, при чем старец в благословение послал ей своих сухариков. Это было в 1830 году.

Трапезная сестра Мария Ивановна по своему послушанию пошла однажды весной того же года в погреб рано утром. Прочие сестры спали еще. Идя к погребу, вдруг увидела горящую свечу, которая воткнута была в землю позади кельи. В испуге, сестра прибежала в келью, разбудила спавших... Все бросились с замиранием сердца к тому месту, где горел таинственный огонь. В неописанной радости все вскочили, чтобы бежать туда, но его уже не было. И это явление было не что иное, как видение. Поутру, когда рассвело, сестры нашли, что земля у этого места была вскопана. Это случилось пред днем Св. Троицы. С того времени старец благословил сестрам рыть в три аршина канавку около того места, где было видение, и они, занимаясь сим ровно три года, оградили себя со всех сторон окопом и внутри его валом, на котором, по его благословению, насадили крыжовник.

По неудобствам жизни в общине некоторые из сестер впали в малодушие и хотели переселиться куда-нибудь в другое место. Одна из них, Ксения Ильинична, имея это на уме, пришла к о. Серафиму попросить благословения. Старец, не дав ей высказать своих на-

мерений, отечески уговаривал ее в течение восьми часов, и сестра, успокоившись от искусительных помыслов, осталась навсегда в обители. Другая сестра, Параскева Ивановна, решившись отправиться в мир, не хотела и сказываться о том о. Серафиму. Неожиданно старец сам присылает за ней. Сестра пришла к нему в смущении. Отец Серафим начал рассказывать ей о своей монастырской жизни и несколько раз повторял следующую мысль: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, даже мыслью, не выходил из монастыря». Этой беседой, мудро направленной к сердцу сестры, он уврачевал душевный недуг, тяжко ее мучивший, так что по окончании беседы она чувствовала, точно больной член отняли у нее – и успокоилась.

Старица Дивеевской обители Матрона Плещеева рассказывала о следующем чудесном обстоятельстве: «Поступив в Дивеевскую общину, я проходила, по благословению отца Серафима, послушание в том, что приготовляла сестрам пищу.

Однажды, по слабости здоровья и вражескому искушенно, я пришла в такое смущение и уныние, что решилась совершенно уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и невыносимым показалось мне это послушание. Без сомнения, о. Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему.

Исполняя его приказание, я отправилась к нему на третий день Петрова поста по окончании трапезы и всю дорогу проплакала. Придя к саровской его келье, я сотворила по обычаю молитву, а старец, сказав: «Аминь», – встретил меня, как отец чадолюбивый и, взяв за обе руки, ввел в келью. Потом сказал: «Вот, ра-

дость моя, я тебя ожидал целый день». Я отвечала ему со слезами: «Батюшка, тебе известно, какое мое послушание, раньше нельзя было: только что я покормила сестер, как в ту же минуту и отправилась к тебе и всю дорогу проплакала». Тогда о. Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: «Матушка, слезы твои не даром капают на пол»; и потом, подведя к образу Царицы Небесной Умиления, сказал: «Приложись, матушка, Царица Небесная утешит тебя». Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После того о. Серафим сказал: «Ну, матушка, теперь ты поди на гостиную, а завтра приди в дальнюю пустыньку». Но я возразила ему: «Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустыньку». Отец же Серафим на это сказал: «Ты, матушка, иди до пустыньки и сама все на голос читай: «Господи, помилуй», — и сам пропел при этом несколько раз: «Господи, помилуй». «А к утрени-то не ходи, но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди». Я так и сделала, как благословил о. Серафим: встав, положила 50 поклонов и пошла и во всю дорогу на голос говорила: «Господи, помилуй». От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам о. Серафима.

Подходя к дальней пустыньке, вдруг увидела, что о. Серафим сидит близ своей кельи на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: «Батюшка, смерть моя!» — и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукою. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему о. Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса и даже, когда подошел ко мне

отец Серафим со словами: «Не ужасайся и не пугайся», — я продолжала по-прежнему кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал мне: «Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость». И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел! Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: «Боюсь, батюшка, он и руку мне отъест». Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал: «Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки». Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне грешной, за молитвы о. Серафима.

Видя меня спокойной, о. Серафим сказал мне: «Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь; а о чем нам унывать? Вот, если бы я взял с собою ножницы, то и остриг бы его».

Тогда я в простоте сказала: «Батюшка, что если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха». Но он отвечал: «Нет, матушка, сестры его не увидят». – «А если кто-нибудь заколет его? – спросила я. – Мне жаль его». Старец отвечал: «Нет, и не заколют: кроме тебя, никто его не увидит». Я еще думала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде. А отец Серафим на мои мысли отвечал: «Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Впоследствии времени старица Матрона пришла по какой-то необходимости в келью, где занимался живописью по благословенно отца Серафима крестьянин Ефим Васильев, известный по своей вере и любви к старцу, и увидев, что он рисовал отца Серафима, вдруг сказала ему: «Тут бы по всему прилично написать отца-то Серафима с медведем». Ефим Васильев спросил ее, отчего она так думает. И она рассказала ему первому об этом дивном событии. Тогда исполнилось ровно одиннадцать лет, заповеданных старцем.

Хотя и многие посторонние видали также отца Серафима с медведем, но за неизвестностью этих лиц невозможно передать их свидетельств, кроме одного, переданного саровским иноком Петром.

Удерживая малодушных сестер, о. Серафим увеличивал население мельничной общины новыми членами. На другой же год после построения мельницы он начал присылать для жительства в эту общину многих новых девиц, а вдовых женщин отсылал в прежнюю общину к начальнице Ксении Михайловне.

Одна госпожа Е. М. З. еще при жизни мужа, служившего на Златоустовских заводах, просила у о. Серафима благословения поступить в Дивеевскую общину для спасения души. Старец отвечал ей: «Нет, матуш-

ка, погоди, сперва поживи с мужем; а когда он умрет, тогда еще лет десяток потрудись для своих церквей просфорней – и мужа-то тогда избавишь ты от муки». Но она возразила против этого: «Еще неизвестно, батюшка, кто из нас прежде умрет: муж мой или я?» – «Нет, матушка, – отвечал старец, – муж твой годика через три умрет». Умерший через три года оставил после себя большой долг, который она весь выплатила и тем, можно полагать, избавила его от муки. После того она была просфорней для двух церквей и, наконец, решилась вторично просить у о. Серафима благословения на вступление в Дивеевскую общину. Старец и на этот раз не благословил ее, а велел пожить в мире. Когда же она сказала, что ей приходится жить в кругу молодых людей, то о. Серафим, коснувшись ее своею рукою, сказал: «Господь милостив! Хоть молодые люди и будут тебя прельщать, но тебе и на мысль не придет ничего дурного». Таким образом, она оставалась просфорней около десяти лет, проходила послушание это с усердием, а по окончании десятилетнего срока действительно вступила в Дивеевскую общину.

Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской общине из благодарности за исцеление, полученное чрез о. Серафима. Нижегородской губернии, деревни Погибловой, одиннадцатилетняя девочка, сирота В. К. во время свадьбы родного своего брата совершенно неожиданно и без всякой видимой причины упала в воротах двора и лежала в бесчувственном состоянии. Одна посторонняя женщина той же деревни из жалости взяла больную к себе в дом. В девочке открылась сильная внутренняя боль с онемением и окаменением живота. В течение двух лет припадки болезни усиливались и повторялись часто. Раз, к

светлому празднику Пасхи, больную В. К. взяли в Саров к батюшке о. Серафиму. Когда старец, находясь у своей кельи, благословлял народ, подошла и она в толпе. Отец Серафим взял ее за руку, ввел к себе в келью, положил свои руки на ее голову, потом помазал ее елеем лампады – и больная с тех пор получила выздоровление. Когда исполнилось ей семнадцать лет, она поступила в Дивеевскую обитель.

Еще одна особа Е. Н. страдала два года, не имея свободного владения ни руками, ни ногами, и, наконец, была привезена к о. Серафиму на излечение. Старец в то время трудился на сенокосе вместе с сестрами Прасковьею Ивановой и Ириною Васильевой на пользу общины. Завидев издали больную, которую с трудом вели другие, о. Серафим стал манить ее к себе, чтобы шла скорее; а когда она приблизилась, старец, ни слова не говоря, дал ей в руки грабли и заставил сено убирать. Больная тут же почувствовала укрепление в ногах и руках и потому стала работать, как здоровая. Бывшие тут сестры, не зная еще о возвращении к ней здоровья, скорбели в души и выговаривали ей: «Зачем она, такая больная, притащилась к ним на работу?» Но старец, уразумев духом мысли их, сказал: «Вы примите ее в Дивеево, к себе: она будет вам прясть и ткать». Затем о. Серафим, накормив ее обедом за труды, отправил домой. Увидев себя дома совершенно здоровой, Е. Н. вступила в Дивеевскую общину.

Некоторых же о. Серафим по своей прозорливости с малолетства их предназначал и в духе сего предназначения руководствовал к поступлению в Дивеевскую обитель. Из числа таких была сестра Анастасия Протасова. «В первый раз была я, – рассказывала она впоследствии, – у старца Серафима еще малолетней

вместе с моими родителями и с начальницею Дивеевской общины Ксенией Михайловной. Мать моя давно уже желала видеть о. Серафима, и мы все шли к нему с полною верою. Когда подошли к его келье, народа еще не было, сотворили по обыкновению молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Он сказал нам: «Пожалуйте сюда!» – и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благословив нас и, дав приложиться к Распятию, которое висело на груди его, сказал нам: «Господь, Иже везде сый и вся исполняяй, и вас милостью Своею не оставит. Пророк сказал: «Не видех праведника оставлена, ниже семени его, просяща хлеба». После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец еще раз благословил и сказал: «Грядите с миром».

Во второй раз я была у него семи лет от роду с матерью и дивеевской начальницею Ириною Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери; а как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной; а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери говорить о пророке Самуиле и другие притчи, и спросил ее: «Понимаете ли вы, матушка?» Она отвечала: «Не могу, батюшка, понять». Тогда он благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к о. Серафиму,

не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, положил на уста матери моей свою ручку и сказал: «Не к тому, не к тому, матушка, не унывай». И тут же дал ей приложиться ко кресту, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил двенадцатый год и мы пришли опять к о. Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: «Много ли ей лет?» Та отвечала: «Двенадцатый год, батюшка». Тогда он сказал ей: «Пора нам, матушка, обручить ее жениху». Мать возразила на это, что она еще молода; а Серафим отвечал ей: «Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьмет». Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего моего жениха. А он продолжал: «По двунадесятым-то праздникам шей ей, матушка, обновки: белое платьице и красненькие башмачки, а в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возмужает и укрепится силою и духом, тогда будет и сама мужественна к подвигу». И с тех пор всегда, когда бы мы ни приходили к нему, он все поминал о вдове.

Когда же исполнилось мне шестнадцать лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим обо мне, что: «Ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам», – и два года сряду после того посылал за мною из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что случалось раза три в год), он все говорил мне: «Успение тебя ждет, и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя», – это говорил он о родителях моих. Отца моего также про-

сил, чтобы мы непременно поставили себе кельи на каменном фундаменте и чтобы нам жить в ней только четырем человекам, не более. «А крышу-то, – говорил он, обращаясь ко мне, – ты сама, матушка, накрой и крепко приколоти гвоздями».

Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрою; а он отвечал: «Так мы и ее возьмем сюда». Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали. И вот, когда я была у него в другой раз, он, между прочим, сказал: «А про сестру-то, что мы говорили, мнится мне, лучше оставим ее покуда у родителей: пусть поживет в утешение их», – и, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: «Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим». С тех пор мы не так уже стали жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего, Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: «У вас есть сад?» Я отвечала ему: «Есть». Тогда он сказал: «Ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи, помилуй; Господи, помилуй; Господи, помилуй!* Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное: а корми-то его сама, из своих рук».

«Однажды, когда я была у него в пустыньке, он послал меня к источнику с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни; потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону, где Дивеево, сказал: «Это место выбрала вам Сама Царица Небесная и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы будете ходить около него, да сено убирать, да тут и отдыхать. И хлеба-то и картофеля-то будет у вас много, и церкви-то свои будут, и устав-то церковный будет так, как и в Сарове, как передали его нам святые отцы. Царица Не-

бесная вам во всем поможет, и я, убогий Серафим, всегда за вас колени преклоняю и за родителей и сродников ваших».

«Наконец, когда он стал решительно просить мать мою, чтобы скорее поставили мне келью и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: «Теперь мы ее отпустим, батюшка, с надеждою на вас; а если вас не будет, то, может быть, они все разойдутся». На это он отвечал ей:

«Нет, матушка, и до меня были отец Пахомий и отец Исаия, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь, а после меня Царица Небесная о них попечется».

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и прибавил: «Вот, матушка, она сама пошла в монастырь и брата своего, Василия, увещевала. Он был столп Церкви; а когда был в учении, возгордился против сестры Макрины, она своим целомудрием привела его в смирение».

Сестры, поступившие в общину, вели жизнь строгую, занимались физическими трудами и духовными подвигами. Для трудов, превышающих женские силы, при мельнице находился еще старец-работник. В первой обители со времен первоначальницы сестры держали правило саровских иноков. Отец Серафим, найдя это правило для женского пола трудным, дал им свое повседневное правило, которое имеет следующий порядок:

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь. Царю небесный... Святый Боже *(трижды)*. Слава и ныне. Пресвятая Троице... Господи, помилуй *(трижды)*. Слава и ныне. Отче наш... Господи, помилуй (12 р.). Слава и ны-

не. Приидите поклонимся *(трижды)*. Псалом 50-й: Помилуй мя, Боже. Верую во единаго Бога... Тоже 12 псалмов избранных, начиная: Господь просвещение мое. Помянник: помяни, Господи, Иисусе Христе, Боже наш. Потом поучение из Пролога, краткое повседневное поучение; Великим постом читать Ефрема Сирина. На Страстной седмице – о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, из разных книг. *Сто поклонов поясных с молитвою:* Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. *Сто поклонов:* Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас грешных.

Достойно есть. Отче наш *(трижды)*. Богородице Дево *(трижды)*. Верую во единого Бога *(однажды)*. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную *(дважды)*. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных *(однажды)*. Господи Иисусе Христе, Госпожою Девою Мариею Богородицею, помилуй мя грешную *(дважды). Господи Иисусе Христе, Госпожою Девою Мариею Богородицею помилуй нас грешных, 12 поклонов;* с молитвою: *Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, 12 поклонов; также с молитвою: Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас грешных, 12.* Потом молятся и поминают о здравии и о упокоении благотворителей общины и всех православных христиан. Во всех прочих случаях сестры Дивеевской общины также находились в послушании о. Серафима; без его благословения ничего не начинали; и если которая из них хотела на время отлучиться из обители, то пред выходом и по возвращении в обитель являлась на благословение к старцу. Известен по этому случаю следующий рассказ о прозорливости старца, поведанный сестрою Евдокией глухенькой.

«У меня была замужняя сестра, которая жила в селе Аламасове. Однажды, заболев, она пожелала, что-

бы я навестила ее в болезни. Я тотчас же и отправилась к начальнице Ксении Михайловне попросить у нее благословения на дорогу; но начальница сказала мне, чтобы я предварительно сходила к отцу Серафиму и сделала бы так, как он благословит.

Я отправилась, но дорогою смутилась и долго рассуждала сама с собой, идти ли мне к отцу Серафиму или нет. Ну, если он не благословит? И, наконец, решилась лучше не заходить к нему, а прямо отправиться к сестре. А чтобы хотя несколько успокоить мучившую меня совесть, я упала на землю, мысленно поцеловала руки и ноги о. Серафима и приложилась к медному его Распятию, которое он всегда носил на груди своей. Я вообразила себе при этом, что он по обыкновению благословил меня и дал мне на дорогу сухариков. Успокоив таким образом себя, я отправилась к сестре в с. Аламасово.

Пробыв у нее довольно долгое время и оставив ее в лучшем состоянии, я возвращалась в свою обитель в самом тревожном состоянии духа, потому что ушла без благословения, самовольно. Но лишь только вступила в ворота обительские, как встретила меня из наших сестер Екатерина Егоровна и сообщила мне, что она во время моего отсутствия дважды была у отца Серафима и что каждый раз он говорил ей обо мне. В первый раз он сказал: «У меня вот пред тобою была Евдокия глухенькая; она просилась в село Аламасово к больной своей сестре, кланяясь мне до земли, целовала у меня руки и ноги и прикладывалась к медному Кресту моему; я благословил ее идти и дал ей на дорогу сухариков». Во второй раз он только наперед спросил: «Что, матушка, Евдокия глухенькая возвратилась ли из Аламасова?» – и потом продолжал то же самое, что говорил в первый раз: «Она была у меня в такой-

то день и час и пр., и я благословил ее идти». При этом рассказе я не могла не заплакать, как от сознания вины своей, так и от радости, что нашла в о. Серафиме такое благорасположение ко мне, грешной, и такой дар прозорливости».

До 1829 года живущие на мельнице сестры ходили к богослужению в храм Казанской иконы Божией Матери, построенный инокинею Александрою. Материалы же на сооружение особого храма для сестер, живших на мельнице, по благословению о. Серафима, заготовляемы были еще с 1827 года. Строителем нового храма были Михаил Васильевич Манторов и его сестра, Елена Васильевна, по благословению о. Серафима бывшая начальницею новозаведенной общины при мельнице. Манторов, как сказано выше, был исцелен молитвами о. Серафима от неизлечимой болезни, и в знак признательности решился продать все свое небольшое имение в селе Нуч, в 25 верстах от Дивеева, чтобы построить на вырученные деньги церковь для общины. Побуждением к устроению новой церкви были два обстоятельства: увеличение общества сестер и теснота в Казанской церкви, которая была приходскою в Дивееве. По благословенно преосвященного Афанасия, епископа Нижегородского, испрошенному о. Серафимом чрез посредство других, в 1828 году начали строить, а в следующем году совершенно окончили строением новый храм, по плану, предварительно одобренному в строительном комитете. Храм этот поставлен в связи с колокольнею Казанской церкви с западной стороны, строением каменный, и имел два этажа. 6-го августа 1829 года освящен был престол в верхней церкви во имя Рождества Христова, а 8-го сентября 1830 года освящен престол в нижней церкви в честь Рождества Богороди-

цы. Архимандрит Нижегородского Благовещенского монастыря Иоаким, освящавший обе церкви, в последний случай завернул в Саров и был в пустынной келье у о. Серафима. К этому времени в переднем углу кельи вырос из-под пола малиновый куст, на котором созрели три ягоды. Ими о. Серафим угостил архимандрита Иоакима, благодаря его за труды по освящении церкви. Храм этот доселе существует; в нем отправляются пение Литургии и совершается денноночное чтение Псалтири. Пред местною иконою Христа Спасителя горит неугасимая свеча, а пред иконою Рождества Богородицы теплится неугасимая лампада по завещанию о. Серафима. За колоколами для этой церкви о. Серафим посылал нарочно на Нижегородскую ярмарку, за священными сосудами – в Москву, дав на них свои деньги. Другой прибор он дал церковнице Ксении Васильевне из своих рук, третий – прислала из Москвы княгиня Голицына еще до освящения церкви. Некоторые вещи, к священническому облачению принадлежащие, о. Серафим передал в общинную церковь чрез священника о. Василия Садовского. Таким образом, устроив храм, о. Серафим снабдил его и вещами, необходимыми при священнослужении. Кроме того, в разное время присланы были от него в благословение обители следующие иконы: 1) небольшой образ Казанской Божией Матери, 2) средней величины образ преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, 3) образ преп. Кирилла и Марии и 4) складни в серебряной ризе с изображением Спасителя, Божией Матери, св. Иоанна Предтечи и некоторых других угодников Божиих. Все сии иконы сохраняются в обители даже до сего дня.

По освящении Христорождественской церкви о. Серафим благословил служить в ней каждый день в

течение шести недель приходским священникам о. Василию Садовскому и о. Иоанну Дертеву по очереди. Так как сестры общины были девицы, посвящавшие себя на служение Богу, так как они и правило держали монастырское, то, по монастырскому уставу, и клиросную службу они правили сами, не приглашая причетников Казанской церкви, по наставлению о. Серафима. Благочестивая храмоздательница Елена Васильевна Манторова и ее послушницы Ксения Васильевна и Параскева Ивановна исправляли пономарскую должность в алтаре. Клиросные сестры, умевшие читать и петь, сначала пели по наслышке, потом научены были священником о. Василием Садовским простому обиходному пению; наконец, саровские отцы Назарий и Корнилий выучили их петь на гласы, по саровскому напеву. По нотам же пели они *параклисис* Пресвятой Богородице.

Отец Серафим завещал чрез о. Василия Садовского для мельничной общины следующие правила: 1) В приделах во имя Рождества Христова и Рождества Божией Матери служить неопустительно во все воскресные дни и двунадесятые праздники. Иногда же в субботы и прочие дни, смотря по нужде, по желанию благотворителей, по случаю поминовения умерших из сестер. 2) По воскресным дням пред Литургией петь непременно параклисис Богородице и канон, весь на распев: «За это, – прибавил он, – вас никакие беды не постигнут: а если оставите исполнять это, без беды беду наживете». 3) Ежедневно читать Псалтирь в церкви 12 сестрам, переменяясь чрез каждые два часа, и читать вслух непременно, как сказано: *Слуху моему даси радость и веселие*, «Самые Ангелы радуются, – прибавлял он, – слыша чтение Псалтири»; чтение Псалтири совершать во весь год, кроме Пасхи;

при денно-нощном чтении Псалтири завещал поминать о здравии Царствующий дом и благотворителей и за упокой усопших православных царей и благодетелей. 4) Сестрам Дивеевским всем неопустительно говеть, исповедываться и причащаться Св. Таин во все четыре поста, некоторым же по желанию во все двунадесятые праздники. 5) На клиросах петь и читать сестрам. 6) Ризницу хранить и сберегать все вообще церковное имущество, а равно пономарскую должность править церковницам, т.е. избранным благоговейным сестрам. 7) Пред св. иконою Спасителя гореть неугасаемой свече, а пред образом Матери Божией – лампаде.

В указании занятий, кроме работ мельничных, старец завещал труды и рукоделья, наиболее свойственные простому классу людей. А рисование, золотошвейные и другие работы, требующие углубления ума и относящиеся к искусствам, он не хотел допускать. Всегда верный своему началу, он основывал такое завещание на правилах св. Василия Великого и Григория Богослова, которые внушали в монастыре заниматься лишь такими предметами, которые удовлетворяют монастырским потребам. Но при всяких занятиях о. Серафим советовал строго держаться правила: «Дело в руках, а молитва в устах».

Все эти уставы и завещания о. Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивеевской общины. Уклонения же от них влекли за собою весьма неприятные последствия для обители. Так мы знаем уже завещание о. Серафима, чтобы в созданном им храме Рождества Христова читался всегда Псалтирь по обычаю обители неусыпаемых, пред иконою Спасителя горела неугасимая свеча, а пред образом Матери Божией – лампада, и что если это будет в точности ис-

полняться, община не потерпит ни нужды, ни беды, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. И точно, ангел мира охранял обитель, пока соблюдалось это завещание, с особенною силою и условием данное. Но в один день церковница Ксения Васильевна, бывшая в послушании у Елены Васильевны Мантуровой, вылила, сколько было, последнее масло в лампаду и откуда получить его более — не предвиделось. Это было во время богослужения. Когда все вышли из храма, она, приблизившись к иконе, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла. С горестными чувствами она отошла от лампады, и, вспомнив невольно завещание о. Серафима, подумала: «Если так несправедливыми оказались слова о. Серафима, потому что для лампады нет теперь ни масла, ни денег, то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнения которых мы несомненно ожидали». Тысячи сомнений волновали душу сестры, и вера в прозорливость старца начала оставлять ее. В столь неприятном расположении духа, Ксения Васильевна, закрыв лицо руками, на несколько шагов отступила от иконы Спасителя. Вдруг слышит треск... Восклонив голову, она увидела, что лампада загорелась; подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампады полон масла, и по нем плавали две мелкие ассигнации. В смятении духа она заперла церковь и поспешила повидать дивное видение старице своей Елене Васильевне. На пути ее застигла одна сестра, с которою был крестьянин, искавший церковницу и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидев Ксению Васильевну, спросил:

— Вы, матушка, здесь церковница?

— Я, отвечала сестра Ксения. — А что тебе нужно?

– Да вот, батюшка о. Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 рублей ассигнациями денег на масло для лампады, чтобы она горела за упокой родителей моих.

При сем он назвал имена усопших родителей своих и подал деньги.

Сомнения сестры в прозорливость старца и в истинность его завещания тотчас рассеялись: она устыдилась их и поскорбела о своем неверии.

Впоследствии, когда в Дивееве выстроен был новый деревянный храм, церковь о. Серафима заперли, Псалтирь вынесли из нее, свеча и лампада не горели. Обитель после этого случая потерпела много искушений, и между ее подвижницами существует убеждение, что Господь попустил это за несохранение уставов о. Серафима. Отступление это было следствием вмешательства в управление Дивеевской обителью стороннего лица.

В настоящее время помощью Божией и по молитвам о. Серафима уставы его опять приведены в действие: в церкви по-прежнему горят неугасимо свеча и лампада.

Не ограничиваясь данными завещаниями и простирая виды гораздо далее, о. Серафим при жизни своей приготовил место для построения собора. Он предсказал сестрам о построении его и о разных других обстоятельствах обители. Раз пришла к нему Дивеевская старица Матрона, посещавшая Серафимовскую пустынь едва ли не чаще других сестер. Она вместо своего одеяния, какое носили жительницы обители, оделась в убогое рубище странницы во избежание осуждений и упреков, что часто уже сестры беспокоят старца. Отец Серафим, как бы не узнавая ее, прежде всего спрашивал: «Кто ты такая, матушка, и отку-

да?» Когда же она называла себя дивеевскою Матроною, старец отрицался от нее, будто никогда не видал ее и в первый раз слышит, что она из Дивеева. Огорченная поступком, что пришла не в своем платье, старица упала о. Серафиму в ноги и горько зарыдала как от раскаяния, так и от мысли, что незачем ей и жить теперь, когда о. Серафим отказывается от нее. Старец же, как самый нежный отец, поднял ее, говоря: «Встань, радость моя, встань: я знаю, кто пришел ко мне». Потом, помолчав, спросил: «Что из трех лучше: утешение ли, молитва или беседа?» Не переставая все плакать, старица ответствовала: «Молитва, батюшка, полезнее всего»; а он на это сказал: «Ты, матушка, благоразумно отвечаешь». Затем он начал говорить ей в утешение, чтобы ни в каком случае она не оставляла обители, даже и тогда, как его на свете не будет. «Нам, матушка, Сама Царица Небесная пожаловала землю, на которой живете вы. Матерь Божия исходатайствовала ее у Господа, а я, убогий Серафим, выпросил ее у Царицы Небесной – так никто ее у нас не отнимет.. *У нас,* матушка, *и свой собор будет.* На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волна. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять, а ты, как полная хозяйка, отрежь хлеба, сколько тебе угодно, посоли да и кушай себе на здоровье. К нам придут и вдовицы, и отроковиц приведут с собой. Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они совсем противно судят о нас. Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом. Его созерцает в страданиях, и, вся свободная духом, предается служению Богу; а у вдовицы – все воспоминание мирское: «Как хорош был покойник-то наш! – говорят они, – какой он был добрый человек!» Старица Матрона, утешенная и получив благословение, воротилась домой.

Между тем о. Серафим, помышляя о построении собора, удобным для сего нашел место, недалеко от Казанской церкви посредине между старою и новою обителями, принадлежавшее помещику Б. И. Жданову. Этот господин после смерти родителей оставался тогда старшим в своем семействе, один полновластно заведовал всеми делами, а дела его были в очень расстроенном состоянии. По глубокому уважению к о. Серафиму он душевно желал принадлежащий ему с прочим семейством участок земли пожертвовать безденежно для построения собора. Но о. Серафим не соглашался на это. Он дал Дивеевской сестре Елене Васильевне Мантуровой денег для покупки этого места и, отправляя вместе со старицею Ульяной Григорьевной к Е. И. Жданову, сказал: «Св. царь и пророк Давид, когда восхотел созиждить храм Господу на горе Мориа, гумно Орны туне не принял, а заплатил цену. Так и здесь Царице Небесной угодно, чтобы место под храмом было приобретено покупкою, а не туне оное получить. Мне даром отдавали землю, но это Ей неугодно». По совершении купчей крепости, велел сестре Елене Мантуровой списать с нее копию полууставом и принести к нему. А когда эта сестра отошла ко Господу, о. Серафим потребовал к себе подлинную купчую крепость.

Вручая ее брату усопшей, Михаилу Васильевичу Мантурову, отлучавшемуся в Симбирскую губернию и только что приехавшему в Саров, он, умоляя, просил его, чтобы, как можно, сберегал ее и когда придет время постройки собора, чтобы его поставили на сей именно, а не на другой, земле. В июне 1848 года покойный преосвященный Иаков Нижегородский по указанию г-на Мантурова, в руках которого была и купчая крепость, на этом именно месте по-

ложил своими руками первый камень на сооружение соборного храма. Но враг человечества, преследовавший блаженного старца Серафима при жизни, и после его успения воздвиг препятствия к выполнению уже начатого святого дела, так что храм этот был освящен только чрез двадцать семь лет, в 1875 году. Между тем г-н Жданов по получении от о. Серафима денег за землю под собор, сам не понимая как, начал разживаться и дела свои привел в отличный порядок. Впоследствии он был предводителем дворянства в уезде, имел десять человек детей и наслаждался довольством.

Таким образом, о. Серафим образовал особую, так называемую, *Серафимо-Дивеевскую* общину, отдельную от обители Агафии Симеоновны Мельгуновой.

Дальнейшая после смерти о. Серафима судьба обеих этих общин не относится уже к жизни о. Серафима. Мы заметим только, что они в порядке, устроенном о. Серафимом, находились до 1842 года. В этом же году оба отделения соединены в одну обитель, которая названа *Серафимо-Дивеевскою* общиною и была принята под покровительство власти духовной и гражданской. В 1861 году община обращена в третьеклассный женский монастырь и ныне заключает в себе около 900 спасающихся душ.

Объясним теперь для полноты дела, как о. Серафим смотрел на свою общину и как относился к ее членам. По духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру, сам питал к ней уважение и сестрам внушал тоже. Так, беседуя однажды с сестрою Иустинией Ивановной, он говорил: «Если бы ты знала, матушка, какая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители! Одежда была у нее много-

швенная, плат ветхий, а зеницы ее не высыхали от слез. Я и сам доныне стопы ее лобызаю. Ходи каждый день, матушка, ходи на ее гроб. На гроб же, поклонившись, говори вот какие слова: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови, и помолися о мне, чтобы, как ты прощена от Господа, так бы и меня простил Он и помяни меня у престола Божия». Эти мысли и уважение, которым сам первый следовал о. Серафим, внушал всем сестрам общины. На себя же он смотрел, как на духовного родоначальника новой общины. «Скажу тебе, радость моя, – говорил он сестре Евдокии Ефремовне, – я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю. Вас я теперь избираю в сестры себе, а которые придут после меня, те будут дщери (дочери) мои». Он считал новозаведенную общину угодной Богу и покровительницей ей признавал Божию Матерь. «Вот, матушка, знайте, – говорил он сестре Параскеве Степановне, – знайте, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени Своего: Она вам будет стена и защита». Всматриваясь в будущее, о. Серафим скорбел, что некому после смерти его поручить обители и нередко говорил так: «Кроме меня, убогого Серафима, вам отца не будет. Вот о. Иларион – старец (иеромонах Саровской пустыни), но за вас взяться не может, также и батюшка Исаия не возьмется; а мог бы за вас взяться и быть вам отцем после меня отец Савватий, но не хочет (также инок Саровский; он после принял схиму, под именем Стефана). Итак, скажу вам, что после меня у вас отца не будет». Вследствие сего он поручал всегда сестер Господу и Божией матери. За неделю до своей кончины он говорил сестре Параскеве Степановне: «Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много вам будет скорби... Ну, что ж де-

лать? Потерпите, такой уж путь вам! Теперь только начало... Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек; а потом к вам придут всякого рода и звания, и по мне, убогом Серафим, вас взыщут большие лица... Станут спрашивать — все тогда говорите, что слышали от меня, не бойтесь; а теперь, пока время не пришло, молчите». Эти слова о. Серафима вполне оправдались историей общины. Завещанию же его ничего не скрывать после его смерти — мы обязаны тем, что могли подробно со слов собеседниц изобразить его отношение к общине.

VIII

ВЛИЯНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА НА АРДАТОВСКУЮ ОБИТЕЛЬ И ЗЕЛЕНОГОРСКУЮ ОБЩИНУ

Поручение трех общин о. Серафиму. – О первом основании Ардатовской общины. – Переселение общины на новое место и внутренний порядок – Влияние саровских старцев. – Споры и избрание новой начальницы после смерти основательницы общины. – Голод в общине. – Обращение к о. Серафиму. – Неожиданное спасение. – Предостережение сестер общины от нового голода. – Нравственное влияние о. Серафима на них. – Назначение помощника себе в этот деле. – Забота о безопасности обители. – Определение будущего. – Общий взгляд на отношение о. Серафима к общине. – Последнее его распоряжение о ней. – Несколько слов об отношении его к обители Зеленогорской

В беседе с начальницею Ардатовской обители Е. А. отец Серафим говорил однажды, что во дни пустыннической жизни явилась ему Божия Матерь с двенадцатью апостолами, облистаемая неизреченным светом и славою, и поручила ему для устроения и руководства три обители: *Дивеевскую, Ардатовскую и Зеленогорскую.* Обстоятельства оправдали это сказание, как

в отношении Дивеевской (что уже видели мы), так и по отношению к Ардатовской обители и к общине Зеленогорской.

Основательницей и первой начальницей Ардатовской общины была девица из мещанок *Васса Дмитриевна Полюхова.*

По любви к ближним, она дала в хижине родителей своих, стоявшей за городом Ардатовом, не в ряду прочих строений, на правом берегу реки Лемети, приют немногим бесприютным девам. Четыре года они проводили здесь время в телесных трудах и благочестивых подвигах, особенно же в молитве. Не имея возможности, за отдаленностью от города, всегда, когда хотелось бы, бывать в церкви, ардатовские девы, около 1810 года, на общий счет купили себе в Темниковской улице города, недалеко от собора небольшой дом и земли в 243 кв. сажени. Переселившись сюда, они приняли черное одеяние и ввели определенный порядок относительно трудов, келейной и церковной молитвы. Здесь их дом слыл под именем *богадельни.* Число дев с течением времени увеличилось. Они пристроили себе новую храмину, которая служила у них трапезой и местом утренних и вечерних собраний для молитвы. Желая образовать из себя общину, это учреждение усвоило себе, наконец, форму и правила монастырского общежития, и свою основательницу Вассу Дмитриевну за строгость и чистоту жизни признало настоятельницей. Когда умерла эта настоятельница (умерла же она 21-го ноября 1823 года), в Ардатовской общине было же около сорока сестер. Еще до смерти ее, со введения общежития, сестры находились уже под нравственным влиянием саровских старцев, особенно о. Серафима и Илариона.

По кончине Вассы Дмитриевны Полюховой сестры пришли в крайнее недоумение: они предлагали начальство друг другу, но ни одна из старших сестер не отваживалась принять на себя тяготу этого звания в то трудное еще для общины время. Желая решить споры, старшие сестры пошли к о. Серафиму, ожидая, что он по своей прозорливости укажет им настоятельницу. Они объяснили старцу свое горестное положение, прося у него совета и участия. Отец Серафим, не отвечая им прямо обратился к одной из пришедших, имя ей Евдокия Андреевна, и стал давать ей правила касательно обязанностей настоятельницы. Всем ясно стало, что Божия Матерь ей вверяет хранение обители; но Евдокия Андреевна старалась отклонить от себя эту честь, уверяя, что для звания настоятельницы у нее нет решительного характера; что в случае недостатков, которые нередко терпит община, она не сумеет обеспечить сестер. Но старец заградил уста ее словами: «Ты проси Божию Матерь, сиди дома – и Бог пошлет со всех сторон». Эти довольно нерешительные речи приняты были всеми в таком смысле, что он временное только правление поручает Евдокии Андреевне, а потому год прошел, а начальницы у Ардатовских сестер не было; сестра же Евдокия почиталась между ними только старшею и попечительницею. Наконец, пришел старец Иларион и окончательно утвердил ее в звании настоятельницы общины.

Между тем надежда о. Серафима на Промысл Божий об общине Ардатовской неоднократно оправдалась. Во время всеобщего голода община устроением Божиим и молитвами Пресвятой Богородицы не терпела недостатка в хлебе. Случилось однажды так, что в общине осталось хлеба и муки только на два дня, и

неоткуда было взять более. Собрав сестер, начальница с сердечною скорбью объявила им о крайнем оскудении обители. В таких обстоятельствах сестрам оставалось избрать одно: или голод терпеть, или разойтись. Горестное положение чрезвычайно опечалило всех. Сестры, от всей души помолившись Богу, послали одну от себя к о. Серафиму просить старца, чтобы он сказал слово в утешение скорбящим и своими молитвами походатайствовал бы за них пред Богом. Посланная застала его в трудах недалеко от пустыни; с горькими слезами упала она в ноги к старцу и поведала свои до него нужды. На этот раз старец, изменив правилам обычного своего человеколюбия, не слушал слов сестры, с видимым неудовольствием запрещал ей унывать и жаловаться, даже гнал ее прочь от себя, приговаривая: «Без нужды кланяетесь, без нужды кланяетесь!» Сестра с большею скорбью возвратилась в обитель, рассказала слова старца, не скрыв и того, как неласково она была принята им. Но на третий день, утром, когда у сестер ничего не осталось, кроме надежды на Бога, они получили от неизвестного благотворителя вспоможение мукою, от которой и подкрепили себя в тот же день пищей, прославляя Господа.

Были и другие случаи, в которых о. Серафим, в предостережение от бедствий, иносказательно предвещал настоятельнице о предстоящем голоде, падеже скота и подобных бедствиях. Так раз, подавая ей серебряный рубль, он сказал: «Это вам на *чистый* хлеб, а это, – промолвил, развертывая и подавая тогдашнюю синюю ассигнацию, – на привар» (т. е. на кашу). Думая, что эти слова следует отнести к предстоящим событиям, Евдокия Андреевна, наклонив голову, немного призадумалась и не обратила внимания на ассигна-

цию. Старец, взяв бумажку из ее рук с таким чувством, как отец берет вещь из рук ребенка, который не знает ей цены, развернул ее и завязал ей в платок, говоря, что теперь не должно сестрам пренебрегать деньгами; что скоро откроется нужда, и деньги понадобятся. После этого объяснения следовал разговор о спасении души и добродетелях, необходимых для инокинь. Утешенные беседою и напутствованные благословениями, начальница и сестры благополучно возвратились в обитель; об ассигнации же и таинственном ее значении забыли было. Но в скором времени они заслышали, что повсюду наступает голод и что бедные люди для сохранения малых запасов своих на более продолжительное время к хлебу примешивали лебеду. «Мы же, – говорили ардатовские сестры, – во все это голодное время, милостью Божией и молитвами о. Серафима, продовольствовались *чистым* (без примеси лебеды) хлебом».

Руководствовал старец Серафим сестер Ардатовской общины также и во всех других случаях. Одна из них, ревнуя о высших подвигах, просила у о. Серафима благословения носить власяницу и наложить на себя пост сверх известных в православной Церкви дней. Старец весьма премудро не одобрил ее намерений и сказал: «Ни власяницы, ни поста не надо; живи с сестрами, как сестры, так и ты; только досыта ничего не вкушай. оставляй место Св. Духу». Потом, как бы желая совершенно успокоить ее, он прибавил, что «место, на котором стоить обитель (а обитель занимала место неподалеку от храма Божия) исполнено благодати, и потому можно спасти в ней душу, следуя только предписаниям монастырского устава и не принимая на себя излишних подвигов, превышающих силы».

Отец Серафим заботился, чтобы сестры не оставались без советов и руководства и в таком случае, когда он сам по занятиям своим не был в состоянии уделить для них времени. «Когда я занят, – говорил он, – то идите к о. Илариону: все равно, что я, что он». Вообще он советовал им искать себе заступления и молитв у подвижников Саровской пустыни, прозревая духовными очами своими, как сильна молитва их у Бога. Настоятельнице Евдокии Андреевне он часто говаривал: «Ограда-то у вас не каменна, но ненадежнее каменной; соседи-то у вас все, как свои». Несмотря на то, приказывал, чтобы сестры для порядка и приличия, а также ради вящей безопасности никогда не оставляли повсеноощного караула. Отец Серафим далеко предусматривал будущее и за несколько лет ранее определил обстоятельства построения церкви для Ардатовской общины. Тогда сестры ходили к общественному богослужению в приходской храм св. Пророка Илии, отстоявший от келий в полуверсте. Некто просил у о. Серафима благословения перевести сестер в тот приход; но он не благословил и сказал: «Ты припаси канат; я сам приду, размерю место для церкви; трапеза будет внизу». Последствия объяснили, что трапезу он разумел духовную, т. е. алтарь, который действительно пришелся внизу, потому что монастырский храм половиною стоит в земле. В другой раз он посылал в общину позолотчиков, говоря им: «Грядите к Евдокии, грядите к Евдокии: она даст вам работы: ей надобно иконостас золотить». В общине же в то время не было и церкви. Сестры очень удивились странному посольству, полагая, что слова эти относятся не к ним.

Незадолго до кончины о. Серафима посетили его сестры Ардатовской общины вместе с началь-

ницею Евдокиею Андреевною. Старец сделал начальнице разные наставления касательно ее обязанностей, руководства сестер и, наконец, совершенно неожиданно стал говорить: «Нет, надо учить, надо учить».

Сестры в то время сами уже пели. Начальница, не понимая, к чему клонится разговор, сказала: «Ведь у нас поют».

Старец на это отвечал: «Поют-то поют, да тону-то не знают: церковь скоро будет».

Исполненная радости и недоумения начальница спросила: «Разве к Илии Пророку перейдем?»

– Там голод будет, – отвечал о. Серафим.

– Ну, знать, в Полевую церковь? – А Полевою в Ардатове называется кладбищенская церковь Скорбящей Божией Матери и всех святых.

– Снегом западете, – отвечал о. Серафим. – А свыше сойдет воля Божия и взойдут большие люди в ваше положение. Если тебе начать – препятствия будут со стороны; а когда большие люди войдут – все умолчат».

Все эти сказания о. Серафима о построении храма, о позолоте иконостаса в настоящее время совершенно оправдались. В Ардатовской общине теперь есть свой храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя пределами, устроенные иждивением благотворителей. Главный иконостас в храме горит золотом. Стены расписаны священными изображениями. Церковь с избытком обогащена священными сосудами, ризами и всем необходимым.

Вообще о. Серафим был поистине добрым пастырем душ Ардатовской общины. Сестры искренно любили его и с покорностью следовали его опытному руководству в делах духовной жизни. Он наставлял их

на путь спасения. Старших увещевал смирять себя, быть образом кротости и незлобия, снисходить к слабости и недостаткам ближних, внимать наиболее себе и заботиться о своем спасении. Начальнице советовал чаще прочитывать и глубже вдумываться в житие св. Саввы Освященного. Попечение об Ардатовской общине о. Серафим сохранил до конца своей жизни. Последним его распоряжением было назначение в Ардатовскую общину новой начальницы. За несколько дней до кончины о. Серафима приехала в Дивеево за тысячу верст одна барышня, по имени Евпраксия. Сестры Ардатовской общины, осведомившись о ее свойствах и настроении, усердно просили у о. Серафима благословения принять ее к себе в начальницы; но старец и слышать не хотел о сем и ее на глаза к себе не пускал. Евпраксия настоятельно просила допустить ее к себе, позволить ей пасть пред ним на колени, принять благословение и попросить его молитв о себе, а о. Серафим как будто гневался на это и просительницу посылал из-за двери своей кельи прочь от себя. Но когда она, потеряв надежду и терпение видеть старца, оставила его и скрылась из виду, он подозвал к себе приходивших с нею сестер Ардатовской общины и, указывая рукою на ушедшую, сказал: «Вот вам Богом данная Евпраксия. Любите ее, во всем ей повинуйтесь и подражайте ей». Об этом обстоятельстве писала к затворнику Георгию Мария Кар., в то время бывшая в Сарове. В объяснение этого обстоятельства в ее письме прибавлено: «И не иначе я мыслю, как о. Серафим по своей прозорливости, знал ее заочно и ждал в Ардатовскую общину». Помощником о. Серафиму в делах Ардатовской общины

постоянно был другой почтенный старец Саровской пустыни о. Иларион. В 1861 году Ардатовская община была преобразована в женский общежительный монастырь.

Касательно участия о. Серафима в Зеленогорской обители мы не имеем, к сожалению, таких полных и подробнейших сведений, какие посчастливилось собрать о его влиянии на обитель Дивеевскую и Ардатовскую. Известно только, что Зеленогорская обитель от основания своего составляла предмет отеческих попечений о. Серафима до его смерти.

Будучи еще в молодых летах и в начальных монастырских послушаниях, о. Серафим почти каждый год был посылаем от братии на Зеленогорскую ярмарку для приобретения нужных монастырю вещей. В этих случаях он всегда обхаживал кругом то место, где стоял прежде мужской монастырь и со скорбью размышлял о его уничтожении. Однажды во время такой прогулки он заметил, что в уголке полуразрушенной монастырской ограды явилась маленькая келья, в которой поселился какой-то человек для спасения души своей. Отец Серафим возрадовался духом, прозревая в этом событии начало возрождения обители. С тех пор он не переставал содействовать обители своими молитвами, одобрением, советами и другими разного рода пособиями до блаженной своей кончины. И уже при жизни его там немало было жен спасавшихся, и между ними Лазаревна, старшая из сестер, почиталась, как святая. В настоящее время там устроена женская обитель, имеющая свою настоятельницу.

IX

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ О. СЕРАФИМА

Ответы его соблазнявшимся. – Беседа с игуменом Нифонтом. – Дух обхождения с посетителями. – Посещения монашествующих. – Беседы с мирянами. Ответы на вопросы: что ты всех учишь и зачем приходящих помазываешь елеем? – Опыты прозорливости о. Серафима. – Польза от этого дара и объяснение, как он действовал в душе о. Серафима. – Исцеления больных. – Целительное свойство воды в Серафимовом источнике. – Случай исцеления от употребления сей воды. – Врачевство и советы о. Серафима во время холеры 1831 года. – Помощь его скорбящим, страждущим душевными недугами и бесноватым. – Соединение с исцелениями предсказаний о будущем. – Предсказания, касающиеся всего общества, некоторых частных лиц в Саровской обители. – Одежда о. Серафима. – Подвиги его против сна. – Его самоотвержение и приверженность к иночеству. – Какое время он проводил в молитве? – Его постоянная молитва за явных и усопших. – Употребление свечей и лампад при молитве. – Стояние на воздухе во время молитвы. – Уважение к нему других подвижников. – Духовное общение старца с ними. – Разительный пример его общения. – Явление Божией Матери в день Благовещения.

Мы упоминали уже о некоторых беседах о. Серафима, сказанных незадолго до его смерти. Разбор событий незаметно приблизил нас теперь именно к предпоследним годам его жизни. Враг не оставляет человека в покое до самого гроба. Так и о. Серафим, взойдя на высоту духовной жизни, не скрылся и там от искушений диавола. Во многих он возбуждал зависть и злобу за то, что всех принимал к себе, всем делал добро, не различая полов. Один брат решился даже сказать ему: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия». Отец Серафим, оправдывая себя от пустого нарекания, привел в пример св. Илариона Великого, который не велел

затворять дверей ради странников. «Положим, – говорил он, – что я затворю моей двери кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?» Отсюда видно, что о. Серафим прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством жизни, в котором Бог потребует от него отчета на суде.

Некто выразил ту же мысль еще решительнее: «Тобою, – говорил, – некоторые соблазняются». Старец ответствовал на сие так: «Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются, ни тем, что других это соблазняет».

Гораздо чувствительнее для него была беседа игумена Саровской обители о. Нифонта. Раз, возвращаясь из пустыни в келью, встретился старец Серафим с о. Нифонтом. По своему смиренномудрию предварив настоятеля поклоном, он приветствовал его по обычаю иерейскому братскою любовью. Отец же игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которые по строгости своего воззрения не одобряли, что о. Серафим принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания «Особливо, – говорил он, – тем соблазняются, что ты оказываешь милостиво попечение сиротам дивеевским». Считаем нужным предупредить, что игумен Нифонт глубоко любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялись... Выслушав слово отца игумена, старец снова упал к нему в ноги и дал ему мудрый и спасительный ответ – не предаваться на будущее время ложным внушениям и

не принимать от братии всякого слова на ближнего без рассуждения. «Ты пастырь, – говорил он, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох, как бич, для всех страшен». Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы о. Серафим не изменял своего направления и по-прежнему продолжал всех принимать к себе ради их душевной пользы.

Работавший в Сарове крестьянин Лихачевский Е. В., раз подходя к пустыни о. Серафима, увидел издали, что с ним сидит и беседует неизвестная ему молодая, лет шестнадцати, девица, очень хорошо одетая. Как неопытный в духовной жизни, он подумал: «О чем это батюшка так беседует с нею? Какие еще наставления идут к ее возрасту?» Только что подошел он с своими мыслями поближе, старец, указывая на признаки своей глубокой страсти, сказал: «Я ко всему мертв, а ты что это думаешь?» Тогда крестьянин упал ему в ноги и покаялся в своей вине. Отец же Серафим милостиво благословил его, отпустил ему вину его и сказал: «Успокойся и больше не повторяй».

а) Любвеобилие о. Серафима в обхождении с ближними

Любовь и участливость, с которыми старец относился к посещавшим его, весьма ясно отпечатлеваются в следующем рассказе г-жи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помещицы.

«С самого раннего детства наслышалась я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника о. Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось, наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяева квартиры, где я остановилась, что если я не поспею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходить в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать о. Серафима в его пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу, после обеда; ехала всю ночь и на утро была в Сарове. Первый вопрос мой, при входе в гостиницу, был: «Не кончилась ли ранняя обедня?» И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келье вместе со множеством других посетителей Сарова, и мы нашли, что дверь его кельи заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня у самых дверей даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда о. Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумав: «Господи! Верно я всех недостойнее, что он, увидев меня, ре-

шился снова затвориться». Но едва подумала я это, как о. Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал; «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного», – и вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйте, матушка; скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?» Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание – принять его благословение и испросить его св. молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас, благодать Его с вами!» И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих подходивших к нему и каждому по благословении говорил: «Грядите с Богом». Мне же не сказал этого, и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшуюся по уходе всех, он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне», – и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данной мне о. Серафимом. Я хотела по приезде домой обделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к о. Серафиму и отнести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свеч. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась отнести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свеч. Меня уверяли, что о. Серафим ни у кого не берет ничего; но я не переменила своего намерения, думая, что, если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свеч.

После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях стоявшего у гроба. Увидев меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждою, осмелилась я подать ему полотно, говоря: «Святой отец! Удостойте принять от истинного моего усердия это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится». Тогда я осмелилась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свеч. Он принял и деньги с благодарностью». Тогда я рассказала потом об этой радости моей о. Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне о. Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом желании о. Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келью, приказал перекреститься и трижды дал пить мне св. воды, сам поднося ее к губам моим; потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить пра-

ведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он ответил: «Извольте, матушка»; потом вдруг к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших» и т. д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуста, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастие Св. Духа, буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее с последнею новорожденною дочерью вместе с собою в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собою. Когда мать принесла девочку к о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до году, он положил свою руку на голову

дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива; а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали».

б) Беседы старца Серафима с монашествующими

Много в это время обращалось к нему монашествующих из мужских и женских обителей; в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал пред ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, — говорил он, — должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучена долгим учением в рассуждении добра и зла (Евр. 5, 14)».

«Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и нощь должен поучаться в законе Господнем, чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла».

«Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни, таинственным и духовным образом».

«Прежде рассуждения добра и зла человек неспособен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем».

«А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому, требующему его наставления; ибо, как говорит Петр Дамаскин (Добротолюбие. О назидании души добродетелями. Ч. III. Л. 52), несть всякий человек верен

дати совет ищущим; но кто от Бога прием дар рассуждения и от многаго пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен».

«Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущий, и проразумевать козни вражии».

«Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показует любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (в Книге к пастырю. Глава 5)».

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братий, спрашивали о. Серафима о том, как управлять братиею. На такой вопрос одного из них о. Серафим дал следующее наставление:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумною матерью».

«Чадолюбивая матерь не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту впадших очищает, омывает тихо – мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля; и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но во угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с крото-

стью, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывать возложением на них поста и молитв, сверх определенных общими для всех; одевать учением и примерною жизнью своею в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота, и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

В 1830 году один иеромонах, вызываемый из Саровской пустыни настоятелем в Казанскую епархию, пришел к о. Серафиму принять благословение. Он нашел старца в лесу в трудах над грядами и подходил к нему молча, не говоря ни слова. Отец Серафим, увидев издали идущего к себе брата, запел и довел до конца *светилен* св. *Кресту: Крест Хранитель...* Потом о. Серафим спросил пришедшего: «Ты куда идешь, брат?»

– В Казань вызывают, – отвечал пришедший.

– С тобой обман, батюшка, идет, – сказал о. Серафим и прибавил, – не ходи в Макарьевскую пустынь. – А Макарьевская пустынь лежит в полугоре близ города Свияжска, и называется Подгорной.

– Меня, батюшка о. Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую пустынь игуменом, – сказал пришедший брат, имея в виду поправить ошибку старца.

А о. Серафим продолжал свое: «Я тебе говорю: не ходи в Макарьевскую». Подумав же еще немного, промолвил: «Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам приедешь, и умрем здесь в богоспасаемой Саровской пустыни». Потом, благословив брата, старец отпустил его с миром.

Брат отправился. Прибыв в Казань, он узнал, что действительно был определен указом не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь. Вспомнив слова о. Серафима, убедительно говорившего: «Не ходи в Макарьевскую», – он отказался от этого назначения и был послан строителем в Цивильский Тихвинский монастырь.

Г-жа П. И. Шкарина, пользовавшаяся с 1827 года особенным доверием о. Серафима, свидетельствует, что он, еще за год до первой холеры, что была в 1830 и 1831 году, говорил: «Грядет гнев Божий на Россию, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, – говорил он ей, – бодрствуйте и молитесь, да не найдет на вы внезапно час смертный».

«Холера, открывшись в России, посетила монастырь Тихвинский, в котором строительствовал саровский брат. Болезнь заставила его выпросить у начальства увольнение от монастыря. Он возвратился паки в Саровскую пустынь».

Немало являлось в это время к о. Серафиму и таких людей, которые, желая поступить в монастырь, спрашивали у него советов и наставлений. Старец по своей прозорливости, дарованной от Господа, делал полезные советы и нередко предсказывал будущее.

Так в 1830 году один послушник Глинской пустыни нарочно прибыл в Саровскую обитель спросить у о. Серафима, есть ли ему благословение Божие поступить в монашество. Молодой человек, не зная еще хорошо себя самого, не усвоив мысли о своем призвании, колебался между миром и монастырем: некому было поверить ему своих дум; не было вблизи человека, который бы решил его жизненный вопрос. Вот приходит Глинский послушник к о. Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомне-

ний, спрашивая, есть ли воля Божия поступить ему и брату его, Николаю, в монастырь. Не так ли и сам о. Серафим несколько лет назад являлся в Киев к затворнику Досифею? Отвечал же он послушнику так:

– Сам спасайся и брата своего (родного) спасай. – Потом, подумав немного, сказал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу – и ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл».

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и сказал:

– Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей.

После этого послушник решился поступить в монашество. При пострижении ему дали имя Паисия и в 1856 году он произведен в сан игумена в Астраханском Чуркинском Николаевском общежительном монастыре, а через шесть лет возведен в сан архимандрита в той же обители, сделавшись, таким образом, как предвидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором о. Серафим говорил: *Спасай брата,* – поступил в монашество под именем Назария и окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастырь в звании иеромонаха.

Давая наставления начальствующим братиям о. Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение, послушание, повиновение – и спасешься, – говорил он словами преподобного Вар-

сонофия. – И отнюдь не говори вопреки: что это? и для чего это? Но будь благопокорлив, наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя (Варсонофий. Ответ 119)».

«Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, – говорит тот же учитель. – Ибо что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?»

«Повинующийся повинуется во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинился и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек».

«Кто хочет узнать путь совершенно и нейдет с знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (совершенного безмолвия)».

«Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоем – и тогда спасешися. Смирение и послушание суть искоренители всех страстей и насадители всех добродетелей (Варсанофий. Ответ 61–223)».

«Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. Он должен быть, как сукно на сукновальни, – по словам преподобного Антиоха. – Ибо как сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело, подобно снегу: так и послушник, терпя уничижения, оскорбления, поношения, очищается и делается как серебро чистое, блестящее огнем разжженное (Антиох. Слово 113)».

«Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; *ибо несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1)».

«Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *противляяйся власти, Божию повелению противляется: противляющиися же себе грех приемлют* (Рим. 13, 2).»

«Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали о. Серафима советов и наставления насчет того, как им спасти себя и присных своих. Отец Серафим отвечал на это следующее.

«По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель, – не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе сказую – спасешися, сам и присные твои, о которых заботишься: *Не видех,* – глаголет Пророк, – *праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без упущения, узнай весь церковный порядок, т. е. вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы выучись содержать в разуме».

«Если находишься в келье не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разум. Если есть рукоделие – занимайся оным; если зовут на послушание – иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе,*

Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. В молитве внемли себе, таким образом ум собери и соединяй с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединить в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *Особо яже от Тебе исцеление им есть* (26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т. е. беседу с самим Господом, то зачем ходить по кельям братий, хотя кем и будешь призываем? – Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся; будь в сем случае глух и нем: чтобы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Четьи-Минеи, 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынническое, послушание безроптиво, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден».

«Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест; но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й и час за полунощь; аще изнеможешь,

можешь, вдобавок, днем спать. Сие держи несомненно до кончины жизни, ибо око нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в нощное время. Аще како будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

«Сказую тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания своего. Смиряйся, и Господь поможет тебе, и *изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 6), *и просветится свет твой пред человеки* (Мф. 5, 16)».

Саровский монах Киприан был смущаем тягостью возложенного на него послушания, пошел к о. Серафиму в келью за наставлением. «Не успел я войти к нему в келью, ни сказать ни одного слова, – говорил монах. – Встретил он меня у двери и сказал: «Радость моя! нет дороги отказываться от послушания».

Один раз пришел к о. Серафиму монах из очень дальнего монастыря. Старец в это время трудился у своего колодца. Подойдя к нему, странник поклонился и просил благословения, а о. Серафим, занимаясь трудами, не обратил на него никакого внимания. Инок, постояв молча, отошел восвояси без всякого утешения. Тогда о. Серафим, подойдя к дивеевской сестре, тут же неподалеку трудившейся, сказал: «Вот, матушка, требует благословения, а сам не знает куда». Так, разумеется, понял поведение старца и сам инок, не получивший благословения на дело, без рассуждения и сознания задуманное.

в) Беседы его с мирянами

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, о. Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая

положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собою к о. Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу, и только раз как бы мимоходом заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает православную веру, сам профессор семинарии и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году, 18 июля, были в Сарове и пришли в пустынь к о. Серафиму Иван Максимович Кредицкий и жена его Ю. П. «Мы нашли старца, – говорили они, – на работе: он разбирал грядку мотыкою, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положив на мою голову руки, прочи-

тал тропарь Успению Божией Матери: *В рождестве девство сохранила еси* и т. д. Потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть, каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательный мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но о. Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказав с свойственной ему

неизъяснимо радостной улыбкой, чтобы я не боялся этого шума мысленного, что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли.

«С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядчества, жители села Павлова, Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только переступили они за порог кельи, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину православной Церкви и, таким образом, крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. апостолов; а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учители Церкви, архипастыри суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?»

— Оставь свои бредни, — отвечал о. Серафим, — жизнь наша есть море, св. православная Церковь наша — корабль, а кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты с своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без кормчего?

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келье о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

— Откуда ты, матушка?

— Из Владимирской губернии.

— Давно ли ты больна?

— Три года с половиною.

— Какая же причина твоей болезни?

— Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к их вере — и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли во двор и нашли — я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю.

— Понимаю... — отвечал старец. — А веруешь ли ты опять в св. православную Церковь?

— Верую теперь опять, батюшка, — отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал:

— Перекрестись вот так во имя Святой Троицы.

— Батюшка, рада бы, — отвечала больная, — да руками не владею.

Отец Серафим взял из лампады у Божией Матери Умиления елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей: «Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее:

— Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

— Таких нет, батюшка, — отвечала сестра, — а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

— Попроси их от моего имени, — сказал о. Серафим, — чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

— Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают.

— Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

— К прискорбию, у нас в роду все так молились.

— Хоть и добродетельные были люди, — заметил о. Серафим, пораздумавши, — а будут связаны: св. православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

— Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима, ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны св. Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на челе крестного знамения должным образом о. Серафим очень заботился и приписывал крестному знамению великую силу. Крестьянин Ардатовского уезда, села Автодеева М. В., собираясь в Саров на богомолье, пред самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял, и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к о. Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келье старца, — рассказывал после М. Б. и бывший с ним послушник, — как я уже почувствовал в себе облегчение: чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что о. Серафим говорил и делал со мною в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампадки; потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец, сам показал мне трехперстное сложение креста и сказал: «Милостив Бог! Молись Ему так: со временем все это пройдет». И действительно, немно-

го спустя, по возвращении моем домой, я сделался совершенно здоров молитвами угодника Божия о. Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так в одно время к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец, сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь'?» Крупный пот выступил на лице крестьянина и он с чувствованием глубочайшего смирения в присутствии всех тут бывших начал раскаиваться в своих пороках, особенно в краже, сознаваясь, что он недостоин явиться пред лице такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев, относительно наставлений о. Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее: «В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом. В Курске и дорогою я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличить меня во всех грехах моих, особенно

же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукою человека, даже может быть грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себе чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию, я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решился я, по совету своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил о. Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоявшую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что, хоть мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без

воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания св. икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, – прибавил он, – и не только тело их, но и душу; так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного». Затем в подтверждение почитания святых икон, он приводил в пример, что «еще в Ветхом Завете при кивоте завета были золотые херувимы; а в церкви новозаветной евангелист Лука написал лик Божией Матери, и Сам Спаситель оставил нерукотворенный Свой образ». Наконец, в заключение, он сказал что, «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день страшного суда».

«Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание, но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее – и она истребляется; что так-то и на врага-диавола, стоит только оградить себя крестным знамением – и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям, но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели». И наконец несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

Слушая о. Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести моей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбою о прощении за нее к о. Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха, где келья о. Серафима. Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвою к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами св. Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской общины, за твое здоровье». Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, которую вливая мне в рот, сказал: «Да изженется благодатью Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и св. воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими св. молитвами; на это он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим – и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях – и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Генерал Павел Яковлевич Куприанов пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами, – говорил он, – я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую – и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению – вера, особливо *непрестанная сердечная молитва;* пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что вопиеши ко Мне?* Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил говорит: *Лучше мне умрети, нежели оставитъ молитву на мгновение ока;* молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили пещь огненную».

Когда о. Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить детей!» Удивленный такою речью, этот отвечал

искренно: «Да, я пастырь западной церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к православной Церкви.

Князь Николай Николаевич Голицын, проезжая из Москвы в Пензу, по желанию принять благословение от о. Серафима, заехал в Саров и, не нашед старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. На дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословив, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвав своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда о. Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловав, сказал: «Христос воскресе!» Затем спросил: «Читаешь ли ты святое Евангелие?» Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, – отвечал старец, – следующие слова в сей божественной книге: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитеся от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28 – 30). Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогой продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Придя в монастырь, старец пригласил князя к себе в келью, дал напиться св. воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека, долго ли намеревается он пробыть в монастыре. Тот отвечал, что предполагает уехать на утро, после ранней Литургии. Тогда о. Серафим с невыразимой любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни, что поэтому собственно, ради его, он не пойдет завтра в пустынь и останется в

монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей кельи, благословил, обнял его и ввел в келью. Здесь опять напоил его св. водою, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из святого Евангелия и еще *Символ веры,* в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестными; но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям о. Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу с своею матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъявить о. Серафиму слабости своей матери... Старец мгновенно положил правую свою руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. «Поучению нашей православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их». От сына обратясь к матери о. Серафим сказал: «Отверзи уста свои». И когда она открыла, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в дому своем не точию вина, понеже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери) не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни о. Серафима относятся следующие замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высоцкого Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближним, о неосуждении ближнего и прощении обид, о терпении и смирении, о болезнях, о милосты-

не, о посте, о покаянии, о слезах и о Святом Духе (см. Приложение).

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить своей пытливости. Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнении о. Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дне том и часе никто же весть: ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой Един. Яко же бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческаго. Якоже бо бяху во дни прежде потопа: ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, донележе вниде Ное в ковчег, и не уведиша, дондеже прииде вода, и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 37). При сем старец тяжко вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневляем Господа и нехранением св. постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четыредесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: нехранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна,

и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата адова не одолеют».

Видя, что о. Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его: «Что ты всех учишь?» На это достоблаженный старец ответствовал: «Я следую учению Церкви, которая поет: *Не скрывай словес Бога, но возвещай Его чудеса* (Стих на вечерне во вторник Страстной седмицы).

В другой раз ему послано было сказать, зачем он приходящих к нему помазывает елеем из лампады, горящей в келье его пред иконой. Отец Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?» И обычай помазывать приходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

г) Случаи прозорливости о. Серафима

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которого человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келью одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся; живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо, – этим и спасешься». Находясь тогда еще в миру и совершенно не думая быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, ска-

зал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, – отвечал о. Серафим, – мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром; на тебя уже сильно ропщут». Спутницы действительно встретили ее на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, вступила в монашество под именем Каллисты и, будучи игуменией в Свияжском монастыре, Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устрояла свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая – из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокинею, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила.

Между тем, он сам от себя благословил ее, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседою старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладила в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная действительно пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, имевший в обычае ежегодно посещать о. Серафима, сообщил о даре прозорливости его следующие случаи, лично к нему относившиеся.

«В 1829 году, летом, поехал я в Саров с женою и детьми. Дорогою жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около десяти лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уже привязаны к одним только священным книгам и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом в свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к о. Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня; благословляя жену мою, произнес: «Матушка! матушка! не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом».

Благословляя же обоих детей наших удостоил назвать старшего «сокровищем своим». Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом в течение всей своей жизни, до самой кончины, не переставал предупреждать меня всегда касательно всех обстоятельств радостных и печальных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году я был свидетелем следующего обстоятельства из жизни о. Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе, которая по званию своему никак ему не соответствовала, да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его вполне уважают о. Серафима и не в состоянии будут после его одобрения противиться этому браку, хотел сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты Священного Писания на случай несогласия о. Серафима, для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать ему свои запросы, — что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и, наконец, даже те тексты Св. Писания, на которые он хотел опереться в случае несогласия старца. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, господин тот пал безмолвно на колени пред старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: «Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение — и сего не будет». Действительно, брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что

он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на земле, но что настоящий случай убедил его вполне в праведной жизни о. Серафима.

В 1830 году, по случаю бывшей болезни жены моей, обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чудотворной иконе Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, жена моя, сходя по лестнице со второго этажа, споткнулась и вывихнула себе чашку у колена. Хотя же при помощи костоправа нога и была поправлена, но при малейшем после того движении чашка сдвигалась опять с своего места, так что, по-видимому, невозможно было совсем нам ехать. Однако ж, имея полную веру к молитвам о. Серафима, мы не хотели отлагать поездки до другого времени и отправились в путь тогда же, что было зимою. На пути боль ее усилилась, и это заставляло меня, при всем уповании на молитвы о. Серафима, несколько раз предлагать жене совет о возвращении домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословения о. Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги. Еще мы были далеко от обители, как вдруг боль в ноге жены моей начала уменьшаться, и, по мере приближения нашего к Сарову, становилась все слабее и слабее, и, наконец, когда мы въехали в самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своем месте и опухоль исчезла. Мы явились к старцу в келью для получения его благословения, и он, благословив нас, приказал нам прийти к нему в пустыньку, к источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старец принял нас очень милостиво, напоил водою из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные

корки и, благословляя на путь, сказал: «Грядите, грядите! дорожка гладенькая».

Последние слова о. Серафима мы вспомнили на возвратном пути из Тихвина; потому что, хотя это было и в январе месяце, но, в ожидании проезда Государя Императора, дорогу так уравняли, что на ней не встречали почти ни одного ухаба».

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она в среде множества народа пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его кельи, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставив всех, вдруг говорит ей: «Евдокия! Поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не видав ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. Отец Серафим благословил ее, дал св. антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом киевской академии и, по причине дальности расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын по окончании курса в Киевской академии пошел в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях, ректором и впоследствии епископом.

Однажды пришел к послушнику Иоанну Тихонову один человек, который называл себя помещиком, возвращавшимся из путешествия в Крым, и сказал, что он два раза был в Сарове, но не сподобился ви-

деть о. Серафима, а теперь он надеется видеть его при посредстве о. Иоанна.

Отец Иоанн говорит, что какое-то странное, даже тягостное чувство овладело им, когда он собирался вести этого посетителя в пустынь к старцу, хотя и видел, что этот человек во время обедни в этот же самый день на коленях и со слезами молился перед образом Божией Матери. Оставив его за несколько сажен от пустынной кельи о. Серафима, Иоанн пошел к старцу и сказал ему, что такой-то желает получить от него благословение. Но о. Серафим на его предложение строго ответил: «Я умоляю тебя именем Божиим, чтобы ты и впредь бегал таких людей», и объяснил, что этот человек притворщик. Думая убедить старца, Иоанн рассказал ему, как этот человек молился в церкви и снова просил за него. Но старец, никогда не видав этого посетителя, еще строже начал отзываться о нем, говоря, что «это самый несчастный, самый потерянный человек». Когда же послушник возвратился к ожидавшему его посетителю и, передав ему слова старца, прилежнее просил молиться Господу, если не хочет, чтобы душа его погибла безвозвратно, то он заревел во весь свой голос и рассказал, что действительно душа его исполнена самых нечистых мыслей и чувствований.

Но вот вскоре после него пришел в Саровскую пустынь и другой странник. Он, по-видимому, был простого звания и также убедительно просил о. Иоанна проводить его к о. Серафиму. Тот исполнил его желание, но из опасения за недавний случай, оставил также в нескольких саженях от пустынной кельи о. Серафима. В это время старец жал голыми руками осоку и как скоро услышал, что какой-то странник из Киева

желает получить его благословение, тотчас же сказал послушнику: «Приведи его».

Когда этот привел его, он посадив подле себя, начал говорить страннику, чтобы он оставил избранный путь, снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился бы в дом свой, – потому что там мать, жена и дети очень тоскуют по нем, а дома занялся бы хлебною торговлею. «Мню, – говорил старец, – что вельми хорошо торговать-то хлебом. У меня же есть знакомый купец в Ельце; тебе стоит только прийти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Странник во все это время пребывал в молчании, хотя и видно было, что он слушал старца с особенным чувством и был слишком тронут его словами. Когда же старец, благословив, отпустил пришедших с миром, о. Иоанн дорогою спросил странника о причине молчания. Странник отвечал, что он чрез свое молчание не только ничего не потерял, но еще получил все желаемое, т. е. узнал настоящий путь свой. И при этом рассказал, что о. Серафим, по дивному дару прозорливости, знает всю его жизнь; что он мещанского сословия и всегда занимался хлебною торговлею, чем и содержал свое семейство, но из любви Божией, без рассуждения, без путеводителя и без отеческого благословения пожелал странствовать и поэтому, без всякой помощи оставив свое семейство, с годовым паспортом отправился босиком и в веригах в Киев. «Там, – говорил он, – встретил я старца, который велел мне отправиться в Саровскую пустынь, прийти к о. Серафиму и послушаться его во всем, что повелит он, потому что это будет истинный путь мой. А теперь старец предупредил меня сам и мне остает-

ся только возблагодарить милосердого Бога и возвратиться домой по указанию человека Божия».

Мещанин города Кадома Алексий Петрович Андронов незадолго до кончины о. Серафима, по чувству глубокого уважения и любви к нему, отправился в Саровскую пустынь и взял с собою двух воспитанников, окончивших курс в семинарии и ожидавших служебного назначения. Когда они пришли к старцу, то он, благословив их всех, одному из воспитанников сказал: «Поспеши домой, – у тебя дома пожар; горят хлеба и ты должен помочь родным». Другому тоже велел скорее ехать домой, «потому что там уже его дожидаются, чтобы он занял свое место». Воспитанники изумились этим словам, но по возвращении домой каждый из них убедился, что от чудного старца ничего не скрыто.

Крестьянин Лихачевский Ефим Васильев подрядился однажды поставить шпиль на монастырской башне в Саровской пустыни. Когда все было готово и народ начал молиться, а он с несколькими работниками стоял на кровле башни, чтобы смотреть за работою и правильно поставить шпиль на своем месте, вдруг пришло ему на ум, зачем он не попросил на это дело молитв и благословения о. Серафима, – тогда бы уж знал наверное, что все кончится благополучно. Только что он подумал об этом, как тотчас же увидел самого о. Серафима, вышедшего из своей кельи на крыльцо и трижды благословившего его.

До нашего времени дошли и такого рода сведения, из которых мы усматриваем не только пользу от прозорливости о. Серафима, но и объяснение тому, как этот дар Божий действовать в нем. Раз пришли к о. Серафиму в монастырскую келью строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и приезжий из

Владимирской губернии купец. Они вошли вместе. Строителя о. Серафим попросил сесть и подождать, а с купцом стал немедленно говорить. Милостиво и ласково он обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки и скорби, – говорил он, – суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправи пути твои». Пространная речь его на эту тему проникнута была столь трогательно теплотою сердца, что и купец, к которому она прямо относилась, и строитель, для которого она была делом сторонним, тронуты были, в буквальном смысле, до слез. В заключение о. Серафим советовал купцу поговеть в Сарове и причаститься Св. Таин, обнадеживая, что Господь, в случае искреннего покаяния, не отнимет от него Своей благодати и милости. По окончании беседы купец, настроенный к благочестию, поклонился старцу в ноги, благодарил его от всей души за его душеполезную беседу, обещался исполнить, что слышал, и, прося молитв о. Серафима, вышел из его кельи весь в слезах.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лет пользовавшийся вниманием и уважением о. Серафима, осмелился спросить его:

– Батюшка! душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: в моих глазах, не выслушав духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы все ему высказали.

Отец Серафим не сказал ни слова.

Строитель продолжал:

– Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближняго.

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

– Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу и один Бог сердцеве-

дец, а *человек приступит и сердце глубоко* (Пс. 63, 7). – Засим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческаго, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико».

Строитель опять спросил:

– Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думаю, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, – в таких случаях всегда делаются ошибки.

Весьма назидательную и многообъясняющую сию беседу старец заключил так: «Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Эту беседу нам передал лично почтенный отец архимандрит Антоний, бывший в то время строителем Высокогорского монастыря, впоследствии наместником Сергиевой Лавры.

д) Исцеление при посредстве молитв старца Серафима

Некоторые по своей вере при жизни о. Серафима и при посредстве его молитв получали исцеление. Так в 1830 году прибыла в Саров одна больная, бывшая впоследствии игумениею в г. Слободске, Вятской губернии. Она страдала водяною болезнью; тело у нее все опухло и пожелтело; расслабление чувствовалось в такой степени, что она с большим трудом достигла Сарова. На дороге два раза останавливалась и однажды так была слаба, что в Нижегородском женском монастыре ее уже напутствовали к смерти.

По прибытии в Саров пришла она в числе других посетителей в келейные сени о. Серафима и села позади других. Старец же, раздвинув толпу посетителей, подошел прямо к ней, протянул ей руку, приняв от нее полотенце ее рукоделия, трижды утерся им и, сказав: «Иди, радость моя, за мною», – привел ее в свою келью. Здесь он благословил ее, дал просфоры со св. водою и, отпуская от себя, сказал: «Завтра мы с тобою увидимся»

На другой день старец принимал посетителей в ближней пустынной келье, около своего источника. Он вышел к ним в полумантии с зажженною в руках свечою, начал благословлять всех, говоря каждому потребное на пользу души. После всех подошла к нему и больная. Взглянув на нее, он сказал: «Ты матушка очень нездорова?» – и потом, благословляя, продолжал: «Поди умойся в ключе и напейся – и будешь здорова». Больная отвечала: «Уже я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда». Тогда он оказал опять: «Возьми, матушка, возьми воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой: апостолы Христовы исцелять тебя, будешь здорова». А как она сказала,

что при ней нет сосуда, в котором можно бы унести воды с собою, то старец вынес ей из своей кельи небольшой кувшинчик и повторил как при сем случае, так и после возвращения с водою, прежние слова свои.

Возвратившись в гостиницу, больная тотчас же исполнила во всей точности совет старца, не опасаясь употребления воды в водяной болезни и не слушаясь тех, которые, находясь с ней, запрещали это. На другой день она встала с постели совершенно здоровою. Вода из нее вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крепость сил; лицо покрылось естественною белизной. Больная точно переродилась, и те, которые видели ее еще накануне, утром почти не узнавали.

Пред отправлением в обратный путь отец Серафим прислал ей и двум ее спутницам вместе с благословением выздоровевшей – палочку с клюкою, одной из спутниц – палочку же с тремя отростками, а другой – простую палочку. Последствия показали, что с каждым из этих знаков соединялось особое значение, которого в то время они не поняли. Выздоровевшая, поступив в монахини, под именем Пульхерии, была игуменией в женском монастыре города Слободска, Вятской губернии. Первая из спутниц с тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) все четверо приняли монашеский сан; вторая спутница также поступила в монастырь.

В предыдущем рассказе упомянуто об источнике Серафимовом и его целительной силе.

Вот что рассказывает об этом событии Саровский иеромонах о. Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки о. Серафима около его колодца. Старец между беседою сказал ему: «Вот, батюшка, я молился, чтобы

вода сия в колодце была целительною от болезней». Этим объясняются нынешние свойства воды, текущей в Серафимовом источнике, которых прежде она не имела. Во-первых, вода сия, как замечают, никогда не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Некоторым хотелось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы в состав ее. Но известно, что и минеральные воды изменяются и подвергаются порче, даже очень скоро, при дурной укупорке. Во-вторых, водою из Серафимова источника во всякое время года многие омываются и здоровые, и больные, и не только никто не получает от этого вреда, а напротив, многие, как видим, получали исцеление. Так, после смерти о. Серафима княгиня Е. И. Е. рассказывала относительно целительных свойств Серафимова источника следующее: «Двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, с которою подходили к ней. Лекарства, как это часто бывает, не помогали ей. Нечего делать, повезли ее в Саров к о. Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С той минуты болезнь ее совершенно прошла и она живет благополучно у детей своих».

Вот что говорится еще в письмах Марии Кол., современницы о. Серафима, лично знавшей его, в письмах, которые писаны были к затворнику Георгию в первое полугодие после кончины Саровского подвижника. «Я опять перехожу к о. Серафиму, как источнику моей радости. Мне и в присутствии моем другим сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала в себе ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к о. Серафиму просить помощи, старец приказал ей

напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдруг, без всякого принуждения, из нее гортанью вышло множество желчи. И после сего она стала здорова».

«Также Татьяна Васильевна Баринова в бытность свою у о. Серафима жаловалась ему на свою болезнь; а у ней на руке был непроходимый лишай, и вся рука была обвязана. Батюшка о. Серафим приказал ей вымыть руку водою из источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: «Ах! как я это сделаю, если и от малейшего прикосновения сырости болезнь руки усиливается?» Однако же, на сей случай она не затруднилась оказать послушание и свою руку умыла. Тотчас же как бы чешуя слезла с руки ее вместе с кожею, и с тех пор руки ее чисты».

«Многим, даже в ранах, о. Серафим приказывал окатиться водою из его источника. Все получили от этого исцеление – и в различных болезнях».

Повествования свои о целительности источника Мария окончила так: «Жизнь батюшки о. Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних, и что я более его не увижу, так сердце мое исполняется горести и глаза – слез. Я бы у него попросилась в Дивеевскую общину... В бытность у него я так была удивлена им, что нашла мало чего поговорить с ним о себе: только лились неудержимо мои слезы. С предсказанным переворотом моей жизни мне доказалось, что все мое сердце превратилось в плач. Но старец успел и здесь меня успокоить и покорить воле Божией».

Случаев, в которых о. Серафим при жизни своей оказывал помощь больным, было очень много. Так, инок Саровской обители, Александр, рассказывал о себе многим боголюбивым особам следующие обсто-

ятельства. Будучи еще в мире, он страдал расслаблением всех членов, особенно же его мучила нестерпимая боль в одном ухе. Лекарства ему нисколько не помогали. В ухе, наконец, образовался завал. По совету добрых людей он отправился в Саров просить молитв и помощи о. Серафима. Когда больной, войдя, упал ему в ноги, то старец ни слова не говоря, подошел к лампаде, горящей пред образом Божией Матери, омочил в масло перст свой и помазал больное место уха. Больной в ту же минуту почувствовал облегчение, а вскоре и вся боль прошла. Тут же старец, между прочим, сказал выздоровевшему: «Ты будешь наш», – и он, несмотря на значительные препятствия, действительно вступил в Саровскую пустынь.

По вступлении в монастырь у него чрезвычайно усилилось расслабление правой руки и прежде ощущаемое. Инок не мог ни креститься, ни кушать правою рукою без поддержки левой. Опять придя к старцу Серафиму, он бросился ему в ноги, прося его благословения и помощи св. молитвами. Отец Серафим весьма милостиво благословил его и с радостным лицом сказал: «Помолись Царице Небесной и положи Ей три поклона». Инок тотчас же положил три поклона пред образом Божией Матери. После сего старец, взяв сосуд со св. водою, стал подавать ему в больную руку. Но инок отвечал: «Батюшка! не могу взять этою рукою: она у меня болит и вся расслаблена». Тогда старец взял его за больную руку и, подавая сосуд, сказал: «Бери и пей». Больной, хотя с трудом и при поддержке о. Серафима, напился. Старец в заключение, благословил его и с миром отпустил в келью. «С того времени, – говорил инок Александр, – благодаря Бога, за молитвы о. Серафима, я не чувствую никакой боли в руке моей».

И в Дивееве, и в Сарове занимались работами многие из крестьян. Некоторые из них особенно близки были к о. Серафиму; они питали к старцу веру и любовь, как к лицу, угодному Богу, и о. Серафим взаимно любил их. Некоторые из них таким образом сделались достоверными повествователями событий из жизни старца.

Так, Лихачевский крестьянин Д. В. рассказывал, что он в 1831 году, почувствовав в себе признаки холеры тотчас же побежал к о. Серафиму просить помощи, и едва-едва мог доползти до его кельи. Старец приложил его к образу Божией Матери Умиления, напоил св. водою и дал вкусить несколько частиц от просфоры. Больной немного поуспокоился. Потом старец велел ему обойти кругом монастыря и, зайдя в собор, помолиться в нем. «Там, – сказал он, – милосердие Божие исцелит тебя». Крестьянин все это исполнил и, по милости Божией, возвратился в гостиницу совершенно здоровым.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов касательно помощи о. Серафима во время холеры сообщил следующее: «В начале 30-х годов появилась в Екатеринославской губернии холера и начала производить большую смертность в имении моем, находящемся в тамошнем краю. У меня заболело вдруг около двадцати человек и уже двое из них умерли. Судорожные же корчи прочих, общий стон и плач раздирали мою душу. В столь крайних обстоятельствах я припомнил, что о. Серафим несколько раз говорил мне: «Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится». Воспоминание это побудило меня с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил нас от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, является ста-

рец жене моей и приказывает ей отправиться на родник, где некогда явилась чудотворная икона Божией Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею как нам, так и всем людям. Этот родник, или источник, находится в 12 верстах от моего имения, и я немедленно поутру отправился туда со всем семейством, сохраняя в душе полную уверенность в ходатайство за нас угодника Божия Серафима.

По прибытии на родник мы погрузили в него сначала крест, а потом напились и умылись из него, как сами, так и служившие нам. В то же время, по моему распоряжению, привезли к нам из села нашего бочку, которую мы наполнили водою из родника и потом все отправились домой. В селе я приказал собрать всех крестьян, пригласил священника, и по совершении торжественного водоосвящения мы стали раздавать священную воду всем и отвезли часть ее в больницу, где многие были уже при смерти. Все они, по милосердию Божию, выздоровели вскоре, пользуясь исключительно присланною им водою, и никто с тех пор не умирал в моем имении. В особенности удивило нас всех и заставило возблагодарить милосердие Божие – выздоровление одной семидесятилетней старухи. Она также заболела холерою и находилась уже в безнадежном состоянии. Но когда сосед ее, крестьянин, налил ей насильно в рот воды; так как она была в оцепенении, и потом еще вылил на нее из бутылки остальную воду, она впала в бесчувственность; потом чрез несколько минут выступил на ней обильнейший пот и чрез час, не более, старуха была вне всякой опасности».

По случаю этой смертоносной язвы многие обращались к о. Серафиму с письмами, иные лично приезжали просить его молитв и наставления, как предос-

теречь себя от опасности. Старец давал следующее наставление:

«Призовем имя Господа – и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах – мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворить, помилует тя, изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою, яко полудне (Пс. 36, 5–6), только повинись Господу и умоляй Его». К продолжению сего пути он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолюдинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы (см. выше). «Кто будет продолжать так, – говорил он, – тот не лишится милости Божией. Молитва – путь ко Господу. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *всегда радуйтесь, непрестанно молитеся, о всем благодарите* (1 Фес. 5, 16–18). При таком блаженном и мирном состоянии души верую, что по великой благости Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его – паче тьмы беззаконных».

Что касается собственно до писем, то о. Серафим часто не распечатывая, знал их содержание и давал ответы, говоря обыкновенно так: «Вот что скажи от убогого Серафима и проч.». В этом удостоверяют многие боголюбивые особы, обращавшиеся с отцом Серафимом лично или чрез письма. После смерти старца в келье его наши много нераспечатанных писем, по которым, однако же, даны были в свое время изустные ответы.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела

жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлова. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его как бы своего ученика и наперстника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келье о. Серафима.

Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке кельи и, увидев, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Отец Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

В сентябре 1831 года прибыл в Саров один помещик Симбирской и Нижегородской губерний коллежский советник Николай Александрович Мотовилов, совершенно больной, и получил по молитвам отца Серафима чудесное исцеление. В записке своей, хранящейся в Дивеевской обители, он так пишет о своем исцелении: «Великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных великих ревматиче-

ских и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трех лет. Исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжко больного, из сельца Бритвина, Нижегородского Лукояновского имения моего, к Батюшке о. Серафиму. 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8 на день Рождества Божией Матери удостоился иметь я две беседы, первые с батюшкой о. Серафимом до обеда и после обеда в монастырской келье его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день 9 сентября привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку, близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом, во множестве приходившем к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу реки Саровки существующей, на его сенокосной пажнинке, меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня, он сказал: «Да ведь я не доктор, к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь». Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все главные способы лечений испытал, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатью Божией. Но будучи грешен и не имея дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его св. молитв, чтобы Господь исцелил меня. И он сделал мне вопрос: «А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?» Я от-

вечал: «Верую». – «А веруешь ли, – продолжал он меня спрашивать, – что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи, одним же словом Своим и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может всецело исцелить вас?» – Я отвечал, что истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам. «А если веруете, – заключил он, – то вы здоровы уже!» – «Как здоров? – спросил я, – когда люди мои и вы держите меня на руках!» – «Нет! – сказал он мне, – вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы в конец!» И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взяв меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне: «Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь». И потом прибавил, радостно смотря на меня: «Вот, видите ли как вы хорошо теперь стоите». Я отвечал: «Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня». И он, отняв руки свои от меня, сказал: «Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой: Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места». Взяв меня за руку одною рукою своею, а другою в плечи мои немного подталкивая, повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: «Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!» Я отвечал: «Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!» – «Нет, – сказал он мне,

отняв от меня руку свою, – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила: вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же..» – и стал толкать меня, чтобы я шел. «Да этак упаду я и ушибусь...» – сказал я. «Нет, – противоречил он мне, – не ушибетесь, а твердо пойдете...». И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: «Довольно уже», – и спросил: «Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваша очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне; веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашею и всегда, крепко надейтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий»... И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные на собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо без поддержки людской, сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня

возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом».

е) Пособие старца Серафима в разных душевных недугах

Старец о. Серафим оказывал помощь скорбящих, пораженным душевными недугами и одержимым злыми духами. Так, один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимною беседою. Подойдя к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову источнику, скорбящий брат хотел своротить в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться ему с о. Серафимом. Но прежде чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя старца, идущего навстречу им. Старец явился им в довольно странном наряде. Часть белого его балахона была поднята, по обычаю рабочих, под кушак, а полы опущены. На нем был огромный зеленого цвета левантиновый платок, у которого один конец тащился по земле, а другой обвивал шею. Два брата упали ему в ноги. Старец же, как чадолюбивый отец, с необыкновенною ласкою благословил их, потом пропел следующий стих 9-й песни канона, поемого во всякой душевной скорби и обстоянии (параклисиса): *Радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи.* Потом, топнув ногою, сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, *Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил*». Душевное состояние старца как бы перелилось в души скорбящих братий, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца.

Одна вдова, имевшая троих маленьких детей, тяготясь воспитанием их, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердии о. Серафима, она решилась обратиться к нему, испросить благословение и поведать свое горе. Благословив ее, старец сказал: «Не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе: один будет твоим кормильцем». Чрез неделю после этого двое из детей умерли. Мать поражена была неожиданною их смертью и опять пошла к о. Серафиму, ожидая, что он разрешить ей недоумения, тревожившие душу. Старец, увидев ее и предваряя речи ее, сказал: «Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым: клятвою детей своих ты много оскорбила их. Покайся во всем духовному отцу твоему и впредь укрощай гнев свой, чтобы не быть великою грешницею. В последний раз благословляю тебя: только ты прости их». После сих слов старец благословил вдову, дал ей поцеловать Крест, который носил на груди, и ушел в свою келью на другие труды.

Бесноватых о. Серафим исцелял своим присутствием, крестом и молитвою. «Я был свидетелем, – говорил лихачевский крестьянин, работавший в Сарове, – как несколько мужчин привели с величайшими усилиями к сеням пустынной кельи о. Серафима одну бесноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась, а у крыльца сеней упала и, закинувши голову назад, кричала: «Сожжет, сожжет!» Отец Серафим вышел из кельи и, так как женщина не хотела открыть рот, насильно влил ей нисколько капель св. воды. Я и все мы увидели, что в ту же минуту из ее рта вылетало как бы дымное облако. Когда же старец, вслед за тем, оградил ее крестным знамением и с благословением сотворил над нею святую молитву, бесноватая очнулась и сама начала молиться. Впоследствии, увидев ее

в Саровском соборе совершенно здоровою, я спросил, что она теперь чувствует. – «Слава Богу, – отвечала она, – теперь я не чувствую прежней болезни».

ж) Исцеления и предсказания вместе

С совершением исцелений о. Серафим иногда соединял предсказания о будущей судьбе получивших выздоровление, или тех, кто был при них. Такой случай был с о. Мельхиседеком, монахом Арзамасского Спасского монастыря. Будучи в миру, имея жену и детей, он торговал рыбой, сложил для склада ее каменный подвал, но двери хорошей сделать не успел. Сын его, пяти лет, играя с другим мальчиком на лестнице подвала, задом упал вниз и после сего стал по ночам плакать, и сделалась в доме их грусть. У ребенка отнялись ноги; ни один даже палец не действовал, тело все высохло: остались одни кости да кожа, и ноги мотались, как плети. Если бывало, станут сгибать ему ноги, то колени трещали, как пружина; то же повторялись и при разгибании. Сколько ни лечили родители своего сына – лекарства не подействовали, напротив, еще в груди оказалась сильная ломота. Наконец, поговорив между собою, родители решили ехать с больным в Саров к о. Серафиму. Дорогой через гати и мосты переносили его на руках, и больной от нестерпимой ломоты в груди все плакал и просился назад домой, где лежать ему было спокойнее; но родители, ни на что не взирая, приехали в Саров. Придя к келье отца Серафима и узнав, что он в пустыни, они терпеливо ожидали его прихода. Возвратившись в монастырь, о. Серафим всех благословил, а больного ребенка, сверх того, поцеловал в голову. Родители объяснили о болезни сына. Отец Серафим сказал: «Не лечите ничем, а молитесь Богу», – и дал мальчику чего-

то выпить и сухариков. При возвращении домой мальчик в дороге был спокойнее, и родители, перестав лечить его, все молились о нем Богу. Спустя несколько времени матери больного привиделся сон, чтобы для исцеления сына она взяла чудотворную икону Казанской Божией Матери (икона эта в г. Арзамасе в церкви Казанской Божией Матери) в дом. Точно, икону Божией Матери взяли в дом, отслужили всенощную и молебен с водоосвящением. По окончании молебна священник благословил больного мальчика Крестом, дал ему напиться св. воды, а потом он приложился к чудотворной иконе Божией Матери, которая осталась в доме до утра. Поутру же, отслужив благодарственный молебен Божией Матери, с радостью и благоговением отнесли ее в церковь. По возвращении из церкви мать взяла больного на колени; в это время ноги у него, до того времени не имевшие правильного движения, вдруг согнулись и опять вытянулись, еще раз согнулись и снова вытянулись. Родители, увидев это, от удивления и радости заплакали, а сын, встав на ноги, пошел нетвердым шагом и с этого времени стал ходить лучше: ноги его окончательно исправились и он более не страдал ими.

При том свидании, когда больного привозили к о. Серафиму, старец, между прочим, сказал отцу его: «Ты оставь мир». Долго думал отец, что бы это значило, а потом стал уговаривать жену свою идти с дочерью в монастырь с тем, чтобы и ему самому идти в монастырь же. Жена на это возразила: «А родителей (которые при них жили) ты куда думаешь девать?» – «Для родителей, – отвечал муж, – надо поставить келью и дать на пропитание». Не видя с этой стороны успеха в своих намерениях, жена прямо отвечала, что у нее нет желания идти в монастырь. Дело на том и

остановилось. Потом, прошло несколько времени; жена, отец и мать в один год померли, и отец с сыном в тот же год поступили в Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана в Николаевский Арзамасский женский монастырь. Таким образом сбылось предсказание о. Серафима, сказанное в виде намека.

Г-жа М. В. Никашина об исцелениях и предсказаниях о. Серафима повествовала следующее: «Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь; но по приезде туда не застали о. Серафима в монастырской его келье: он был в лесу, на пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к мужу моему со словами: «Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея* (Пс. 25: 8). Вельми хорошо, батюшка, украшать храмы Господни». о. Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того о. Серафим приглашал нас в свою монастырскую келью, и мы стали у него просить благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю, или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но о. Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к иконе Умиления Божией Матери, сказал: «Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твое управление — к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги, а вот твоя дорога: я благословил одного управляющего проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на низу,

и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручала ему». Отец Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым действительно все то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была следующая странная болезнь: едва только простудится он немного, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил; нервы, особенно носовые, приходить в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотание в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чиханье продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Врачи московские и нижегородские советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к о. Серафиму.

По приезде нашем старец, благословив нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал мужу моему наклонить голову и начал сам поливать ее водою из бутылки; потом приказал ему умыться этою водою и подал ему с своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа совершенно миновала и он прожил еще семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на обратный путь из Сарова домой, сказал мне: «Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины и стали творить молитву; я их не пустил; а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было

делать, то я лег спать»; и потом прибавил: «Понимаешь ли ты это, матушка!» После того, по приходе нашем на гостиный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женою и начал меня упрашивать сходить с ними к о. Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что о. Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними.

Мы пошли и по приходе на крыльцо кельи, услыхали, что о. Серафим что-то делает в своих сенях. Я по обыкновению сотворила молитву, но о. Серафим не отвечал обычного «аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он замолчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услыхали, что о. Серафим лег спать у своих дверей, где мы стояли, и чрез несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании, и мы принуждены были отправиться домой в гостиницу, не увидав старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни о. Серафима. Я нашла там его собиравшего щепки у вала, на дороге. Заметив меня, он подозвал меня к себе и сказал: «Вот, матушка, свв. Отцы благословили меня собирать эти щепки для сирот дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки». Потом, взяв меня за руку, довел по дороги до своих гряд, где был посажен лук и картофель, и сказал: «А вот матушка, мое богатство; вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки; но ты не унывай о том». Действительно, чрез несколько месяцев муж мой скончался; а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться; но так как пользы никакой не было, то я приехала к о. Серафиму и рассказала ему о своей болезни. На это старец отвечал мне так: «Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси – и пройдет, как перестанешь лечиться». При этом он прибавил: «Вот когда ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!» По благословению о. Серафима я перестала лечиться, и болезнь моя действительно миновала. После того я поехала в село Палице, где находится чудотворная икона Божией Матери; и вот, на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старушку, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ее тело. Поутру, идя к обедне, я увидела новую страшную больную: вели одну девушку расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова о. Серафима, которые сначала казались мне непонятными: «Когда ты поедешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь».

Однажды я была у о. Серафима с родной своей сестрою, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: «И жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему: «Простите меня; батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь с своим родителем за то, что он, сдав свое место брату моему, сам все живет у меня». Отец Серафим возразил ей: «С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?» Сестра отвечала ему: «У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду». Но о. Серафим опять возразил ей: «Никакой, матушка, нет надежды,

никакой нет». И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове, в день воскресный, пошла я после поздней обедни к о. Серафиму, и он, благословив меня, спросил: «Ты, матушка, была у обедни?» Я отвечала: «Была, батюшка». Тогда он спросил: «Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?» – и он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что, верно, он предсказывал мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогою заехала я в деревню Соболеву, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку; но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла, и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у о. Серафима, и он говорил мне о покойнице. Отец протоиерей сделал ей, по усердию, на свой счет гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость о. Серафима.

Этот самый протоиерей не имел прежде веры к о. Серафиму; но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично видеться с ним. И вот едва только по приезде своем в Саров вошел он в келью о. Серафима, как старец встретил его иерейским лобзанием и словами: «Да благословит тебя, батюшка (при этом он назвал его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери», – и потом назвал всех тех угодников, во имя которых в Покровском храме были устроены семь приделов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к о. Серафиму.

Однажды привезла я к о. Серафиму восковых свеч; он тотчас же спросил меня: «Ты, матушка, поедешь в Дивеево?» Я отвечала ему: «Благословите, батюшка; я везу туда три иконы». Тогда о. Серафим сказал: «Так кстати отвези туда и свечки: все равно, за вас пойдет молитва». Потом он сказал: «Ты, матушка, знаешь пчел? Когда матка сидит в улье, то и пчелки около нее. Так-то и девочки в Дивееве теперь пребывают с Божией Матерью». На это я сказала ему: «Ах, батюшка! Как счастливы эти девочки, что они всегда пребывают с Божией Матерью». Тогда батюшка возразил мне: «Что девочкам завидовать? И вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но ей разве было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их». Чрез несколько лет после того я овдовела, и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова о. Серафима: «Не дожидайся, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их» – и решилась поступить в Дивеевскую общину».

Г-жа Серафима Корсакова рассказывала о своем муже следующее обстоятельство. «Будучи одиннадцатилетним мальчиком, муж мой, по имени Андрей, житель г. Ардатова, сделался тяжко болен глазами. Девять месяцев он находился в самом печальном и жалком положении; наконец, мать решилась везти его в Саров. Но когда они приехали в обитель, 3-го августа 1829 года, о. Серафим, по причинам, ему известным, опять на время затворился и никого не принимал к себе. Они прождали дней пять... Старец опять раскрыл двери для всех, жаждавших его благословения, наставлений и врачевства. Увидев больного отрока с матерью, он пригласил их к себе, говоря: *Грядите!* –

Благословив их, начал дуть больному в уши и глаза, и в то же время положил на его голове печать крестного знамения. В заключение же, благословив больного, он сказал ему: «Будешь здоров». А когда больной выходил из кельи, о. Серафим сказал: «Ты будешь женат на Серафиме». А матери сказал: «Грех праздника не почитать». Он открыл этими словами то, чем она согрешила против заповеди Божией на пути в Саров. Едва только вышли они из кельи старца, слепой Андрей начал видеть свет Божий и чрез месяц зрение совсем возвратилось к нему. Исполнение же предсказания касательно имени будущей его супруги оправдалось тогда, когда я, Серафима, сделалась его женой».

з) Предсказания старца Серафима

Было весьма много случаев, в которых о. Серафим предвидел и предвозвещал будущее.

Г–н И. М. Кр. рассказывает о своей родственнице В. И. Бр., живущей в Нижнем Новгороде, следующее обстоятельство. Вышла она в замужество за вдовца, у которого было двое детей, и была в своем браке крайне несчастлива. Родственники пожелали, наконец, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дела, она поехала в Саров посоветоваться с о. Серафимом. Старец сказал ей: «Ты никак не оставляй своего мужа: усердно прошу тебя об этом я, грешный монах Серафим; все же претерпеваемые тобою неприятности скоро кончатся». Действительно, не больше, как чрез полгода муж ее умер, а сирот его Господь помог ей пристроить для воспитания в казенные заведения.

Одной благочестивой жене, бывшей в Сарове, он открыл, что наступает голод, и советовал запастись хлебом, чтобы не терпеть нужды. Жена же в простой

беседе рассказала о сем предсказании Саровскому иеромонаху о. Иакову, который был ее духовником. Когда и братия за второю трапезою в тот же день узнали о сем от старца Иакова, то некоторые из них с верою приняли это известие, умоляя Господа Бога предотвратить Свой гнев, а маловерные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. В скором времени после предсказания действительно начался голод. Цены на хлеб с каждою неделею возвышались. Иссякли самые источники, из которых получался хлеб для голодавшего края. Цена за четверть хлеба стояла между двадцатью и двадцатью четырьмя рублями, по прежнему счету, на ассигнации.

С 1831 года старец Серафим опять возвещал многим о предстоящем голоде. Видясь с о. игуменом Нифонтом, он и ему твердил: «Голод будет, голод будет!» А для предотвращения бедствий он советовал монастырскому начальству сделать запас хлеба в *шесть* годовых потреб, заметив, что при его жизни уже в четвертый раз наступает голод, а обитель Саровская никогда не терпела недостатка в хлебе.

Пришел к нему еще один священник А. Н., впоследствии протоиерей в Арзамасском Николаевском женском монастыре. Старец о. Серафим поздоровался с ним по обычаю иерейскому. Затем он между беседою предсказал ему, что он будет благочинным, увещателем раскольников и много потерпит в жизнь свою от диаконов, недостойно имеющих благодать сию. Отец Авраамий увидел на себе исполнение сих слов. Он подтвердил, что наставления, которые слышал от старца касательно обязанностей благочинного, весьма много способствовали ему к должному прохождению этого звания.

Благочестивая вдова Пелагия Ивановна Шкарина, проживавшая в г. Арзамасе, свидетельствует, что она имела желание смолоду поступить в монашество. Но о. Серафим, узнав ее лет за пять до свой кончины, предсказал ей, что она будет сиротою, выйдет замуж, будет иметь семерых детей, назвал и имена всем им, потом лишится мужа. Как ни далеки были эти предсказания, но они все исполнились в точности.

Была у о. Серафима также одна мещанка г. Балахны, по фамилии Заяева. Старец советовал ей непременно поступить в монастырь; та отказывалась. Он открыл ей и причины своего совета: «Ты будешь, – говорил он, – несчастлива замужеством, много будет у тебя детей, а мужа лишишься, останешься вдовой и будешь терпеть еще большую бедность, чем при муже». Заяева не послушала советов старца, вышла замуж и после горько жалела о том, ибо все слова о. Серафима исполнились над нею.

В другом случае пришла к нему из г. Арзамаса мещанская девица Ножевникова. Она находилась в большой бедности. Отец Серафим, услышав жалобу на недостатки, предсказал, что в замужестве она будет богата, только после того опять будет влачить жизнь, исполненную многих скорбей.

В Арзамасском Николаевском женском монастыре проживали две сестры, крепостные девушки. Увидев их, о. Серафим сказал: «Чрез год господа возьмут вас к себе в услужение на пять лет». Девицы были у старца со своим братом. Этому брату он сказал: «А тебе Господь продлит жизнь до 80 лет, что ныне редкость, если только ты сохранишь себя от грехов смертных». Все это исполнилось, как предсказал о. Серафим.

Надежда Феодоровна Островская рассказывала следующее: «Родной мой брат, подполковник В. Ф.

Островский часто гостил в Нижнем Новгороде у родной нашей тетки, княгини Грузинской, которая имела большую веру к о. Серафиму. Однажды, по какому-то случаю, она послала его в Саровскую пустынь к этому прозорливому старцу. Отец Серафим принял моего брата очень милостиво и между прочими добрыми наставлениями вдруг сказал ему: «Ах, брат Владимир, какой же будешь пьяница!» Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию; к о. Серафиму имел глубокую преданность, а к подчиненным был, как нежный отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни. Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще: «Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные пороки, и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех — высокоумие. Искушение твое пройдет, по милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни; только не забывай своего греха». Дивное предсказание старца Божия действительно сбылось потом на самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств брат мой впал в эту несчастную страсть — пьянство и, к общему прискорбию родных своих, провел несколько лет в этом жалком состоянии. Но наконец, за молитвы о. Серафима и за свое простосердечие, был помилован Господом: не только оставил прежний свой порок, но и весь образ своей жизни изменил совершенно, стараясь жить по заповедям Евангельским, как прилично христианину.

А. А. Тум–я, будучи еще малолетнею (лет двенадцати от роду) однажды ездила с своею матерью в Саровскую пустынь, чтобы удостоиться видеть о. Серафима и получить его благословение. Это было в 1830 году. По приезде в Саров она случайно узнала от своей няни о каком-то бедном, изнуренном колоднике, который в тяжких цепях шел мимо монастыря и был очень жалок. При виде сего несчастного она была очень тронута его положением, но тотчас не сделала ему подаяния только потому, что при ней в то время не было денег; но потом, найдя у себя серебряную монету в 50 коп., за неимением другой, более мелкой, решилась отдать сему несчастному. Когда же пришли они к о. Серафиму, то прозорливый старец, никогда еще их не видевший, тотчас подозвал девочку к себе и, благословив ее, ласково сказал: «Вот это хорошо, что полтинничек-то подала бедному», – и при этом совершенно неожиданно назвал ее тогда «Ваше превосходительство». Мать ее, крайне удивленная этим приветствием, старалась объяснить старцу, что этот титул им вовсе не принадлежит, но он, беседуя с ними, по-прежнему давал девочке тот же титул. Так и возвратились они домой, не узнав причины такого необыкновенного приветствия старца и долго недоумевали, чтобы это значило. Но после стало понятно для них, когда А. А. Тум–я, достигнув совершенного возраста, вышла замуж за генерала. Тогда оправдались пророческие слова старца Божия, который задолго предвидел будущее, по данной ему благодати от Господа.

Московский мещанин Вячеслав Андреевич Плетминцев никогда не думал жениться и всегда удивлялся тем людям, которые принимают на себя супружеские обязанности. В одно время случилось ему ехать из Ря-

зани в Арзамас. Дорогою заехал он в Саровскую пустынь и там впервые услышал об о. Серафиме. «Дай, зайду к нему, – подумал Плетминцев, – не скажет ли он и мне чего-нибудь?» Пришел он к старцу, и тот прежде всего благословил его, а потом подав три сухарика, говоря: «Вот это тебе, это жене твоей, а это сынку». Плетминцев не поверил сначала словам старца, но, прибыв в Арзамас, действительно, чрез несколько времени женился и, по предсказанию святого старца, имел сына.

Наталья Ивановна Богданова, преданная всею душою к Саровскому старцу о. Серафиму, часто посещала его, желая насладиться утешительными его беседами и наставлениями. Проводя свою молодость девицею, она вовсе не думала о браке, но однажды, быв у о. Серафима, вдруг была поражена от него неожиданным для нее предсказанием. Отец Серафим, подавая ей сшитую из полотна шапочку, сказал: «На, возьми: она тебе пригодится, когда у тебя родится младенец. Ты выйдешь в замужество за знатного господина, но года три по вступлении в брак тебе придется переносить разные скорби, но не бойся, а уповай на Господа, и Он тебя утешит, и ты будешь счастлива». Взяв эту шапочку от старца, Богданова хранила ее, как неоцененный дар и никому об этом не решалась открыть, ожидая исполнения чудного предсказания о. Серафима. Спустя довольно времени после сего свидания со старцем, она действительно по его пророчеству вышла замуж, имея уже от роду за 30 лет. Когда же пришло время ей разрешиться от бремени, то данная о. Серафимом шапочка была надета на младенца. Слова же его насчет семейных неприятностей при выходе замуж также вполне оправдались. Но впоследствии она жила счастливо.

Иным же старец предсказывал смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского приготовления. Так, пришел к нему некто Д. И., управляющий заводом, находящимся в Екатеринбургском уезде, Пермской губернии, с женою и детьми. Отец Серафим, не зная никого и ни о ком из них не слыхав прежде, назвал всех их по имени и каждому назначил год, месяц и день смерти. Отцу сказал, что проживет двадцать лет, а матери – двенадцать лет. После известно сделалось в Сарове, что она действительно умерла в то время, какое предсказано было о. Серафимом. О самом управляющем сведений не имеется.

Одному жителю заштатного города Кадома, Тамбовской губернии, он предсказывал, для его исправления, наказание Божие, имевшее последствием своим его смерть. Пришла к о. Серафиму жена этого человека. Старец принял ее с отеческою любовью и между прочими советами и наставлениями, убеждал ее поговорить со своим мужем, избранным в то время в члены городского общества, чтобы он исправил себя от невоздержания, дерзости, несправедливых притеснений и немилосердия в отношении других. «Если муж твой не оставит этих страстей, вкоренившихся в нем, – говорил старец, – то он непременно будет за то наказан Богом». Говоря это, он взял с печки пучок спичек, подал их женщине и прибавил: «На, возьми эти спички, храни их».

Отеческое благословение о. Серафима, видимо, обрадовало ту женщину, а предсказанное им наказание ее мужа, в случае неисправления его, сильно смутило ее. Не раз после того рассуждала она с домашними и знакомыми своими о простом, но странном подарке о. Серафима; но никто из них не мог растолковать его значение. Наконец, наступил страшный час,

в который, как значение подарка объяснилось, так исполнилось и самое предсказание о. Серафима. В один день небо отовсюду начало покрываться страшными громовыми тучами, и к вечеру собралась ужасная гроза. Весь народ в Кадоме обратился с молитвой к Богу.

Стала молиться также вместе со своим мужем и женщина, бывшая у о. Серафима; между тем, как двое маленьких детей ее спали в это страшное время, один подле окна, а другой несколько подальше. Вдруг сильный удар грома разразился над их домом и в одно мгновение, вслед за сверкнувшей молнией, оторван был от окна деревянный карниз и расщепан в мельчайшие *спички*; большая часть их вонзилась в лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этим ударом, он жил очень недолго и вскоре скончался.

Между тем, ни дети, спавшие почти близ самого окна, ни опоры карниза в окне, ни мать, молившаяся возле своего мужа, нисколько не были задеты этим самым ударом. После того бедная женщина вспомнила слова о. Серафима и поняла все значение странного, по-видимому, его подарка.

Строителю Высокогорской пустыни о. Антонию предсказал его неожиданное перемещение в другой монастырь. Случаи подобных предречений читатель видел и прежде в жизни о. Серафима. Настоящее же обстоятельство случилось так.

В январе 1831 года о. Антоний отправился к о. Серафиму в Саров для совета по случаю сильно смущавших его неотвязчивых мыслей о смерти. Приехав в Саров вечером и никуда не заходя, о. Антоний пошел прямо к келье о. Серафима. Не доходя до нее, встретил он некоторых из братий Саровской обители, которые сказали ему, что о. Серафим в монастырь не

возвратился еще из своей пустыни. Было уже близ пяти часов вечера и темнело. Приехавший остановился в раздумье: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоявшие с ним братия, завидев издали грядущего старца, повестили: «Вон о. Серафим идет». Старец шел в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топор. Отец Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

– Что ты? – спросил его старец.

– К вам, батюшка, с скорбною душою, – отвечал о. Антоний.

– Пойдем, пойдем, радость моя, в келью, – приветливо сказал старец.

Они вошли вместе. В келье наедине о. Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно: свершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы? Не приближается ли в самом деле смерть его?

– Сижу ли я в келье, – говорил строитель Антоний, – выйду ли на монастырь, мне представляется, что последний раз я вижу обитель. Из сего я заключаю, что я скоро умру, и потому указал уже место могилы для себя.

Строитель приехал к о. Серафиму за тем, чтобы, в случае приближения его смерти, принять от старца благословение провести остающееся время в безмолвии и внимательном приготовлении себя к вечной жизни.

– Желаю знать о своей смерти, – заключил о. Антоний, – единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию. – Он прибавил к сему, что извещение о смерти не будет для него страшно.

Отец Серафим слушал рассказ, не изменяя своего положения и держа за руку строителя Антония. Когда же сей окончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал:

– Не так ты думаешь, радость моя, не так! Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру.

Отцу Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей, посему, прерывая речь его, он сказал:

– Батюшка! Это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов. Я умоляю вас, скажите мне прямо: мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить ваших молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением.

Отец Серафим с ангельскою добротою отвечал:

– Не верны твои мысли; я говорю тебе, что Промысл Божий вверяет тебе лавру обширную.

Строитель же отвечал на это:

– Где же Высогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит.

К большему удивлению о. Антония, старец Серафим, не переменяя своих мыслей, стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, кто придет в Лавру или кого он пришлет.

Оставаясь в прежнем впечатлении, строитель продолжал:

– Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно; да на деле сего не может быть.

Отец Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал:

– Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время!

Не выдержал строитель и, в порыве беспредельной любви и уважения к старцу, бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения прежде сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове *сирот*: ему казалось, что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал: «Поминай моих родителей Исидора и Агафию». Затем стал советовать «покоряться во всем воле Господней, быть прилежну к молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии: *матерью будь*, говорил, *а не отцом к братии,* и вообще ко всем милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность жизни, – говорил он, – есть красота добродетелей». Потом о. Серафим несколько раз обнял строителя, благословил висевшим на его груди крестом и сказал:

– Теперь гряди во имя Господне. Время уж тебе: тебя ждут!

Выходя из кельи, строитель не мог себе дать отчета, какое значение имели слова блаженного старца и с чем он вышел из кельи. Однако же, как сокровище, он сложил сказанный старцем слова в сердце своем. Мысль о смерти осталась как бы подавленною свежими впечатлениями, но еще не была разрешена.

По выходе о. Антония из кельи его встретил посланный от Саровского игумена о. Нифонта с приглашением зайти к нему. Вот что значили слова старца: «Время уже тебе: тебя ждут».

Повидавшись с игуменом Нифонтом, который от болезни лежал тогда в постели, о. Антоний простился

с ним и по делам обители спешил в свою пустынь. На гостинице он нашел экипаж свой уже готовым и с неопределенным впечатлением выехал в путь, чтобы наедине предаться размышлению.

Спокойно бежали лошади домой. Ничто, кажется, не мешало строителю о. Антонию углубиться в занимавшие его дела, обстоятельства и помыслы. Вдруг он слышит, что едущий с ним монах, сидя впереди, начал плакать, не имея сил удержать свой плач и совладать с собою.

На вопрос строителя, сказанный с участием, о чем он плачет, инок отвечал, что по приезде в Саров он встретил о. Серафима, возвращавшегося из пустыни в монастырскую свою келью, который сказал ему: «Ну, вот и вам предстоит разлука с вашим строителем». Более не открыл ничего, только прибавил: «Поди же, зови его ко мне». Так определительно о. Серафим знал о предстоявшей перемене в жизни строителя Антония.

Между тем время шло: прошел январь, февраль, настал март и наступил Великий пост. На второй день месяца, в понедельник первой недели поста, отправив чреду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель встал на свое место. Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. Отец Антоний вошел в свою келью. В письме высокопреосвященный Филарет приглашал строителя занять место наместника в Троицко-Сергиевской лавре, по случаю смерти архимандрита Афанасия. Тут же вложен был конверт к Нижегородскому преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении о. Антония от должности строителя Высокогорской пустыни в Москву.

С этой минуты раскрылись о. Антонию все слова старца Серафима, за два месяца определившие перемещение его в обширную лавру, когда был жив и здоров прежний еще наместник, и не было речи о его замещении.

Сообщивший нам сей рассказ присовокупил, что события, последующие за перемещением о. Антония в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, предсказанные старцем Серафимом, все исполнились и выполняются с величайшею точностью, как будто бы о. Серафим читал в книги судеб Божиих будущие определения людей.

Здесь уместно привести два письма об отце Серафим к игумену Павло-Обнорского монастыря о. Иоасафу двух духовных лиц.

I

«Вы в письме своем выражаете такую мысль, что именно при жизни своей о. Серафим предсказывал родителю моему в бытность его в Саровской пустыни. Я от родителя своего слышал только два пророческие предсказания, сказанные о. Серафимом, в чем по священству и могу уверить: первое, в селе Лесном Конобееве, где родитель мой священствовал, были две церкви деревянного здания; отец Серафим за четыре года ранее говорил родителю, что храмы ваши падут. Родитель мой, будучи тверд духом и сведущ в Священном Писании, на таковые слова отвечал ему так: «Ваше Высокопреподобие, наши храмы крепкого здания и на каменных фундаментах, поэтому трудно им обрушиться», — но он тоже повторил: «Нет, они падут». Родитель мой, подумав, говорит ему: «Вы, о. Серафим изволите говорить о телесном моем храме, сказав на это слова апостола Павла (Кор. 6, 19)». Он повторяет: «Я говорю о вещественных храмах, и

ты будешь строить храм каменного здания». На это родитель мой отвечал, что он не в состоянии этого сделать. Он ему говорить: «Казанская Царица Небесная споспешествует тебе, и не оставит тебя в том помещик ваш; во время же постройки храма будут тебе предлагать архипастыри в городах протоиерейские места, ты не соглашайся переходить из своего села, не меняй славу временную на вечную». И действительно, чрез четыре года от сильного пожара обе деревянные церкви сгорели и даже все село Конобеево; это было в 1828 году. После этого родитель мой возложил всю надежду на скорую Покровительницу, оставив свое семейство, из которого в то время не устроены были два сына и две дочери, и сельское хозяйство, – он отправился в Тамбов к Преосвященнейшему Евгению, испросил у него благословение и, истребовав из Духовной консистории сборную книгу на построение новой каменной церкви, он с этою целью семь лет путешествовал по разным губерниям, был до двух раз в Москве и при помощи Царицы Небесной на другой же год после пожара заложил храм каменного здания. Помещик же, сколько родитель в год собирает по сборной книге денег, приказывал из своей конторы выдавать третью часть капитала на устроение церкви; таким образом, при помощи Царицы Небесной в 1835 году церковь настоящая великолепная уже была устроена и освящена в честь Воскресения Христова и два придела прежде были освящены: первый в честь Святой Троицы, второй – в честь Казанской Божией Матери, Которая, при скудных средствах, и помогла моему родителю устроить церковь. Во время же постройки церкви действительно родителю моему предлагали в городах протоиерейские места, но он, помня слова отца Серафима, никак не ре-

шился перейти из этого села. – Вот первое пророчество всеми обожаемого отца Серафима. Второе предсказание было о. Серафимом родителю моему насчет семейного отношения, именно о том: родителю моему желательно было из двух нас сыновей, чтобы один был на его священническом месте (третий сын был много старше и уже в то время поступил в монашество), поэтому о. Серафим спрашивал обо мне со средним братом (в то время мы обучались с ним в низших классах), кого он благословит быть на своем месте; о. Серафим спрашивает родителя: «А кого ты желаешь?» Родитель отвечает: «Среднего сына Николая». – «Нет, на твоем месте будет младший сын». Действительно, я, грешный, и поступил на родительское место; священствую двадцать семь лет; жил с родителем шестнадцать лет в одном доме; был при церкви Польной стороны Конобеева, а родитель мой при своей, устроенной им церкви. Эти две стороны разделяются одною только рекою Цною. При ослаблении своих сил родитель сдал место свое мне, а сам остался при должности благочинного, после того, как выше показано, в 1857 году с миром предал дух свой ко Господу Богу. Не угодно ли о сем написать к старшему брату моему отцу архимандриту Никону в Севастополь, Таврической губернии; настоятелю Балаклавского Георгиевского монастыря, и двоюродному брату – высокопреосвященнейшему Филарету, архиепископу Черниговскому и Нежинскому; родители наши были родные братья и служили при одной церкви (родитель мой был протоиереем, а их священником), они о сем более моего знают, они были в Саровской пустыни, кажется, до двух раз, и лично имели счастье видеть о. Серафима; он им предсказывал, когда они обучались в семинарии, что они поступят в

монашество. Брату сказал, что он будет в том месте, с получением А и Н, где дед его погребен. Дед был священником в селе Конобееве, потом сдал место свое родителю моему, а сам пошел в Чернеев монастырь (монастырь от нашего села отстоит в 20 верстах). Дед наш в означенном монастыре и скончался. По пророчеству о. Серафима действительно брат прямо посвящен в чин архимандрита в Чернееве монастыре; более не могу сообщить вам никаких сведений, испрашиваю на себя ваших святых молитв.

Вашего Высокопреподобия, Тамбовской губернии, Шацкого уезда, села Лесного Конобеева, благочинный, протоиерей Василий Дмитриев Конобеевский.

Мая 16 числа 1885 года.

II

Письмо Ваше от 19-го ноября я получил 12-го декабря и на оное сим отвечаю. Действительно, я еще в молодости моей пред окончанием семинарского курса в 1827 году жил в августе месяце, по приказанию старца Божия о. Серафима, в Саровской пустыни до трех недель и в течение этого времени неоднократно удостоен был келейной беседы о. Серафима, в коей он говорил мне: «Зачем ты хочешь идти в монахи, вероятно, ты гнушаешься браком». Я на это отвечал: «О св. таинстве брака я никогда не имел худых мыслей, а желаю идти в монахи с тою целью, чтобы удобнее служить Господу». После сего, надев епитрахиль, старец сказал: «Благословен путь твой! Но смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце».

1. Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник.

2. Станови утром и вечером самовар да грей воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищает и тело, и душу.

3. Учись умной молитве сердечной, как учат свв. Отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.

4. Учись творить молитву чрез ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич против плоти и плотских похотей.

5. К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: «Богородицею помилуй мя».

6. Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутреннею, не монахи, а черные головешки.

7. Бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин), ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны.

8. Помни, что истинная мантия монашеская есть разумное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения.

9. Все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг: добродетель не груша, ее вдруг не съешь.

Вот какой драгоценный совет дан мне боговдохновенным старцем. Он для меня дороже всего на свете. Старца Божия наставления я, недостойный, приемлю наравне с наставлениями свв. Отцов Афонских и Синайских. Не сказал бы я сего никому, но ваше письмо заставило открыть то, что старец напечатлел на сердце моем, и что по смерти его остается неизгладимым в душе моей.

Во второй беседе о. Серафим говорил: «Я знаю твоего отца. Селение ваше и две церкви с колокольнями сгорят, а отцу твоему суждено выстроить новый каменный великолепный храм с колокольнею и двумя

флигелями; к западной стороне будет флигель для бедных, а после вторичного пожара ему и самому придется в одном из них пожить». Все предречение старца Божия вполне сбылось. Селение и церкви сгорели в 1828 году, а в 1840 годах был вторичный пожар, в котором сгорел дом родителя, протоиерея Конобеевскаго, и он вынужден был долгое время проживать в выстроенном флигеле церковном».

«Да! у тебя есть двоюродный брат?» – спросил о. Серафим. Я отвечал: «Есть». – «Он учится в академии, он родился с мешком, он будет солить да солить до самой своей смерти». Это его дорогое предсказание относилось к преосвященнейшему Филарету Черниговскому.

– У тебя есть больная племянница с тобою, приведи ее завтра ко мне.

На другой день я взял с собою племянницу, девицу пятнадцати лет, и ввел ее в келью о. Серафима, а он взял сосудец с елеем, помазал у ней чело, глаза, уши и руки, говоря: «Помазуется раба Божия монахиня». (Сия девица пострижена в монахини в Тамбовском девичьем монастыре).

«Прощай, чрез 9 дней приходи ко мне». Это время было для меня скорбное, ибо напали богохульные мысли, так что нельзя было взойти в церковь; хотел было уйти из пустыни, да удержал меня иеромонах Иларион, говоря: «Старец знает, что делает». По истечении 9-ти дней, измученный прилогами вражиими, я едва мог войти в сени и, подойдя к его келье, не успел сотворить молитву, как о. Серафим отворил дверь, упал ко мне в ноги, говоря: «Прости меня за искушение, коим ты страдал, оно для того, чтобы ты знал, что таковые скорби будешь иметь, поступая в монахи, но не унывай!» После сего, надев епитра-

хиль, исповедал меня и приказал у поздней Литургии сообщиться Св. Таин, а по принятии оных тотчас все темное удалилось от меня во тьму.

В третьей прощальной беседе, о. Серафим изволил говорить: «Как пойдешь в монахи, то придется тебе начать с матерней колыбельки, с своей епархии, а потом уже тебя махнут в дальнюю сторону, а не унывай и с веселым духом пой: «Господня земля и исполнение ея».

Проживая три недели, я имел случай заметить в о. Серафиме необычайный дар прозорливости. Один нижегородский чиновник, в чине генерала, с семейством приехал принять совет и благословение от старца. Несколько раз, бывая у двери, он не был впущен, несмотря на то, что семейство его было принято, а он сам только чрез дверь слышал голос и слова о. Серафима: «Меня дома нет, мне не время». Чиновник, удивляясь словам и не понимая оных, усердно желал разъяснения их. Видя же, что я часто хожу к нему, упросил меня идти с ним вместе, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафим отворил нам дверь и принял чиновника радушно и на его слова, что он был пять раз и не удостоился принять благословения, о. Серафим сказал: «Вот почему я вас не принял, что ваши-то люди говорят приходящим к вам по нуждам своим: «Барина дома нет, ему не время». Ведь этим отказом, прогневляя ближних, вы прогневляете Самого Бога». Генерал, приняв наставление с христианским смирением, поклонился ему в ноги и обещал впредь никогда сего не допускать.

Прося ваших св. молитв о моем недостоинстве, с моим высокопочитанием навсегда пребуду настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря Никон. 17 декабря 1865 года.

Обители Саровской он делал не раз предсказания о событиях, с какой-нибудь стороны ее казавшихся,

ближайших и отдаленных. Когда, например, явилась первая холера в России, о. Серафим открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве. Саровские старцы, своими очами видевшие о. Серафима и слышавшие его ободрительный беседы, были свидетелями того, что сии предсказания его исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Дивееве, ни в Сарове не умерло ни одного человека. Так же раз пришел к нему генерал-майор Антон Ефимович Махотин, чтобы вместе с женою, имевшей веру к старцу, получить благословение и наставление. Отец Серафим, похристосовавшись, милостиво говорил с ним. Это случилось в пятницу. Старец спросил пришедших, долго ли они пробудут в обители, и советовал им не раньше, как в воскресенье, после поздней Литургии выехать: «В воскресенье у нас, в обители, – говорил он, – будет торжество и молебствие». Генерал спрашивал о причине этого торжества и молебствия у монаха на гостинице, даже у строителя о. Нифонта. Все отвечали: «Никакого торжества не будет и не предвидится». Но когда строитель говорил о сем с генералом, вошел монастырский служитель и подал принятый с почты пакет с письмами. Между бумагами оказался неожиданно для всех указ о рождении Великой княжны, по которому на следующий день, в воскресенье, в соборном Саровском храме пред Литургией отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствие и во весь день раздавался звон в обители. Это сказание генерал заключил тем, что и о. игумен Нифонт разделял в то время с ним удивление к дару прозорливости о. Серафима.

Саровский лес при игумене Нифонт приносил уже много пользы монастырю. Все стали смотреть на него, как на источник дохода для обители; между тем о.

Серафим предусмотрел и предсказал за несколько времени бурю, которая много поломала деревьев в лесу, о чем крайне сожалело саровское начальство.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но теперь события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

Со времени выхода из затвора старец всегда вкушал пищу только раз в день, и то по вечеру. Одежда его была в это время неодинакова. Подрясник всегда носил из черного толстого сукна. Летом надевал сверху белый холщовый балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и раннею весною носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жара надевал полумантию, сделанную из цельной кожи с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым, всегда чистым, полотенцем и носил медный свой Крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимою – в бахилах, а идя в церковь к богослужению надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келье богомольцев. Один богатый человек, посетив о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» Отец Серафим ответствовал: «Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы (Четьи-Минеи, 19 ноября).

Против сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келье. Спал же он сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянув ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келье. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, побывав у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: «Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец». В другой раз заехали к о. Серафиму курские купцы после Макарьевской ярмарки. Благословив их, старец спросил: «Хорошо ли торговали?» Они рассказали ему о торговле. Окончив все беседы со старцем и принимая благословение в путь, купцы спросили: «Что прикажете, батюшка, сказать вашему братцу?» – «Скажите ему, – отвечал о. Серафим, – что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и нощь». С тем они пошли, а старец, возведя руки горе, в восторге повторил несколько раз: «Нет лучше монашеского жития, нет лучше монашеского жития!»

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностью и

усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего, при чтении Псалтири, на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. *За живых.* «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычествия Твоего православно живущих: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. *За усопших.* «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставшихся; подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келье пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, – рассказывал Николай Александрович, – видев у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч и больших и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: «Для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келье своей нестерпимый жар от теплоты огненной?» А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне: «Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это

вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Он приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне недостало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады; и где следует на правиле поминать их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (т. е. лампады)». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или так, простое мое усердие, ни на чем божественном неоснованное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандила, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу православной Церкви. 25 мая 1832 года пришла к нему одна особа, после свиданий записавшая свои разговоры с ним. Говоря о многом,

старец вспомнил о Дивеевской общине, похвалил сестер за их жизнь и труды и потом, вздохнув, помянул за упокой новопреставленную девицу Елену. Это известная уже нам Елена Васильевна Манторова, начальница Серафимо-Дивеевской общины. В этот день были сорочины после смерти ее.

В другой раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство. Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Отец игумен Иоасаф, в мире послушник Иоанн Тихонов, рассказывает об ударе, полученном о. Серафимом от злобного духа, следующее: «Один соседний крестьянин причинял весьма много огорчений отцу Серафиму, всячески стараясь вредить обители Дивеевской, так что я однажды сильно жаловался на него батюшке и просил его употребить против этого злого человека какие-нибудь крайние средства, чтобы отдалить его от обители. Отец Серафим приказал мне прийти к нему в келью вечером, а когда я пришел, он начал говорить мне так: «Об этом-то человеке, о котором ты говорил мне, и я скажу, что он зверообразный; но мы оставим его на волю Божию и Царицы Небесной; Она над ним устроит!» И это действительно сбылось впоследствии. «А если ты хочешь удалить его теперь, то знай, что он может еще много зла сделать тебе и обители». И после этих слов старец вдруг принял угрожающий вид и, всеми движениями как бы показывая себя вооруженным против кого-нибудь,

сказал: «А когда против врага-то стоят, так уж стоят». – И затем, приняв прежний, кроткий вид, открыл о себе дивную тайну, именно: как он узнал однажды, впрочем, не объясняя, по откровению ли или ему сказал кто-либо, что одна совершенно несчастная, потерянная душа, была как бы в когтях у самого сатаны, но чем она согрешила, старец также не объяснил, и когда он простер за нее моление к Спасителю и Божией Матери и видел ее потом, по милости Божией, летящею из когтей сатаны уже совершенно чистою голубицею; и как, наконец, полчище сатанинское, не стерпя потери своей, излило на него всю свою злобу. При этом старец, как бы в удостоверение, расстегнул свою свитку и, взяв мою руку, дал мне осязать нанесенную ему язву, уже, по его словам, исцеленную. Я осязал ее и видел: она была на спине старца между лопатками, совершенно мягкая и походила на отвислый кусок мяса, величиною с гусиное яйцо. С этою язвою его и похоронили. Дав мне видеть и осязать ее, старец еще прибавил, что боль от этой проказы так жестока, как бывает больно пальцу, когда его положишь на горящую свечу, и притом, если бы он горел, но не сгорал. «И если бы не Господь и Царица Небесная, – говорил старец, – исцелили меня, то никто не мог бы уже исцелить».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгинею Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее Г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской кельи, как

бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келью и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться, только, смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинуясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима *стоящим на воздухе* в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения воскликнул. Отец Серафим, по совершении молитвы подойдя к нему, сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты, смотри, огради себя молчанием и не поведуй того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г. Я. действительно встал с постели, и хотя опираясь на других, но уже сам на своих ногах вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?», – но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова чрез несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он узнал, что старец Серафим почил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Можно сказать без преувеличения, что вся Россия уже в то время знала и чтила о. Серафима; по крайней мере, слух о великом подвижнике ходил повсюду. Известные подвижники, одновременно с ним жившие,

по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другим делали отзывы о нем самые возвышенные, ибо все смотрели на него, *яко на град, верху горы стоящий*. Священники и архиереи православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику. Некоторые из епископов писали письма к о. Серафиму, спрашивали его советов, хотя ни одного из них не нашлось после смерти старца. Антоний, архиепископ Воронежский, часто присылал ему даже подарки, особенно св. иконы, при получении которых о. Серафим, указывая на лики святых, часто говаривал: «Вот какие особы показывают нам путь к вечности!» На словах, может быть, даже и письменно, о. Серафим отвечал на запросы архипастырей. Некоторые же письма их оставлял и без ответа. К Антонию, архиепископу Воронежскому, питал особенную любовь и уважение, никогда его не видав; и когда заходила речь о сем архипастыре, он называл его великим архиереем Божиим. Еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане, не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а о. Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвященного Антония с открытием св. мощей угодника Божия Митрофана. Антоний показывал некоторым эту записку, которая, как полагают, и доселе сохраняется между его бумагами. По духу знал о. Серафим и многих современных священников, сиявших благочестием и святостью жизни, глубоко уважал таковых и посетителей своих посылал к ним для назидания и руководства. Из числа таких известен о. Алексей Гневашев, священник села Басурман, Симбирской губернии, Курмышского уезда, умерший восьмидесяти пяти лет от роду 21-го ап-

реля 1848 года. Отец Серафим считал его высоким подвижником и часто говаривал о нем так: «Сей человек по своим молитвам за души христианские, подобен свече, возженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников. Он, как звезда, горит на христианском горизонте».

В жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, изданной Григоровым, помещено одно обстоятельство, случившееся с о. Георгием и им рассказанное послушнику П. А., из записок которого извлечено.

«Однажды, – говорит П. А., – придя к о. Георгию в келью, увидел я на стене незнакомый мне портрет и спросил: «Чей это?» – «Разве ты не знаешь? – отвечал Георгий. – Это Саровской пустыни покойный о. Серафим! Богоугодная жизнь его всем была известна», – и потом разговор продолжался о нем. Между прочим, Георгий, подумав несколько, сказал: «Знаешь ли, что со мною он сделал? Видно, сказать тебе. Долгое время мучился я помышлением: перейти отсюда куда-нибудь в другой монастырь, поуединеннее, а то здесь письма и посетители много меня развлекают; отказывать иногда совестно, а иногда и нужно бывает отвечать: пишут дело. Около двух лет боролся я в нерешимости с этим помышлением, никому этого не говоря; между тем, сильно этим смущался, перебирая в памяти моей все места, куда бы удобнее удалиться. Однажды входит ко мне келейный, извещая, что странник из Саровской пустыни от лица Серафима принес мне поклон и благословение, и сверх того имеет надобность сказать лично несколько слов по его поручению. Я благословил ему войти, и он начал так: *Отец Серафим приказал тебе сказать: Стыдно-де столько лет*

сидевши в затворе побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться. Сказав сие, странник поклонился и вышел, а я стоял как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не только меня не знал, но и никогда не видывал, и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более, но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился, и я перестал помышлять о переходе в другое место».

Из духовных отношений старца Серафима к другим современным подвижникам, из совместных действий их, направляемых к одной цели, чрезвычайно замечателен следующий случай. Одна томская мещанка, Мария Иконникова, странствовав очень много по святым местам, зашла в г. Ачинск к старцу Даниилу принять благословение на будущие странствия. Он встретил ее, не допустив до своей кельи, и, бросив на нее самый гневный вид, начал говорить громким голосом: «Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал. Вот будешь меня помнить. Зачем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги на свечи и на молебны, а ты тратишь их на свои прихоти: много станций ехала на подводах, нанимала, тратя деньги, Богу данные; а в таком-то месте ты пила вино, и столько-то его купила, а в таком-то месте пустое празднословила. Теперь уже полно тебе ходить по свету. Ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделья: чулки вяжи. А когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по России».

Говоря эту поучительную речь, старец грозил страннице палкой и по окончании слов своих пошел в келью. Странница же, поклонившись ему, без слова отправилась в Томск, поселилась дома, стала заниматься рукодельем и решилась вперед не странствовать.

Только по прошествии полугода родственники и знакомые, идя в Киев, упросили Марию Иконникову, как человека хожалого, быть для них вожатым. Сначала не соглашаясь, она потом пошла с ними и на дороге, быв в Сарове, зашла к о. Серафиму принять на дорогу благословение. Старец всех спутников ее принял ласково, благословил, дал сухариков, а их вожатой, Марии Иконниковой, ни слова не сказал, не благословил и даже от себя прогнал. Чрез неделю томские путешественники начали собираться в путь, и Мария Иконникова, решившись испросить у о. Серафима благословение в путь, подошла к дверям его келлии и со слезами кричала: «Батюшка Серафим! Благослови меня в путь: товарищи мои хотят идти»; а о. Серафим, выйдя из кельи, сурово взглянул на нее и громко закричал:

– Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить по России. Теперь же ступай назад, домой!

– Батюшка! Благослови меня сходить в последний раз, – сказала странница, – больше уж ходить не буду.

– Я тебе сказал: ступай назад, а вперед идти тебе нет благословения! – громко закричал опять старец.

– Батюшка, – сказала странница, – как же я пойду назад одна? Такой дальний путь, а денег у меня ни копейки нет.

— Ступай, ступай обратно! — настаивал на своем о. Серафим, — и без денег довезут на лошадях до самого Томска.

После сего старец благословил ее, дал один сухарик и затворил за собой двери. Странница простилась со своими спутниками и воротилась домой. В Нижнем Новгороде нашлись ей спутники, томские купцы, которые и довезли ее до самого Томска. Так далеко видят по духу и слышать друг друга рабы Божии!

Зная и уважая св. людей, действуя ко благу ближних, согласно с ними и в дух и цели веры Христовой, батюшка о. Серафим не упускал из виду и согрешающих братий. В келье его, как уже сказано прежде, всегда горело многое множество свеч пред святынею. Посетители, приходя к старцу, приносили для сего свечи, масло и иногда полагали деньги на покупку их, которые о Серафим не всегда-то принимал. Насчет этого множества свеч о. Серафим говорил следующее: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред св. иконою. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот пал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои колени за него пред благоутробием Божием». Так говорил о. Серафим проживавшему в г. Арзамасе крестьянину Василию Петровичу Вавилову, работавшему в Дивееве и у о. Серафима пользовавшемуся особенным его вниманием и доверием. Вот и предстоял, таким образом, другому любимцу о. Серафима, г. Воротилову, случай пасть в смертный грех. Отец Серафим, видя то, начал молиться, преклоняя колени, да спасет Господь душу его от погибельного греха. Господь милосерд: спас его. Поэтому при свидании старец заметил Воротилову, что в такое-то вре-

мя и в таком-то месте мы, по милосердию Божию, избавлены от ада за молитвы убогого Серафима.

За год и десять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился посещения Богоматери.

Посещение Ее было ранним утром в день Благовещения, 25-го марта 1831 года. «Батюшка, – сказывала старица Дивеевской общины Евпраксия (в мире Евдокия), – за два дня приказал мне прийти к себе к этому дню. Когда я пришла, батюшка объявил: «Нам будет видение Божией Матери», – и, наклонив меня ниц, прикрыл своею мантиею и читал надо мною по книге. Потом, подняв меня, сказал: «Ну, теперь держись за меня и ничего не убойся». В это время сделался шум, подобно шуму леса от большого ветра. Когда оный утих, послышалось пение, подобное церковному. Потом дверь в келью сама собою отворилась, сделалось светло – белее дня, и благоухание наполнило келью, похожее, но лучше росного ладана. – Батюшка стоял на коленях, воздев руки к небу. Я испугалась. Батюшка встал и сказал: «Не убойся, чадо: это не беда, а ниспосылается нам от Бога милость. Вот Преславная Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам!» – Впереди шли два ангела, держа – один в правой, а другой в левой руки – по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их подобились золотисто-желтому льну и лежали распущенные на плечах. Они стали впереди. За ними шли: св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Одежда на них была белая, блестящая от чистоты. За ними шли Богоматерь, а за Нею двенадцать дев. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шеей большою круг-

лою пряжкою, застежкою, убранною крестами, разнообразно изукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что Она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, было зеленое, перепоясанное высоко поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, убраны были крестами. Ростом Она казалась выше всех дев. На голове Ее была возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как на пряжку, застежку и на самое лицо Царицы Небесной. Власы Ее были распущены по плечам и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Ней попарно, в венцах, в одеждах разного цвета, были разного роста, разных лиц и разного цвета волос, лежащих также по плечам; все великой красоты, но одни других были лучше и стали кругом всех нас. Царица Небесная была в средине. Келья сделалась просторная и верх весь исполнился огней, как бы горящих свеч. Светлее было полдней; свет был особый, не похож на дневной свет, было светлее и белее солнечного света. Я испугалась и упала. Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правою рукою, изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, Мы пришли посетить вас». Отец Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила с ним столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я о. Серафима: «Где мы?» Я думала, что я уже не живая; потом когда спросила его, кто это, то Пречистая Богородица приказала мне подой-

ти к девам и самой спросить их. Они стояли постепенно по сторонам, как шли: в первых местах стояли великомученицы *Варвара* и *Екатерина,* во вторых – св. первомученица *Фекла* и св. великомученица *Марина,* в третьих – св. великомученица и царица *Ирина* и преподобная *Евпраксия,* в четвертых – св. великомученицы *Пелагия* и *Дорофея,* в пятых – преподобная *Макрина* и мученица *Иустина,* в шестых св. великомученица *Иулиания* и мученица *Анисия.* Я подходила к каждой из них, каждая мне сказала свое имя и подвиги мученичества и жизни Христа ради, сходно с тем, как написано о них в Четьи-Минеях; все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание, за поношение. И ты пострадаешь». – Пресвятая Богородица много говорила о. Серафиму такого, что участница в видении не могла слышать; а вот что слышала: «Не оставь дев Моих» (Дивеевских). Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить». На это Царица Небесная отвечала; «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня; а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом». Потом, обратясь ко мне, сказала мне: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства вечного и Небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили Единого Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. – Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончи-

лось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами» — и благословила его. Простились с ним и все святые: св. Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов благословили его; а девы целовались с ним рука в руку. — Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». И потом в одно мгновение стало все невидимо. Видение продолжалось не один час. — Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас убогих. Мне, таким образом, уже двенадцатый раз было явление от Бога. И тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам по чем веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага диавола и против его будь во всем мудрая: Господь тебе во всем поможет. Призывай себе на помощь Господа и Матерь Божию, святых и меня, убогого, поминай. Помни и говори в молитве: «Господи, как мне умереть будет? Как мне, Господи, на Страшный Суд прийти? Как мне, Господи, ответ отдать за мои дела? Царица Небесная, помози мне!»

X

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Изнеможение сил старца Серафима. – Изменение порядка жизни. – Усердие к старцу народа. – Замечательные случаи из отношений о. Серафима к ближним в это время. – Его предсказания о своей смерти. – Две беседы с сестрами Дивеевской общины. – Исцеление и разговор с инокиней Платонидой. – Посещение о. Серафима подвижником Тимоном и наставления, данные ему саровским старцем. – Огорчения и взгляд на них о. Серафима. – Его приготовление к смерти. – Замечательное свидание с преосвященным Арсением за четыре месяца до смерти и разные предсказания о ней. – Заключительное слово о. Серафима. –

Последний день жизни. – Описание кончины старца. – Его погребение. – Памятник на могиле. – Стихотворение по случаю его кончины. – Смерть брата о Серафима. – Собрание сведений о жизни о. Серафима. – Разбор вещей, оставшихся после его смерти. – Память о нем живет и ублажается повсюду до настоящего времени.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных, наипаче же телесных. Ему было теперь около семидесяти двух лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келью. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, привыкший беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло многих немалое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Старец о. Серафим, как и в прежние годы, продолжал, хотя изредка, наставлять людей, больным подавал молитвами своими исцеления и предвозвещал будущие события. К этому году относятся следующие замечательные случаи из отношений его к посетителям.

Рясофорный монах Нижегородского Печерского монастыря Василий рассказывал следующее обстоятельство о свидании своем с Саровским подвижником: «В 1825 году отец мой, Владимирской губернии, Муромского уезда, села Зяблицкого погоста, крестьянин графини Юлии Самойловой, отправился с двумя малолетними своими детьми, мною, шестилетним Ва-

силием, и братом моим Кириллом, в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от о. Серафима. Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, и на другой день после ранней обедни отправились к о. Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие; а о брате моем сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец и мать мои часто напоминали мне об этом предсказании.

На четырнадцатом году возраста я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этою целью испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни у о. Серафима: это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, предупреждая слова мои, сказал мне: «Радость моя, тебе следует поступить в монастырь». Когда же я отвечал ему, что я человек господский, он сказал: «Гряди, Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, чрез ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю».

С этим утешительным предсказанием и с благословением о. Серафима я отправился домой.

Достигнув же семнадцатилетнего возраста, я получил, наконец, от своих родителей согласие на поступление в монашество, и, будучи еще господским человеком, поступил в Саровскую пустынь. По прошествии двух лет игумен Саровский, о. Нифонт благословил меня, как оказавшегося, по искусе, способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в Санкт-Петербург, и здесь Промысл Божий указал мне обратиться с просьбою об исходатай-

ствовании столь желаемого мною увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни, отцу архимандриту Игнатию. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу, и вскоре действительно исхлопотал мне это увольнение. По представлении его о. Нифонту, я был принят в Саровскую пустынь послушником, а оттуда перешел в Нижегородский Печерский монастырь. Таким образом, исполнилось в точности предсказание о. Серафима.

Родные сестры, из дворян, девицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские[9], находившиеся в числе сестер Дивеевской обители, повествовали следующее: «В 1832 году родной брат наш О. В. Ладыженский, бывший после председателем военной комиссии в Оренбурге, был послан в Китай для сопровождения духовной миссии. Так как дорога эта лежала через Нижний Новгород, где мы имели родную бабушку игуменью в Крестовоздвиженском Девичьем монастыре, то, желая как посетить престарелую свою бабушку, чтимую всеми, знающими ее, и даже отцом Серафимом, так равно и повидаться с нами, сестрами своими, жившими тогда в Пензе, еще в мире, брат наш вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на Страстной неделе Великого поста, в самую распутицу, и по необходимости должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более, что от дурной дороги занемог. В последнюю турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имея счастье знать и питая горячую веру к молитвам преподобного о. Серафима, воспользовались этою невольною остановкою брата и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую

обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение о. Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих усилий он, наконец, склонился на нашу просьбу, но не по вере в святость жизни и прозорливость о. Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разделял к нему наших чувств, а единственно для успокоения нашего, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны на его счет, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы имели с братом большой разговор и спор о святых иконах. Мы называли многие иконы чудотворными, а брат опровергал нас, говоря, что различать иконы и называть некоторые из них чудотворными, есть дело суеверия, и что все иконы одинаковы.

Поехали же мы в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь другой праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел о. Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться Св. Таин.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которой обыкновенно приобщался о. Серафим; и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять там благословение от о. Серафима и передать ему несколько слов от бабушки нашей игуменьи и от преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородскою епархиею, а впоследствии переведен был в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостиную келью.

Вскоре возвратился и брат наш, и мы заметили в нем большое изменение. Первым словом его было сознание, что о. Серафим сотворил над ним чудо. Имен-

но он говорил: «Пока я передавал о. Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул; но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли».

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни о. Серафима; увидав его издали, сидящего против своего источника, предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на них. Брат пошел и принять был о. Серафимом, по-видимому, очень милостиво, потому что он благословил его и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса времени. Наконец, о. Серафим, подняв свою голову, сделал нам знак рукою, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, он уже встал с своего места и мы нашли его с заступом в руках, копавшего свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкою, а плечи его были покрыты кожей. Мы получили его благословение, и когда брат подошел к нему также, он сказал ему: «Подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе». С этим словом он пошел в пустынную свою келью и тотчас же вынес оттуда половину просфоры и, подавая ее брату, сказал ему с любовью: «На тебе от моей души». И потом прибавил как бы с грустно: «Мы с тобою более не увидимся». Тронутый брат отвечал ему: «Нет, батюшка, я еще завтра приду к вам, благословите». Но о. Серафим повторил: «Мы с тобою более не увидимся». Брат возразил еще: «Батюшка, я и на обратном пути заеду к вам»; но о. Серафим в третий раз повторил: «Нет, мы с тобою больше не увидимся».

Простившись с о. Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли вперед, а я, грешная Екатерина, с братом, немного позади их. Замечая в брате

большую перемену я спросила его о причине, и он отвечал мне так: «Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы ни говорили о нем – истинно, и вы ничего не преувеличили». Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: «Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете».

Я попросила брата рассказать мне все подробнее, и он рассказал следующее: «Когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай, и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, тогда о. Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: «Что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной; вот, в теплом соборе у нас икона Живоносного источника: отслужи ей молебен; ведь она чудотворная, она тебе поможет». И потом с улыбкою продолжал: «Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то, чтобы он не был христианин; он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждал так же, как и ты». И при этих словах он показал на меня рукою. Я был весьма поражен этими словами.

Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мною и давать мне наставления, особенно, чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно».

Из пустыни мы прошли прямо в теплый собор, потому что брат мой, воспаленный верою и любовью к о. Серафиму, пожелал немедленно исполнить его со-

вет и отслужить молебен Царице Небесной. После молебна он выпросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четьи-Минеи, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что действительно Иоанникий был военный, добрый и сострадательный; что он веровал в Господа, но заблуждался насчет икон, и, наконец, что он нашел старца затворника, подобного о. Серафиму, который вывел его из заблуждения. Таким образом, брат наш выехал из Сарова с полною верою и любовью к о. Серафиму. Он бросил все свои лекарства, потому что уже не нуждался в них более: он чувствовал себя исцеленным и душою и телом, и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности, по благодати Божией и за молитвы праведника, поручение, данное ему августейшим монархом, он возвратился в отечество и хотел на возвратном пути еще раз посетить о. Серафима; но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Божия. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: «Мы с тобою больше не увидимся».

Считаем не лишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с братом нашим и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме.

Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить о. Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, приняв ее, изволил сказать о брате, что: «Он опять здесь будет, но не один я, – говорил он, – приказал ему не оставлять жены». Отец Анастасий передал это известие мне, – говорит Екатерина Васильевна, – когда я приехала в Саров чрез несколько месяцев после

отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов праведника, хотя брат и ничего не говорил вам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я написала о слышанном брату, и он отвечал нам так: «Дивный Серафим не ошибся и в этом случае: он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною».

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об о. Серафиме. «В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои брильянтовые серьги; и чтобы скрыть это дело, она вручила их, в моем присутствии, знакомому нам иеромонаху Дамаскину с просьбою передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. – Это происходило у крыльца кельи о. Серафима. Едва мы вошли вслед за тем к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: «Божия Матерь вознаградит тебя за твою жертву и здесь, и в будущем». Мы остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и утешались только тем, что старец между прочими спасительными наставлениями всегда говорил нам, что он утешит нас, что он будет за нас молиться. – И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобила нас, двух сестер Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой св. обители.

Особенно замечательна, по содержанию своему, беседа старца Серафима с г-ном Богдановым. В день Рождества Христова 1832 года, он удостоился видеть

о. Серафима в Саровской пустыни. «Я, – говорит г. Богданов, – пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начатия службы и увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословив меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: «После, после». По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: «Молитвами Пресвятой Богородицы все благо будет!» Тогда я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушивания от него спасительных советов. Старец на то отвечал мне так: «Два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. апостол Иаков, брат Божий поучает нас: *Аще Господь восхищает и живы будем, сотворим сие и сие*». Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословив нас, дал нам обоим сухарей.

Наконец, приготовив заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келью. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мною, по поручению других, свечи и масло, и благословил беседовать с собою.

Я спросил его, продолжать ли мне мою службу или жить в деревне. Отец Серафим отвечал: «Ты еще молод, служи». – «Но служба моя нехороша», – возразил я. – «Это от твоей воли, – отвечал старец. – Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается – везде спасен будет; а кто не приобщается – не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься».

Я спросил еще, благополучно ли кончится мое дело. Старец отвечал: «Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух

родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войною. Одному нивы надобно двенадцать сажен, а другому более. Не пожелай».

После того я спросил, учить ли детей языкам и прочим наукам, и он отвечал: «Что же худого знать что-нибудь?» Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: «Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ». Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: «Скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях?» Старец на это отвечал мне так: «Св. апостол Павел в послании к Тимофею говорит: *Пей вино вместо воды*; а вслед за сим следует: *Не упивайся вином.* На это надо разум. Не воструби; а где нужно, не премолчи».

Я спросил еще, что прикажет он мне читать, и получил ответ: «Евангелие по четыре зачала в день: каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть, – а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя».

На вопросы мои, должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним

путем; выше сил не берись – упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сый, удержись. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют – не укоряй; гонят – терпи; хулят – хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит; покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой – плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет».

Последние слова о. Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и о. Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца, обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? Он отвечал: «Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа».

Еще спросил я, должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волею Божией, например, праздно проводить время и т. п. На это о. Серафим возразил: «За эту любовь многие погибли: аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего Бога».

Я попросил его помолиться обо мне; он отвечал: «За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться:

тогда Бог даст слезы раскаяния», – и опять подтвердил: «Укоряют – не укоряй и т. д.».

На вопрос мой, как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? Он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя».

Спрашивал я также о. Серафима насчет опасности нынешних советов, и можно ли ввериться учению других. Он отвечал: «Это вам, необновленным», – и улыбнулся. «Довольно одного ангела – хранителя, от св. купели нам данного. Если ярость в ком есть – не слушай; если девство кто хранит – Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей и Евангелие читай».

Я попросил о. Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. Отец Серафим сказал мне: «Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19), то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся».

Я спросил старца, нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: «В Евангелии сказано: *Молящеся не лишше глаголите: весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: Отче наш* и проч., тут благодать Гос-

подня; а что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех – много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь – милостыня много тебе блага сделает».

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал: «Царство Божие не брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: *И благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся* (Быт. 1: 28), – только враг смущает все».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах, он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть, три рубля стоит».

Я спросил его, можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна, и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? *Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16, 26). Господь призывает нас: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28–30), – да мы сами не хотим».

Чем, спросил я, истребить гордость и приобрести смирение? Он отвечал: «Молчанием. Бог сказал Исаии: *На кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66: 2)». Касательно духовной гордости он прибавил еще: «Проси Бога, чтобы Он продлил лета твои. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются».

Во все время нашей беседы о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: «Ваше боголюбие!» О дочери моей сказал: «У нее путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет».

Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразил. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными и, наконец, отпуская, сказал: «Гряди с Богом! Это сухари свежие: только что из печки».

К большему прославлению чудного дара прозорливости в благодатном старце о. Серафиме, нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. Притом же, он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге. И едва успевал я прочитывать их пред старцем, как тотчас же и получал от него на них ответы».

Прозорливостью своею о. Серафим весьма много содействовал к счастью и благоустройству семейной жизни ближних.

Пришел к нему в пустынь один приезжий офицер принять благословение на вступление в брак. Отец

Серафим сказал, что его невеста здесь, в Сарове, на гостинице. Чрез несколько времени пришла девица к о. Серафиму, и также поведала ему свое желание выйти замуж и виды, открывающиеся по этому предмету в будущем. Старец сказал: «Нет! Твой жених здесь, в Сарове». Оба приходившие никогда не знали друг друга и не видались. Простой случай, указанный Провидением, свел их между собой; молодые люди познакомились, с участием родных решили судьбу свою, вместе пришли к о. Серафиму, и старец благословил их к венцу. Вступив в брак, эти люди жили очень счастливо.

Это не был простой случай, а дело Божие, совершившееся чрез старца. Дела Божии всегда созидаются с удивительною простотою: это их особенность. Невнимание к советам старца сопровождалось в подобных случаях точным исполнением последствий, им предвозвещаемых. Так, один Рязанский помещик, будучи в Сарове, просил молитв и благословения о. Серафима на вступление в брак. Старец указывал ему невесту, Богом назначенную, в лице одной особы, жившей в имении по соседству с просителем, называя ее по имени. Молодой человек отказывался исполнить совет его, отзываясь тем, что он имеет уже невесту из обитающих в том месте, где стоял его полк. Отец Серафим сказал: «Тебе сия не принадлежит в радость, но в печаль и слезы». Молодой человек женился, однако же, по-своему, но жена его, не пережив и года, умерла, и были мужу «печаль и слезы». Вдовец был опять у о. Серафима и, по вторичному его совету, взял ту, которую и прежде назначал старец. После брака жили они счастливо.

Членов семейства, живших врозь, о. Серафим соединял вместе в исполнение Писания: *яже Бог сочета,*

человек да не разлучает (Мф. 19: 6). Господа Т–вы, Пензенской губернии и из Таганрога, разошлись между собою по неприятностям и детей развели. Муж проживал в Пензе, а жена в Таганроге. К счастью обоих, г. Т–в был в Сарове. Отец Серафим только что взглянул на него, стал обличать его и грозил ему, говоря: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Речь старца привела заблудшего в сознание: он отправился из Сарова в Таганрог, взял свою жену, съездил с ней на богомолье в Киев и стали они жить с тех пор вместе в деревне, близ Таганрога, благополучно и по закону Божию. «Я видала, – пишет боголюбивая Мария к затворнику Георгию, – письма их после известия о смерти старца: они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать очень скорбела о своем сыне, которого совсем потеряла из виду. С растерзанным сердцем припала она к ногам о. Серафима и просила молитв его о том, кого считала она погибшим. Старец сказал в ответ матери, чтобы она пожила в Сарове на гостинице и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, а наконец, недоумевая насчет ответа о. Серафима, пришла к нему принять благословение, имея в виду отправиться восвояси. Что же? В то время, как она пошла в келью старца, у него был на благословении и сын ее. Отец Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил ее о возвращением к ней сына.

Кроме предсказаний другим, старец начал предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц: они заплакали и

с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыни. Благословив ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. Отец Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: стал на ноги; руки поднял горе, взоры – к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг, – говорил он, – объемлют душу праведника, когда по разлучении с телом ее сретают ангелы и представляют пред лице Божие! Рассказывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру, понимает ли она его. Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрываться в затвор, но о. Серафим на ее мысли отвечал: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». А сестра все еще не понимала, что старец говорил о своем успении и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафим вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители остаться и без человека – духовного руководителя ко спасению. Старец же ответствовал: «Человека-то, матушка, днем с огнем не

найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». Тут он прямее выразился о своей кончине. Тогда сестра, припав к ногам старца, так горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать слов его. Отец Серафим начал читать на память Евангелие от Матвея, зачало 11: *Вы есте свет мира,* и когда кончил, перешел к Евангелию от Иоанна, зачитал 14 главу: *Да не смущается сердце ваше,* прочел также 15 главу и кончил 55 зачалом 16 главы словами, *Аминь, аминь, глаголю вам, яко елико аще просите от Отца во имя Мое даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите и приимите да радость ваша исполнена будет.* Здесь о. Серафим остановился и сказал: «Что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у вас будет мать-праведница».

Когда другие сестры Дивеевской обители посещали о. Серафима в его келье незадолго до его смерти, то он, обыкновенно указывая на икону Божией Матери Умиление, много раз говаривал им в утешение: «Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царице Небесной». Это рассказывают даже до сего дня старицы Дивеевской обители из современных о. Серафиму.

За пять месяцев до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня Симбирского монастыря Нерукотворенного Спаса. Она ехала в Арзамас к известному в то время врачу посоветоваться насчет ревматических страданий головы, лица и уха в одной половине тела, но заехала наперед в Саров, чтобы от о. Серафима принять благословение на лечение. Пять суток прожила она в Сарове, и хотя раза по четыре каждые сутки приходила к келье старца, но не могла видеть его. Старец, по изъясненным выше причинам, реже принимал посетителей. Наконец, она была принята

им в пустыни наедине. Поклонившись о. Серафиму в ноги, она просила благословения лечиться. Старец на слова ее отвечал: «Нет, не лечись», – и, показав рукою на небо, прибавил: «Вот Кто (т. е. Бог) тебя исцелит». Затем он приказал ей умыться в источнике. Она же не умывалась во все продолжение своей болезни, около трех лет, справедливо опасаясь, чтобы от прикосновения к воде не получить большей простуды. Но по вере в слова праведного старца, она, ни мало не сомневаясь, умылась и оттого не только облегчения не почувствовала, но, напротив, почувствовала ужаснейшую боль. Потом старец приказал ей напиться этой воды, после чего сделались у ней мучительнейшие боли в лице и зубах. Наконец старец, приложив свою правую руку к больной ее щеке, сказал: «До успения Бог успокоит тебя; гряди с миром!» Платонида тотчас же почувствовала, как стала утихать боль ее; она совершенно прошла и с тех пор не возвращалась. При отпуске, благословляя ее крестом, висевшим у него на груди, о. Серафим сказал: «Не скорби, что долго не видела меня: я поминовение творил о скончавшейся монахине». Платонида, со своей стороны, спросила, может ли она надеяться еще когда-нибудь увидеть его. Старец, показывая рукою на небо, сказал: «Там увидимся: там лучше, лучше, лучше». И точно – больше она его уже не видела.

В этом же году посетили о. Серафима блаженный старец Тимон, живший, как известно, в Надеевской пустыни и не видавший своего духовного наставника и учителя более двадцати лет. В весеннее время пеший пришел он в Саровскую пустынь и, добравшись до кельи о. Серафима, ожидал сладостной минуты увидеть его. Но о. Серафим не допускал его до себя. На этот раз он принимал всех: беспрепятственно вхо-

дили к нему и мужи, и жены, одному Тимону закрыт был вход, и он тщетно простоял у кельи до самого вечера. Наконец было благословлено и ему взойти в келью. «Аз же, – говорил старец Тимон, – взошедши падох ему в ноги, и от радости много плакал, что чрез много лет сподобился видеть еще его в живых и сказал ему: «Отче святый, за что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?» Он же меня посадил и начал говорить: «Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю; но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, прожив столько лет в пустыни: не пустой ни ты из нее вышел? А прочие люди – мирские, да еще и больные: их надобно прежде полечить и отпустить: ибо *здравии врача не требуют, но болящии* (Мф. 9: 12), как Господь сказал, а с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать». И тако с ним всю нощь препроводили в беседе.

Отец Серафим дал ему, между прочим, следующее наставление: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на пески, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будеши от своего господина; но отдавай его торжникам: пусть куплю деют. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, т. е. с еретиками и с раскольниками, во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают, в третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной (т. е. Надеевской) обители положи и утверди устав совершенного общежития, по прави-

лам и по уставу свв. Отец, чтобы никто не творил своей воли; винного пития и табаку отнюдь никому не позволяй; даже, сколько возможно, удерживай и от чая: чревоугодие – не монашеское дело». «Тако мене наставив, – говорит старец Тимон, – о. Серафим благословил в путь. Аз же паки возвратихся в свою пустынь и живу в ней, благодаря Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Деву Марию» («Путешествие Парфения». Ч. 1. С. 196–197).

Отцу Серафиму пришлось потерпеть в этом году неудовольствия, в которых он видел признаки своего приближения к исходу из настоящей жизни. Одна беглая девушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы в кружок, надела на себя послушническое платье и так бродяжничала по миру. Полицейское начальство, предуведомленное о ее побеге, разыскивало и, наконец, открыло ее. При допросе она показала, будто бы о. Серафим благословил ей так одеваться. Но о. Серафим никогда не благословлял и по дару прозорливости, конечно, не мог благословить ей скрывать, быть может, свои злодеяния. Между тем светское начальство, следуя своим порядкам, писало к о. игумену Нифонту разыскать и о сем. Оказалось, что беглая оболгала безвинно старца Божия, надеясь, что, из снисхождения к распоряжению о. Серафима, ей простят укрывательство под одеждою послушника. Тем не менее, обстоятельство это огорчило старца, и он на тот раз целые сутки не выходил из кельи, проводя время в молитве. Другие доблестные подвижники Сарова, например, о. Иларион и Никодим, горько сожалели об огорчении, которое испытал о. Серафим в настоящем обстоятельстве.

Приходилось старцу испытывать в этом году и другие огорчения безвинно и несправедливо. И он насчет всех их сказал однажды следующие слова: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Предчувствуя свою кончину, усматривая в самых обстоятельствах ее приближение, о. Серафим в это время приготовлялся и к исходу. Он реже выходил теперь в пустынь, менее принимал и в келье приходящих, чтобы беспрепятственнее заниматься окончательным приготовлением себя к вечности. В это время его нередко видали в сенях: старец сидел у своего гроба и предавался размышлениям о конце жизни, о загробной участи человека и своей собственной. Размышления сии нередко сопровождались горьким плачем, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не удивимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседой его. «Тогда двери мои затворятся, – отвечал на это старец, – Вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает: только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал: «Жизнь моя сокрушается, – говорил он некоторым между братиею, – духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

За четыре месяца до смерти, а именно – в августе 1832 года, преосвященный Арсений, епископ Тамбовский, обозревая в первый раз епархию, посетил и Саровскую обитель. Старец Серафим, несмотря на то, что был тогда в пустыни, почел долгом прийти в мо-

настырь единственно для того, чтобы вместе с братиею встретить своего нового архипастыря. По окончании встречи он снова возвратился в пустынь. Преосвященный Арсений, осмотрев внимательно и подробно все церкви, братские кельи и хозяйственные постройки внутри монастыря, положил видеть и все принадлежащий к монастырю заведения и здания, вне оного находящаяся. В сопровождении саровского казначея иеромонаха Исаии и ключаря Тамбовского собора Никифора Телятинского он посетил пустыни Серафимову и Дорофееву. Отец Серафим занимался укладыванием камней при береге небольшого ручейка, протекавшего подле его пустынной кельи. Но как скоро он увидел приближение архипастыря к месту своему, тотчас же оставил занятие и, повергшись к стопам его, испрашивал себе и получил от него благословение.

— Что это такое ты делаешь? — благосклонно и с участием спросил его преосвященный Арсений.

— А вот, святый владыко, — отвечал старец, — камешками берег выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его.

— Доброе дело, старец Божий, — сказал преосвященный. — Ну, покажи же ты мне теперь свою пустыньку среди пустыни.

— Хорошо, батюшка, — отвечал он и с радушием повел преосвященного в келью.

По описанию лиц, бывших при сем случае, келья не имела в себе ничего особенного: это обыкновенная деревянная изба с небольшими сенцами. Мебель ее состояла вся из простого липового некрашеного стола и двух таких же стульев. В переднем углу стояли свв. иконы с возженной перед ними лампадою. Еще лежали две богослужебные книги. По входе в келью

о. Серафим поднес преосвященному в подарок четки, пук восковых свеч, обернутых холстиною, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с отеческим радушием принял подарок. Потом он спросил о. Серафима:

– Где же у тебя в этой пустыне еще другая пустынька, другое еще более уединенное место?

Сам же, зная по рассказам где находится это место и не дожидаясь ответа о. Серафима, пошел по направлению к печке. А о. Серафим, останавливая его, говорил простосердечно:

– Не ходи, батюшка, замараешься.

Но преосвященный, отворив дверь, закрывающую пустое пространство между стеною кельи и печкою, увидел там небольшое помещение, столь тесное, что едва один человек может войти туда и оставаться там в стоячем или коленопреклонном положении, но присесть или облокотиться никак нельзя. И здесь, как в первой келье, в углу, между стеною и дверным косяком, стоял небольшой образок с горящею лампадою. Очевидно, старец по временам уединялся туда на бдение и молитву. Отсюда преосвященный отправился в Дорофееву пустынь, имея в намерении на возвратном пути опять зайти к о. Серафиму. Старец, оставаясь с ключарем о. Никифором Телятинским, ожидал его здесь, проводя время в беседе. Между разговорами он, указывая на владыку, сказал о. ключарю: «Много, много будет ему трудов, но Бог ему поможет».

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафим, взяв его за руку, благоговейно обратился к нему с вопросом:

– Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в

благословение; я и даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?

На это преосвященный отвечал:

– Можно, можно, но только в раздельном виде, так, что кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то простолюдины, как слышал я, думают, по простоте своей, и между другими разглашают, будто ты причащаешь их Св. Таин. А и того лучше, – прибавил далее преосвященный, – вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

– Хорошо, батюшка, – отозвался на это старец, – я так и буду поступать.

После замечено было, что о. Серафим так действительно и поступал до конца своей жизни.

После этого разговора преосвященный простился с о. Серафимом. Со стороны блаженного старца прощанье это совершилось не совсем обыкновенным образом. Приняв от владыки последнее благословение, он поклонился в ноги и, несмотря на то, что преосвященный поднимал его и просил встать на ноги, старец Серафим, оставаясь на коленях, продолжал ему кланяться до тех пор, пока преосвященный совсем не скрылся из виду.

В следующую за сим ночь о. Серафим, как бы в доказательство своего послушания, сам принес небольшой сосуд церковного вина к келье, в которой останавливался преосвященный Арсений, и, отдавая приношение келейнику его, сказал:

– Отдай это батюшке от Серафима грешного.

По соображении сих обстоятельств с последствиями оказалось, что все это было предвестием близкой кончины старца Серафима и относилось к его просьбе о поминовении, которую он высказал преосвящен-

ному и словесно. Преосвященный Арсений со своей стороны в точности исполнил желание о. Серафима: из его подарка – свечи, масло и вино, сохранившиеся в целости, были употреблены при служении преосвященным заупокойной Литургии о вечном покое блаженного старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставил у себя. В Саровской обители хранится письмо владыки Арсения, где он по прошествии двадцати трех лет описывает подробно свое посещение старца. Вот что он пишет в этом письме:

«По совести мирные отношения о. игумена Нифонта к о. Серафиму ни малейшей не бросают тени на жизнь и характер того и другого, а напротив, в первом показывают, как высоко он понимал и верно исполнял должность настоятеля пустынной обители и как дорого ценил и строго соблюдал чистоту монашеской жизни, а в последнем обличают евангельскую простоту и незлобие, по которым он никак не догадывался, что мнимые или истинные ученики или ученицы его иногда злоупотребляют его именем для достижения своих суетных и еще не очищенных от примеси тщеславия или своенравия видов. Надлежало бы также и в жизнеописании о. Серафима упомянуть о первом его свидании со мною: оно полно высокого значения и бесспорно открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия во время посещения моего вместе с Вами (о. Исаия сопутствовал ему тогда в должности казначея) пустынной его хижины, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свеч, кусок полотна и шерстяные чулки – и наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить в нем и от которого я должен был поспешно с Вами уехать, дабы не трудить более стар-

ца, продолжавшего стоять на коленях и кланяться, были, как после оказалось, выразительными символами изображавшими его и мою судьбу: он вскоре затем помер, а я, при помощи Божией, продолжаю еще полагать камни на камни для ограждения церковного берега от напора вод мирских».

В том же году 13-го сентября, за три с половиной месяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская с четырехлетней своей дочерью Анной, у которой так болели глаза, что близкие опасались, не сделалась бы она в дороге совсем слепою. Мать привела ее к батюшке Серафиму. Он подал ей в руки бутылку воды, которою приказал окропить глаза дочери и сказал, что «молитвами Пресвятые Богородицы Живоносного источника она исцелится». И действительно, на утро она встала с здоровыми глазами. Отец Серафим приказал им остаться в Сарове, отстоять 14-го числа раннюю обедню, позднюю и отобедать. Но как она последнего приказания не исполнила и выехала тотчас после поздней Литургии, то, за ослушание, блуждала в дороге целый день.

После сих обстоятельств, еще за несколько месяцев до кончины, о. Серафим поручил послать некоторым особам письма, призывая их к себе в обитель, а тем из близких, которые не могли быть у него, поручил после смерти своей сказать, что нужно и полезно было для их души, прибавляя объяснение поручений: «Сами-то они меня не увидят».

Пришел к нему один из братий Саровской обители. Старец, сделав ему наставление, сказал: «Дунь на свечку». Брат дунул — свечка погасла. Старец сказал: «Вот так и меня не увидят». Своему келейному о. Павлу старец также говорил, что *скоро будет кончина,* а Павел, по простоте своей, недоумевал, о своей ли кон-

чине говорил старец или о кончине века. Перед новым же 1833 годом о. Серафим сам отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора, на том самом месте, которое, по выход из затвора, отметил, положив на нем камень.

Незадолго до кончины о. Серафима, видя его истинно-подвижническую жизнь, один брат, в назидание самому себе, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» – «Потому, – отвечал старец, – что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, Иисус Христос *вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, *заключительным* словом его уст и печатью его подвигов.

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова, в 1832 году, о. Серафим, по обычаю, пришел к Литургии, которую совершал о. игумен Нифонт. Он причастился св. Христовых Таин и после Литургии беседовал с о. игуменом. Между прочим, он просил игумена о многих, особенно о младших из братий; не забыл упомянуть, и на этот случай в последний уже раз, о том, чтобы его, когда умрет, положили в его гроб. Простясь с игуменом и братиею, старец возвратился в свою келью и одному из монахов, именно Иакову, впоследствии иеромонаху Толшевского монастыря, вручил финифтевый образ преп. Сергия – посещение его Матерью Божией, с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и

с ним положите меня в могилу; сей образ, — продолжал он, — прислан мне честным о. архимандритом Антонием, наместником св. Лавры, от мощей преп. Сергия». К о. Антонию старец Серафим, как и прежде мы видели, питал особую любовь.

1-го января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, св. Христовых Таин. По окончании же Литургии, он простился со всеми здесь молившимся братиями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился к Кресту и к образу Божией Матери; затем, обойдя кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами — путем рождения, входит в мир сей, а другими, т.е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После Литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с ней Параскеве Ивановне 200 руб. ассигнациями денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел и сестры находились в большой нужде.

В тот же день, после Литургии, был у о. Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонах Феоктист. Отец Серафим, окончив беседу с ним, сказал в заключение: «Ты уж отслужи здесь». Но о. Феоктист, спеша домой, отказался служить в Сарове. Тогда

о. Серафим сказал ему: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь». Отец Феоктист, разумеется, и этого не понял и, получив от старца благословение, отправился в тот же день из Сарова.

Нужно заметить, что рядом с кельей старца Серафима стояла келья монаха, о. Павла. Она отделялась одна от другой глухою стеною, возле которой была печь. Входы в ту и другую келью были особые. Издавна в Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили каждый особо, по одному. Как учеников о. Серафим не имел у себя, так и келейника у него не было, а по соседству обязанности келейного исправлял иногда брат Павел. Старец отличал его доверием и говаривал: «Брат Павел *за простоту своего сердца* без труда войдет в Царствие Божие: он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

Старец Серафим имел обыкновение при выходе из монастыря в пустынь оставлять в своей келье горящими зажженные с утра пред образами свечи. Брат Павел пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни: *Воскресение Христово видевше... Светися, светися, новый Иерусалиме... О, пасха велия, велия и священнейшая Христе...* и некоторые другие духовные победные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей кельи к ранней Литургии, почувствовал в сенях близ кельи о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в двери о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышан сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел в пустынь». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросившись к келье о. Серафима и почувствовав, что она заперта, усиленным порывом сорвал ее со внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке, близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник от коей тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келье о. Серафима света не было; самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у кельи. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братий бросились за снегом и грудами его погасили тлевшие вещи.

Ранняя Литургия, между тем, безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели: *Достойно есть...*

В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешили к келье о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Иоанн, пришедший из церкви, желая

удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его кельи и нашли его самого. Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном белом своем балахончике, стоял на обыкновенном месте молитвы пред иконою Божией Матери Умиления на коленях, с открытою головою, с медным Распятием на шее, с руками, сложенными крестообразно на груди[10]. Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его, но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лице оживлено богомыслием и молитвою. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни... Иноки, с благословения настоятеля, подняли на руках тело старца Серафима и положили в соседней келье иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени, одели по монашескому чину, положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли в соборный храм. После, когда утихло волнение и беспокойство, когда стали разбирать вещи в келье почившего, заметили, что и книга, пред которою он почил непробудным сном, несколько обгорела.

Весть о кончине старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Все скорбели и горько плакали о смерти старца; в особенности разлука с ним тяжка была для дивеевских сестер, которые теряли в нем своего духовного вождя и попечителя. Их плач был тем безутешнее, что о. Серафим не нашел такого человека, которому бы, взамен себя, мог поручить их.

Дивеевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафим пред кончиною своей дал деньги, купив хлеба и возвращаясь в Дивеево, на дороге услышала

горестную весть и, не заезжая к себе, погнала лошадь в Саров.

Бывший накануне иеромонах Феоктист, выехав в то же время из Сарова, ночевал в деревне Вертьянове, а на другой день утром отправился дальше. На пути, без видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась, и он поставлен был в необходимость остановиться в Дивеевсюй общине. Там нашел всех сестер в глубокой скорби и слезах: они оплакивали кончину о. Серафима. Дивеевский священник был в отсутствии по должности благочинного. Сестры убедительно просили о. Феоктиста отслужить панихиду об упокоении в блаженных обителях души старца Серафима. Желание их было исполнено, и сбылись слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Тело о. Серафима положено во гроб, по завещанию его, с финифтевым изображением преп. Сергия, полученным из Троицко-Сергиевской лавры. Могила блаженному старцу приготовлялась на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех.

Погребение о. Серафима совершенно было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. Впоследствии усердием Нижегородского

купца Я. Сырева над могилою его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы.

Не было сказано при гробе о. Серафима речей: воспоминание о его жизни и делах, изустные рассказы о них при гробе замечательного подвижника были самым лучшим назиданием, заменявшим всякое другое слово. Но какой-то неизвестный нам стихотворец, в грустном одушевлении смертью старца, тогда же в форме элегической песни воспел его жизнь, подвиги и кончину... Мы приведем текст стихов его, не замечательных по форме, но здесь уместных по случаю своего происхождения.

Саровскому пустыннику о. Серафиму

Он был и именем, и духом *Серафим,*
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его моленьям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Как много дивного избранным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только ни вперял –
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл –
Судьба грядущего всецело рисовалась;
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные Друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить,
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовью равно ко всем горел:

Богач, бедняк, счастливец и уничиженный
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекалися толпой:
Он быль для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он – безмездною цельбой,
Всех к Богу приводил, святой руководитель.
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? – вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...
Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропим слезой,
И имя будем чтить во век благословенным.

Спустя непродолжительное время после смерти о. Серафима, один офицер, г-н Карат–в, отправлявшийся в Курскую губернию, в свой полк, заехал в Саров, чтобы, по всегдашнему обыкновению своему, принять благословение о. Серафима. Молодой человек очень скорбел, что не застал в живых блаженного старца. «Известие о кончине его, – говорил он, – возмутило всю мою душу; я принял его, как наказание за мои грехи; но отслужив панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие души, что казалось, будто чрез самого старца получил прощение в грехах и услышал обещание его молиться за меня у престола Божия». – Игумен Нифонт поручил г-ну К–ву в Курске заехать к родным о. Серафима, передать им от него просфору и благословение и рассказать о кончине блаженного их сродника. По приезде в Курск г-н К–в тотчас же отправился к родным о. Серафима и нашел Алексия, брата его, уже умершим: он только что скончался. За несколько дней до сего времени этот брат был совершенно здоров, только подвергался сильной тоске, не ведая о кончине брата и

не сознавая причин своей грусти. Скорбное состояние духа расположило его искать себе утешения в молитве: ежедневно ходил он в церковь, наконец, поговел, исповедался и причастился Св. Таин. В это время из Сарова получено было письмо о кончине о. Серафима и его портрет. Тогда брат стал окончательно готовиться к смерти; над ним совершено было таинство св. елеосвящения, после которого он и скончался. Мы заносим это обстоятельство в жизнеописание о. Серафима потому, что, говорят, он, побывав раз в Курске, предсказал брату о его кончине в таких, дошедших до нас, выражениях: «Знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскоре затем последует».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоблаженном старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Известно, что о. Серафим неохотно соглашался на то, чтобы писали с него портреты. Так, мать дивеевской сестры Анастасии, имея большую приверженность к о. Серафиму, просила раз у него благословения списать с него портрет. Отец Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божии и святых, а мы – люди, и люди-то грешные». То же самое повторил он в ответ при подобном случае саровскому иноку, прибавив в пояснение: «Мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекать вины тщеславия в самом начале». Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только, из уважения к ее усердию, он уступил ее желанию и сказал: «Это в вашей воле, пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были списаны два верные изображения старца Серафима. Одно написано в то время, когда

старцу было около пятидесяти лет. Отец Серафим представлен с открытою главою; лицо у него чистое, белое; глаза голубые; нос прямой, с небольшим возвышением; волосы светлорусые, густые с проседью; усы и борода густые с проседью; рука одна с другою соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию с епитрахилью. Этот портрет написан академии художником Димитрием Евстафьевым для г-жи Анненковой и ею передан в Саровскую пустынь. Другой портрет, находящийся в келье саровского игумена, писан с натуры лет за пять до кончины старца. Отец Серафим изображен в мантии, епитрахили и поручах, как он приступал к причастию Св. Таин. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов; волосы и на голове, и на бороде густые, но недлинные и все седые. Правая рука положена на епитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который после был иноком Саровской обители и в ней почил вечным сном. Точное изображение с этого портрета помещено в начале сей книги.

В Саровский монастырь являлись после смерти о. Серафима многие лица, свидетельствовавшие, кому какое благодеяние оказал славный подвижник, кто и какое получил от него исцеление. Записки о таких событиях доставляемы были собственноручные, или, по крайней мере, засвидетельствованные их подписью.

Те лица, у которых были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались что-нибудь приобрести из его вещей на память себе. По заведенному с давних пор в Саровской обители порядку, все вещи после смерти брата поступают в

так называемую *рухлядную* (кладовая рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то берет из рухлядной и, износив одну вещь, переменяет ее на другую. Вещи о. Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но по усиленным просьбам чтителей старца розданы были им старшими из братий: о. Нифонтом и о. Исаиею. Так у инока Саровской пустыни Гавриила был портрет о. Серафима. Счастливый владетель так дорожил им, что не хотел никому показывать, и если показывал самым близким особам, то никак не выпускал его из своих рук. Крест медный, который о. Серафим всегда носил на себе поверх одежды, по благословению преосвященного Иеремии, бывшего епископа Нижегородского, хранится в Дивееве в церкви Преображения Господня на престоле. Большой железный крест, который носил старец под одеждою, на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, услышав о смерти старца Серафима, прислали из Таганрога нарочитого в Саров получить что-нибудь из его кельи, и им посланы были два кувшина, в которых подвижник носил для себя воду; оба кувшина были наполнены водой из Серафимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал о. Серафим в пустыни. Сестра берегла его еще при жизни старца, как необыкновенную драгоценность; потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келье о. Серафима. Г-жа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени, Георгием, с восторгом писала ему, что она после смерти о. Серафима получила из его кельи белый полотняный платок, лампаду и стаканчик; обе последние вещи в

звездочках. Две ряски, из оставшихся после смерти о. Серафима, переданы были сестрам Дивеевской общины, из коих одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя г-жа Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшие, в виде войлока, с головы его после двух болезненных его страданий, хранятся в Дивееве и в Сарове. Камни, на которые старец, для умерщвления искушений врага, восходил молиться в течение тысячи суток, также хранятся. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в алтаре Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью пред открытым небом, осталось только два обломка, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собою. Один обломок, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца перевезен в Дивеево и положен в Преображенской церкви, другой находится в Сарове в келье старца Серафима. Келья, в которой о. Серафим подвизался в ближней пустыни, также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей Церкви, о. Серафима, усопших сестер обители и других благодетельствовавших ей при своей жизни особ. А дальняя подвижническая келья о. Серафима в Дивееве же, обращена в алтарь в храме Преображения Господня. Образ Царицы Небесной Умиления, написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в храм Дивеевской обители. Пред ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благо-

честивые посетители питают особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получают от нее духовное утешение. Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго пред кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители Елисавета Андреевна Татаринова отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Ныне она находится в руках у протоиерея гатчинской придворной церкви. Эта мантия огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое — в Дивеевской обители. Последнее Евангелие, в кожаном переплете, есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собою в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплет собраны были вместе: Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и посланий Святых Апостол. В Дивееве же хранится малая часть книги Четьи-Минеи первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них уступлены Дивеевской общине, в которой он принимал так много участия.

Но честные останки о. Серафима навсегда будут составлять священную драгоценность Саровской пустыни. В нее старец вступил для спасения души своей, в ней окончил он и праведную жизнь свою. При жизни он никогда не думал выходить из нее, как говаривал, *ниже мыслию своею.* И по смерти тело его должно

навсегда остаться в Саровской пустыни знамением его неразрывной духовной связи с сею обителью.

Затем после смерти о. Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось. Старец жил и умер «во славу Божию».

Имя его до сих пор ублажается по всей России. Не в одной Саровской пустыни или Дивеевской обители служат теперь панихиды о блаженном успении его, но и во многих других местах отечественной Церкви. Нам приходилось слышать поминовение его в Петербурге, Москве, Киеве, даже в уездных городах и селах, отдаленных мест нашего отечества.

XI

ЯВЛЕНИЕ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ О. СЕРАФИМА ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕГО

Исцеление от беснования В. К. – От горячки Н. К. – От беснования Ф. – От болезни глаз Ф. В. – Избавление от разбойников К–ва. Исцеление от болезни ног, от холеры, от беснования, от слепоты. – Наказанное неисполнение заповеди старца. – Рассказ Святогорца. – Исцеление от горячки. – Исцеление больного дитяти. – Облегчение головной боли. – Исцеление от ушиба, от беснования. – Возвращение зрения. – Наказанное невнимание к портрету старца. – Помощь родильнице.

Праведник во веки живет, и праведный старец Серафим и после своего преставления продолжает сильным своим ходатайством перед престолом Божиим являть заступление свое тем, которые с верою и усердием призывают его на помощь. Многие, одержимые тяжкими болезнями, находившиеся в трудных обстоятельствах жизни, удрученные скорбями и искушениями, гласно свидетельствуют о себе, что они получали скорую помощь, когда испрашивали ходатай-

ства старца Серафима пред Господом. Таких случаев очень много, но мы приведем здесь только некоторые из них.

Не прошло полугода после кончины старца Серафима, как одна сестра Дивеевской обители В. К. подверглась, неизвестно отчего, припадкам беснования. В этом состоянии, теряя рассудок, она билась о землю, в исступлении рвала на себе волосы, с неимоверною силою порывалась бежать прочь от людей без определенной цели. В одну ночь видит она себя в Дивеевской церкви во имя Рождества Христова; тут была сестра Д. Ф. и старец Серафим. Старец, взяв ее руку, вложил в свою, а под другую руку приказал взять сестре Д. Ф. и, введя больную в алтарь, обошел с нею кругом престола: она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, осмотрелась кругом, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровою. С тех пор уже не подвергалась прежним припадкам.

В июне 1833 года г-жа Колычева писала к Георгию, затворнику Задонскому, из Сарова: послушник саровский Феодор, уроженец города Козлова, Тамбовской губернии, живя в миру, был подвержен беснованию и тяжко страдал. Испытав тщетно разные средства лечения, он явился к игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами просил принять его в обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грехи попустил ему нести страшное искушение от диавола. Вняв убедительной просьбе, игумен принял его в обитель. С полным усердием новоначальный инок исполнял возложенные на него послушание, а немногие свободные часы отдыха употреблял на молитву, оставляя для сна самое короткое время. В один день, пос-

ле слезной к Богу молитвы, едва предался он дремоте, в тонком сне узрел пред собою старца Серафима в той одежде, какую обыкновенно старец носил в последние годы. Явившийся советовал ему отслужить молебен Божией Матери и панихиду об убогом Серафиме и по исполнении сего обещал ему выздоровление. С несомненною верою в действенность молитвы почившего в Бозе о. Серафима, молодой инок немедленно выполнил повеленное старцем. По окончании молебного пения Богородице была совершена панихида. Когда диакон начал возглашать: *Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему иеромонаху Серафиму,* – Феодор пал на землю и начался с ним припадок, во время коего, в ужасных конвульсиях, из рта его показался дым, замеченный всеми тут находившимися. После сего он оставался около получаса в бесчувственном положении и с тех пор, за молитвы старца Серафима, навсегда освободился от беснования.

Два года спустя после кончины о. Серафима сестра Дивеевской обители Н. К. была больна горячкою и уже находилась при дверях гроба, так что, отчаявшись во всех способах врачевания, ее соборовали св. елеем. Во время болезни она совершенно потеряла владение рукою, и ее перекладывали на постели, подложив платок. Однажды видит она во сне о. Серафима, который говорит ей:

– Что ты, матушка, не придешь ко мне на источник?

Она отвечала:

– Я больна: у меня рука отнялась.

– Которая? – спрашивает старец.

– Правая.

Старец, взяв ее за больную руку, поднял, повторяя:

– Приди ко мне на источник.

Проснувшись, она нашла руку свою исцеленною и могла действовать, как здоровою. Но, будучи слаба от бывшей горячки, не могла идти пешком в Саров: в тот же день ее повезли туда, облили водою из источника о. Серафима – и она получила полное выздоровление и обновление сил (рассказ самой сестры, 1862 года, июля 20 дня).

Сестра Дивеевской обители Ф. В. сделалась больна глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери. Отец Серафим выходит из царских врат в белой ризе, подает воздух и велит отереть им глаза, а сам стал позади ее. Она спросила его: «Ты ли это, батюшка?» Серафим отвечал: «Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю». После сего Серафим сделался невидим. С этого времени болезнь глаз прошла у сестры (рассказ самой исцелевшей).

И. Яковл. Карат–в рассказывал о себе, что в 1833 году, возвращаясь в полк свой из домового отпуска, он по молитвам старца Серафима, которого призвал в минуту опасности, был спасен от разбойников, напавших на него в дороге.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, питавший особое уважение к о. Серафиму и им любимый, в 1834 году приехал в Саров с семейством, в котором трехлетняя дочь болела ногами и почти не могла стоять. Отслужив панихиду на могиле почившего старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив дитя водою из сего источника и омыв ноги, взяли этой воды в монастырь с намерением отслужить над нею молебен с водоосвящением. При входе

в монастырь дитя вдруг попросилось домой с рук няньки, выражая стремление идти самой. Нянька, после долгого сопротивления, наконец решилась пустить и, взяв за руки, повела ребенка; но девочка выдернула свою руку и побежала вперед сама, как здоровая. Обрадованные чудом сродники исцелевшей поспешили на могилу о. Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о них.

В 1846 году второй сын ротмистра А. В. Теплова вывихнул себе ногу и страдал от боли около двух лет. Между тем пришло время определения его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшего благодеяний семейству его, Африкан Васильевич Теплов отправился в Саровскую пустынь. Отслужив панихиду по старце Серафиме, несмотря на холод (это было 21 декабря 1848 г.), он отправился на источник о. Серафима с двумя сыновьями, и больной вымыл водой из источника свою ногу. Через несколько часов оба брата пошли опять на источник. Болящий из них облился водою с головы до ног, и потом на коленях пред иконами, утвержденными на особом столбе в часовне у источника, долго молился вместе с братом, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой больной объявил, что не чувствует уже боли в ноге, и, находясь в совершенном здоровье, служил в кавалерийском полку.

Манатейный монах Саровской пустыни о. Киприан писал в 1840 году: «По смерти о. Серафима досталась мне шапочка из черной крашенины, которую он обыкновенно нашивал на голове своей. Издавна я подвержен был сильной и продолжительной головной болезни, от которой лежал по нескольку дней в постели. С приобретением шапочки я стал надевать

ее на себя при появлении болезни и мысленно просил молитв о. Серафим об избавлении меня от страданий. С возложением на себя шапочки всякий раз боль проходила. Такое же действие в зубной болезни приводилось мне испытывать неоднократно от отломка того камня, на котором блаженный о. Серафим подвизался в пустыни, когда я сей обломок клал на больные зубы».

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Большого Череватова, удельный крестьянин Г.Д.С. в 1848 г. на дороге в село Окиль почувствовал припадки холеры. По вере к старцу Серафиму поехал поспешно на источник о. Серафима: умылся, окатился и напился воды из источника – и от этого почувствовал такое облегчение, как будто никогда болен не был.

Однажды привели к источнику о. Серафима бесноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на то, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она пришла в спокойное состояние и забылась. Придя в себя чрез несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знамением, сама напилась воды из источника – и с того времени прежние припадки не возвращались к ней.

Помещик Нижегородской губернии Д. А. А., благотворитель Дивеевской общины, об упокоении души которого ежедневно читается Псалтирь по правилам той обители, под старость лишился зрения, так что ничего не мог видеть. С этой потерей он лишился и другого наслаждения, которое чувствовал при чтении книг Св. Писания и Отцев Церкви. Занятие это было единственным утешением его старости. Отяг-

ченный скорбью, он послал нарочитого к двоюродной сестре своей, Е. А. В., с уведомлением о своей печали и с просьбою навестить его. Сестра, услышав от посланного о несчастии брата, тотчас же послала ему воды из источника о. Серафима, которую она всегда имела у себя в доме. Этот подарок очень утешил старца, и он немедленно приступил к исполнению переданного от сестры наставления, как поступают с этою водою. «Я приказал, – говорил он, – подать себе чистое полотенце, намочил его водою от источника Серафимова и потом приложил его к больным своим глазам с молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня.* Я повторил это три раза. И вот, когда чрез несколько минут я отнял в первый раз полотенце от глаз своих, увидел все, что меня окружало, как бы в каком тумане или как бы сквозь самое частое сито. Во второй раз я начал уже различать предметы, и, наконец, после третьего раза, я в состоянии был даже читать: болезнь моя совсем миновала. Изумленный этим внезапным и столь чудесным исцелением за молитвы угодника Божия Серафима, я поспешил прежде всего в Саровскую пустынь, чтобы отслужить здесь благодарственный молебен Господу Богу и Пречистой Его матери и панихиду по о. Серафиму, а потом положил себе за правило ежегодно уделять часть своих доходов Дивеевской женской общине, зная, какое отеческое попечение имел о ней благодетельный старец Серафим.

Года за полтора до кончины о. Серафима Н. М. К., будучи со своею женою в Сарове, в беседе с старцем получил от него одно приказание, вроде заповеди, для жизни супружеской. Отец Серафим с ангельскою улыбкою сказал: «Если вы этого не исполните, то ты

и она скоро умрете». Пока жив был о. Серафим, с помощью Божией, они соблюдали заповедь старческую; но потом мало-помалу стали забывать ее и несколько раз преступили. После этого внезапно Н. М. К. сделался болен расслаблением всех членов и чем-то вроде сильной горячки, так что через две недели после того, как слег в постель, он лишился голоса, губы его омертвели, и он был совершенно безнадежен. В тот самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утром приходит к нему пользовавший его лекарь Д. А. В. и рассказывает окружавшим больного свой сон: ему представилось, что он шел к К. и вдруг попался ему навстречу седой старичок в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал: «Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть; но ты скажи ему, чтобы он дал пред Богом какой-нибудь обет – и тогда он останется в живых». Больной слышал этот рассказ лекаря и по уходе его стал размышлять о слышанном. Тотчас понял он, что этот старичок был не иной кто, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что настоящая болезнь была следствием нарушения заповеди. Тогда К. начал горько раскаиваться в своем поступке и дал обет Богу, что если останется в живых, то возьмет под свой покров одну из своих родственниц, сироту Надежду. Только что он дал в душе своей этот обет, как почувствовал мгновенно облегчение болезни: через несколько минут сел сам собою на постели и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека, и вместе с нею изливал пред Господом радостные слезы о дивном, благодатном исцелении, дарованном ему отцом Серафимом. На другой же день больной стал ходить по комнатам и вскоре совершенно выздоровел.

Известный и всеми уважаемый под именем *Святогорца* русский подвижник Афона, иеромонах *Серафим*, в схиме Сергий, в своих келейных записках передает следующее обстоятельство. «В 1849 году при моем отъезде из Вятки я заболел. Болезнь моя была убийственна: я не думал, что останусь жив, потому что враг сильно восставал на меня. Никакие средства обыкновенные не могли меня восставить и возвратить мне силу и здоровье. Я отчаялся. Только в первый вечер 1850 года вдруг как будто кто-то тихо говорить мне: «Завтра день кончины о. Серафима, Саровского старца: отслужи по нем заупокойную Литургию и панихиду – и он тебя исцелит». Это меня сильно утешило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не знал о. Серафима, но в 1838 году, будучи в Сарове, посещал его пустыньку, и с той поры возымел к нему веру и любовь. Эта сердечная привязанность и вера еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что я служу молебен о. Серафиму от всей души и громко воспевая: «Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас!» Только по шестой песне мне нужно было читать Евангелие, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангелие: преподобного, такое ли или другое какое? Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-ое зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренно верую, что о. Серафим великий угодник Божий. Но обращусь к начатому. По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нему Литургию и панихиду, и лишь только это сделал – болезнь моя миновала: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры

поныне благодатью Божьей здоров. (Сочинения и письма Святогорца. СПб., 1858. С. 209).

Е. П. М. рассказывала такой случай со своею теткою. В 1854 году она приехала в Дивеевскую обитель помолиться и после всенощной, вспотев, выпила два стакана воды, отчего открылась в ней сильная горячка. Три недели больная не пила, не ела и не спала; на четвертой недели болезни сделался обморок. На выздоровление не было надежды: больная была напутствована Таинствами к смерти. Но бывшая спутницею больной смоленская инокиня, ездившая для сбора подаяний на свою обитель, повергшись пред иконою Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолжение жизни болящей.

Однажды утром она подходит к болящей и говорит:

– Какой я видела сон о вас.

Больная с трепетом сказала:

– Верно, о моей смерти?

– Нет, вы будете живы и здоровы: о. Серафим мне сказал.

Больная, не поднимавшая доселе головы с подушки, встала и села, говоря:

– Ну, рассказывай скорее!

Та рассказала, что о. Серафим, успокаивая ее, сказал ей: «Будь спокойна: раба Божия Евдокия будет жива. Я молил Господа и Пречистую Его Матерь».

Потом видела во сне, что будто он взял больную, повел по канавке, обвел кругом собора и привел к образу Умиления Божией Матери, вложенному в стене собора.

Выслушав сей рассказ, больная почувствовала себя совершенно здоровою. На другой день, желая подышать свежим воздухом, велела кучеру везти себя куда-

нибудь, не назначая пути. Он повез ее по канавке, потом обвез кругом собора и к образу Божией Матери Умиления. Так исполнились слова старца Серафима, сказанные в сновидении смоленской инокини. (Это исцеление записано было рукою самой болящей под иконою, стоявшей на источнике).

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии, действительного статского советника А. А. Борз–ко, будучи восьми лет, начал страдать спазмами в желудке. Болезнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась в сильную, с припадками. Спустя несколько времени спазмы прекратились, заменясь тоскою, так что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдруг делалось скучным. Тоска усиливалась постоянно и припадок оканчивался слезами, а нередко и появлением пены изо рта. Наконец явились спазмы в дыхательном горле. Припадки болезни обнаруживались в день раз по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только в последний период болезни припадки стали появляться и ночью. Медицинские пособия мало приносили пользы, и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упование на милость Божию сохраняло в них еще некоторую надежду. В это время хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Дав–ва, впоследствии игуменья той обители Мария, отправляясь посетить некоторые монастыри русские, подарила матери больного дитяти описание жизни и подвигов отца Серафима Саровского. Родители часто читали вместе эту книгу, дивясь подвигам старца и действиям благодати Божией, в нем открывшимся. Была середина сентября, а болезнь дитяти, начавшаяся в июле, все продолжалась. В одну ночь ребенок видит во сне Спасителя

в красной одежде, окруженного ангелами, Который говорил ему: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет». Когда это видение кончилось, явился старец и, назвав себя *Серафимом*, сказал дитяти: «Если желаешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым источником, и три дня утром и вечером водою этою омывай себе голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Этот сон ребенок рассказал няне, которая передала его родителям, перед которыми и сам он повторил свой рассказ. Возблагодарив Бога за милость Его, родители недоумевали, как достать воды, и предались воле Божией, надеясь, что Господь укажет им способы к сему. Наутро больной ребенок рассказал другой сон. К нему явилась Божия Матерь, окруженная ангелами, и с любовью приказывала исполнить непременно то, что советовал о. Серафим. Это второе видение еще более удостоверило родителей в заступничестве отца Серафима и милосердии Божием к больному. Тогда как они рассуждали о том, как достать воды, приносят записку от С. Д. Дав–вой, которая извещала мать больного о своем возвращении из путешествия. Первою мыслью родителей было просить Д–ву научить их, как достать из Сарова воду из источника о. Серафима. В ответ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой в источнике о. Серафима. Видя в сем особую милость Божию, возблагодарив Бога, начали употреблять воду по наставлению, данному во сне. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело. Тогда же родители, если не за себя, то за сына дали обет непременно быть в Сарове и помолиться на гробе отца Серафима. Обстоятельства службы и семейные только 14-го июля

1860 года дали возможность г-ну Борз–ко вместе с сыном исполнить свое обещание быть в Сарове. И тогда он собственноручной запиской объявил настоятелю Саровской обители о исцелении своего сына по предстательству блаженного старца Серафима.

Тамбовской губернии, Шацкого уезда, помещик полковник В. А. Пан–в страдал постоянно головной болью. В 1857 году приехал он к 15 августа в Саров, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы. Отстояв в больничной церкви раннюю обедню, он пожелал до поздней сходить на источник о. Серафима. Но мысль, что жена будет дожидаться в гостинице с чаем, смущала его, и он уже направил шаги свои к гостинице, но вдруг, сам не зная как, очутился на дороге к источнику. Придя туда, он все боялся облить водою больную свою голову, чувствуя в ней шум и ломоту, а утро было холодное, сырое и шел маленький дождь. Здесь невидимая рука Божия устроила его исцеление чудесным образом. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глине, и он упал у источника прямо головою под желоб: невольно облит он был весь целительною водою. Не боясь более простуды, больной, поднявшись на ноги, сам несколько раз еще обливал голову и не чувствовал ни малейшей боли.

Когда полковник П–в возвращался в монастырь, с ним встретился крестьянин, который поведал, в свою очередь, следующее о своем исцелении: «Вот меня сегодня исцелил батюшка Серафим! У меня болела рука, распухла, затвердела и не поднималась, я и пришел в Саров с этою болезнью. Сегодня помочил ее два раза водой из источника, и рука совершенно стала здорова». Придя на гостиницу, полковник рассказывал всем об этих двух исцелениях.

В 1858 году сестра общины Дивевской Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами набивала льдом огромный общий ледник, глубиной в три сажени. Нечаянно поскользнувшись с доски, положенной над срубом, она упала на самое дно ледника, где было несколько льда, набросанного острыми глыбами. Несчастная от сильного удара не испустила ни малейшего стона. Прочие сестры в это время все были вне ледника, хлопотали около саней своих. Когда старшая заметила, что нет одной из них, спросила: «Где Евдокия?» Никто не знал, что сказать. Войдя в ледник, они на дне его, в темноте, увидели ее в своей одежде. Ужас поразил всех; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчин, с помощью сестер, с величайшим трудом вынули ее из ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее в самую ближайшую келью, побежали за духовником и, по благословению настоятельницы, послали в село Вертьяново за лекарем. Спустя несколько часов страдалица пришла в чувство, исповедалась и приобщилась Св. Таин; жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, на которой показалось много шишек. Приехавший лекарь сделал необходимое кровопускание, но сказал, что ушиб очень опасный. Весь бок разнесло опухолью; нельзя было узнать: нет ли перелома в ребрах, а прикосновение к ним повергало больную в продолжительный обморок. Через четыре дня перевезли ее в больницу, но и там страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушке; лежала она все на одном правом боку. Спустя две недели после ушиба, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий Четверток забылась она тонким сном и видит, что батюшка Серафим, войдя в

келью, где лежала больная, сказал: «Я пришел навестить своих нищих; давно здесь не был», – и, говоря это, подошел к кровати больной. Она с горькими слезами говорит ему: «Батюшка, как у меня бок-то болит!» Старец, сложивши три перста правой руки, крестил ее расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обязания». Повторив это три раза, он стал невидим. Евдокия открыла глаза – в келье была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проснувшись в пять часов утра, увидела себя лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней батюшки Серафима, она говорила: «Я долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день больная одна, без всякой помощи, встала с кровати, прошла несколько раз по келье и рассказывала всем о чудесном своем исцелении, исповедалась и приобщилась Св. Таин, укрепляясь духом и телом за молитвы старца Серафима.

Рязанской губернии и уезда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болезни, которая сопровождалась икотой, зевотой, омрачением зрения и исступлением. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала в лоскутья свою одежду. Страдания ее продолжались восемь лет. В 1858 году с тремя странницами она пошла в Саров и Дивеево; дорогою чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мере приближения к Сарову припадки ее усиливались, а увидав его, она легла на дороге и решительно не хотела идти далее. С большим усилием привели страждущую в Саров. После молебна Царице Небесной и панихиды по отце Серафиме отправилась она со спутницами своими на его источник. Здесь припадок был необыкновенно

сильный; она кричала: «Что ты меня душишь? Я силен, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударяло несколько раз замертво о землю, часа два она была слепой и немой. Наконец злой дух закричал: «Три вышло, один остался». Спустя сутки, она приобщилась в Сарове Св. Таин и отправилась в Дивеево. Не доходя же полверсты до монастыря, она упала на землю. Несколько раз на дороге перевертывало ее, как колесо; с большим усилием довели больную к вечеру до гостиницы; всю ночь больная провела в беспокойстве и убежала бы, если бы ее не держали. Утром, не сказывая куда, повели ее в церковь Преображения Господня, где пустынька преподобного отца Серафима обращена в св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силе нескольких человек, когда тащили ее в церковь. Злой дух кричал: «Выйду, выйду, буду молчать». С распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животом потащили ее к камню Серафимову. Положив на него больную, накрыли ее мантией, возложили на нее епитрахиль старца: больная сильно кричала и после того, как на руки надели ей рукавички отца Серафима, она сделалась, как бы мертвая. Мало-помалу шея, живот и все члены начали приходить в естественное положение; пробыв без чувств часа полтора, больная совершенно пришла с себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцеление, но была слаба, не могла говорить много, а все рассказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было так легко и спокойно, как теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретом отца Серафима и частичкой от его камня. На другой день, отстояв обедню, молебен и панихиду, она отправилась в Москву.

Мещанская жена Евдокия Очкина из города Пензы рассказывала следующее: «В 1843 году ходила я в саду с трехлетней моей дочерью Елизаветой; не знаю, как к бахроме моего платья пристал репей. При снятии его, вероятно, соринка отлетела и попала в глаза девочки. Елизавета моя вдруг вскрикнула и, закрыв оба глаза, стала плакать, проливая потоки слез. Я призывала старушек осмотреть, что с нею: они искали сор языком, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрения. Прошел год. В Пензу приехал из Петербурга доктор, я носила к нему слепую, но ее глаз невозможно было и ему рассмотреть: никакие средства не помогли ему открыть сжатых и как бы сросшихся век. Доктор отказался от помощи. Еще год спустя ослепшая дочь моя сидела около меня на полу; я положила ей на колени игрушек: она ощупью перебирала их. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: «Отец Серафим! Помолись Господу, чтоб открылись глаза слепой моей дочери; я к тебе в Саров пойду пешком». В эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бегом побежала по комнате. С тех пор она стала видеть, как и прежде; но, прожив около двух лет, скончалась. Я же, грешная, совсем забыла о данном мною обещании насчет путешествия в Саров и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Мария, будучи тоже трех лет, сильно заболела глазами, примочки и лекарства не помогали ей; тут-то я вспомнила, что обещалась идти в Саров. Не мешкая нимало, я отправилась в путь, и в тот же самый день, как служила панихиду по батюшке Серафиме, малютка моя исцелилась. Только на одном глазе остался знак – не то, чтобы бельмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочем, не мешает ей видеть, как бы в память того, что мать забвением обещания прогневала

человека Божия. В 1858 году она была в Дивееве со своею пятнадцатилетней дочерью Мариею и все написанное рассказала сама.

В 1859 году жена почтмейстера города Темникова, получив из Сарова портрет старца Серафима, писанный на осколке от камня, на котором старец стоял и молился, хотела послать его в подарок своему благодетелю в Тамбов. С этой мыслью, забывшись сном, она видит старца Серафима, который, строго взглянув на нее, сказал: «Почему же ты не хочешь сама иметь мой портрет?» – и с этими словами ударил ее по плечу. Проснувшись от сего, она почувствовала трясение во всем теле; плечо, по которому сделан удар, и рука совершенно оцепенели, как бы разбитый параличом. Она немедленно отправилась в Саров, отслужила панихиду, с усердием молилась на могиле о. Серафима и тут же получила совершенное исцеление от своей болезни.

Г–жа Ал–ва, будучи беременна, весьма боялась приближения времени родить, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним в дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, г-жа А. после молитвы к Господу Богу, положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она почувствовала себя гораздо лучше; всякий страх прошел уже: было что-то радостное на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А–ва родила без прежних страданий сына, которого назвала *Серафимом* (собственноручное письмо г-жи Алт–вой к настоятелю Саровской обители).

XII

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА О ЯВЛЕНИИ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ О. СЕРАФИМА ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕГО

Заявления четырнадцати лиц о получении ими благодатной помощи по молитвам старца Божия. – Письмо генерал-лейтенанта Врасского. – Общий взгляд на благодатные явления помощи от о. Серафима и пути Промысла в его жизни.

В предыдущих главах после изображения подвижнической жизни старца Божия и сказаний о тех чудесных действиях милости Божией, которые по его предстательству совершились над прибегавшими к его помощи еще при жизни его, рассказано и о тех чудотворениях, которые совершились по молитвам его после его преставления. Рассказы об этих чудотворениях доведены до 1860-х годов, когда вышло первое издание книги. В настоящей главе эти рассказы продолжены, так как источник милости Божией по молитвам блаженного старца Серафима никогда не иссякал и не иссякает до сих дней. Из восьмидесяти письменных заявлений от лиц, получивших благодатную помощь по его молитвам в течение времени от 1860-х по 1890-е годы, – заявлений, проверенных духовною комиссиею, о чем упомянуто в предисловии к этой книге, здесь приводятся заявления четырнадцати лиц, над которыми по молитвам о. Серафима совершились особенно замечательные проявления милости Господней.

Приводим прежде всего письмо г-жи Жуковской к игумении Серафимо-Дивеевского монастыря Марии: «Однажды дочь наша, будучи лет пяти, захворала всеми признаками скрытой скарлатины, кинувшейся на мозг. Зная по опыту весь ужас этой болезни, я просила моего мужа, чтобы он побывал у отца Назария, свя-

щенника придворной госпитальной церкви, что у Полицейского моста в Санкт-Петербурге, и попросил бы батюшку скатить водицу с камешка св. старца Серафима. Узнав о болезни нашего ребенка, о. Назарий был так добр, что уделил нам и частицу камешка, сказав мужу, что когда будем скачивать с него воду, то в это время следует прочитать 3 раза *Отче наш* и столько же *Богородице Дево, радуйся*, опустив самый камешек в воду. – Перед возвращением мужа от о. Назария был у нас доктор, который мне объявил, что если болезнь примет дурной оборот, то больная будет жаловаться на головокружение, которое будет сопровождаться рвотой. Не успел доктор уйти, как все это обнаружилось, и больная стала бредить с открытыми глазами. В это время мой муж возвратился домой. Узнав все мои опасения насчет больной, он мне сказал, подавая камешек: «Вот тебе лекарство», – объяснив, как надо воду скатить. С благоговением поцеловала я этот камешек и немедленно приготовила водицу. Это было часов в двенадцать дня. Мой муж ушел на службу и возвратился в четыре. В этот промежуток я старалась чаще поить больную с чайной ложечки; к приходу отца она вышла из забытья, а к вечеру спросила игрушки. Доктор, навестив больную часов в восемь вечера, думал ее найти в опасном состоянии. Велико было его удивление, когда он нашел ее здоровой».

Красноярский купец Иван Латкин писал той же Дивеевской игумении Марии: «В 1860-х годах я был с осени в г. Красноярске нездоров месяца два, – даже и ходить не мог. Но хозяин, у которого я находился на службе, прислал за мною, чтобы я собирался ехать с ним в г. Томск. Фельдшер же, который меня тогда лечил, говорил мне, что ежели по четыре раза в каждые сутки я не буду переменять повязок моих ран, то я

должен умереть. Несмотря на это, хотя и невольно, я должен был ехать с хозяином, и сидели мы в повозке рядом, а по случаю худой дороги ехали более трех суток до г. Томска; о болезни же я не смел сказать хозяину и перевязок во всю дорогу не делал. В г. Томске остановились на квартире, где вечером спустя довольно времени, лег я спать на диван боком и заснул. И вот вижу во сне – вошел старичок в белом балахончике повыше колен и опоясанный. Подойдя ко мне, он ударил ладонью по моей ноге и сказал: «Вот не стал лечиться – и выздоровел!» Я тотчас же проснулся, достал огня и посмотрел на свои раны, с которых во всю дорогу не снимал повязок. К удивлению моему, и знаков болезни не оказалось, что обрадовало меня до такой степени, что я безотчетно несколько раз ночью бегал взад и вперед в часовню Иверской Божией Матери с намерением купить книгу из житий святых Отцов; но там спали, потому что было за полночь. Когда стало светать, я опять побежал и к радости и счастью моему вижу, что монах сметает снег у часовни. Я спросил у него, есть ли книги из житий святых Отцов, на что получил ответ, что есть. Монах отпер часовню и, войдя, подал мне одну книжку. Я, помня лицо старца, виденного во сне, взяв книгу в руки, раскрываю и вижу неожиданно этого самого старца. Это был батюшка отец Серафим, иеромонах Саровской пустыни, которого ранее я не видал и не знал».

«Священник Гавриил Галицкий писал игумении Дивеевского монастыря Марии следующее. «В августе месяце 1861 года я, вследствие простуды, а всего более вследствие грехов моих тяжких, был поражен тифозною горячкою. Лечился в городе Орлове, Вятской губернии, но от лекарств мне легче нисколько не было, и час от часу болезнь моя становилась силь-

нее и сильнее, так что я отчаялся в своем выздоровлении, тем более что нельзя было мне принимать никакого лекарства: после всего у меня только делалась рвота. Кроме того, не было и сна. В одну ночь я стал прощаться со своей женой, потому что чувствовал приближение своей смерти; но жена мне сказала: «Если ты не надеешься жить более, то надобно умереть, по крайней мере, по-христиански». А у меня расположения очистить свою совесть покаянием и приобщиться Св. Таин не было, а было какое-то уныние и тоска. Это я высказал своей жене, и она со слезами упрашивала меня послать за протоиереем, хотя уже было двенадцать часов ночи. Я велел жене моей подать мне какую-либо книгу в той надежде, что от чтения книги пройдет скука, и она подала мне книгу «Житие пустынника Саровского иеромонаха Серафима». Почитав эту книгу, я тотчас же принял намерение раскаяться в своих грехах и тогда же велел послать за протоиереем, который тотчас же пришел ко мне и напутствовал меня. Дня через четыре после приобщения я отправился для лечения в г. Вятку, куда приехал вечером. Это было уже в первых числах сентября месяца. Утром, на другой день в семь часов, приходит в мою квартиру старушка и предлагает мне купить портрет отца Серафима Саровского. Я взял у нее два портрета, и она, отходя от меня, сказала мне: «Батюшка, когда придет время, не забудь Агафию. Я, считая оба эти случая за указание Божие, обратился с молитвою к угоднику Божию Серафиму и дал обещание побывать в Саровской пустыни и отслужить панихиду на могиле о. Серафима. С тех пор мне стало легче, так что через неделю лекарь мне позволил даже выезжать в монастырь и в город, и я стал раскаиваться в данном обещании. И, должно быть, вследствие этого

раскаяния, болезнь моя снова усилилась так, что врачи, приглашаемые мною, лечить меня отказывались и последний из них, оператор Ф–н, сказал мне: «Батюшка, ездить к тебе я буду, но вылечить тебя слова не даю: ищите врача духовного». Тогда я снова дал твердое обещание непременно быть в Саровской пустыни. И молитвами преподобного о. Серафима от болезни я исцелился вполне. Будучи в Саровской пустыни, я купил книгу «Житие старца Серафима», издания 1868 г., и, читая оную, узнал, что первая настоятельница Дивеевской обители была Агафия. Вспомнил я в то время последние слова старушки, у которой я купил портреты отца Серафима: «Когда придет время, помяни Агафию», – и подумал, что молиться мне надобно и за эту преподобную, – что и она близка ко Господу».

Рассказ об исцелении от зубной болезни Краснослободского мещанина Матвея Карпова. «Был я одержим сильной болью зубной около двух лет с половиною. Отвлекала она меня от моих занятий. Лекарство принимал разное, но помощи не было, и разные заговоры не были на пользу. В 1866 году явилось у меня желание идти в Саровскую обитель, чтобы попросить у Бога чрез молитвы отца Серафима, при его могиле, исцеления зубной боли. Восьмого сентября, на праздник Рождества Богородицы, по отслужении святой Литургии я в числе прочих людей просил чредного иеромонаха отслужить панихиду на могиле отца Серафима. По отслужении панихиды я пожелал приложиться три раза обеими щеками к памятнику, отчего тут же почувствовал облегчение, а потом и совершенное исцеление».

Рассказ жены священника Александры Виноградовой об исцелении сына ее от заикания. «В 1865 году,

по грехам моим, трехлетний сын мой, бойкий на разговорах мальчик, вдруг стал заикаться. Заиканье это время от времени все делалось хуже и труднее и в начале 1866 года до того увеличилось, что он не мог сказать сразу ни одного слова, а прежде минут пять и более толкует: «А, а, а...», – весь покраснеет, наконец ухватит себя обеими руками за скулы и со слезами убежит, спрячется где-нибудь и плачет о том, что не может высказать того, что хочет. Нам, родителям его, было очень прискорбно это видеть; мы со страхом заглядывали в будущее, как ему, бедному, будет отвечать уроки, когда будет он в школе. Часто мы ему говорили: «Сашенька, обдумайся прежде, потом и говори», воображая, что от торопливости в речи он взял привычку так страшно заикаться; а когда говаривали ему: «Замолчи лучше: очень неприятно слышать твое заиканье». Все это видимо огорчало и самого не по летам смышленого мальчика. В Великом посту в 1866 году дали мне знакомые почитать книгу «Жизнь подвижника Саровского отца Серафима». Я ее читала вслух сыну; сын слушал мое чтение с удивительным вниманием и понятливостью и стал он затем иметь веру в святость отца Серафима и питать к нему любовь. Это он выражал, целуя с благоговением картинки, изображавшие отца Серафима. Так прошли дни Св. Пасхи; на этих днях, а именно во вторник, отец послал Сашу из передней половины нашего дома в задние комнаты что-то сказать мне. Он отворил к нам дверь, хотел сказать, но не мог, – покраснел, зажал себе скулы (потому что от заиканья у него делалась боль в скулах), убежал за дверь и заплакал. Глядя на это его положение, я и нянька-девица, у нас живущая, обе заплакали. Я приласкала своего несчастного сына и посоветовала ему во время благовеста к «Достойной»

молиться, или хотя перекреститься везде, где бы он в это время ни был и просить отца Серафима, чтобы он молитвами своими его исцелил. Мальчик с радостью принял мой совет и обещал исполнять, что точно и исполнял затем. Сама я в тот же час в душе дала обет отслужить панихиду о упокоении души батюшки отца Серафима, пошла к мужу, передала ему все. Но муж мой, в это время еще не читавший жизни о. Серафима, очень равнодушно принял мой обет и когда-нибудь обещал отслужить панихиду. Замечательно, что именно с этого дня, как мы дали обет прибегать к о. Серафиму и молиться о упокоении блаженной души его, сын наш заикаться перестал вдруг, и все стал говорить хорошо, резко, и отчетливо... Мы, грешные, в своей беспечности думали: вот правду люди говорили, что со временем у него эта болезнь пройдет; вот и прошло, и панихиды не служили. Только я затаила в душе мысль, что когда-нибудь при случае исполню обещание. Так прошло недели три. И вот Господь благоволил вразумить нас, беспечных, и показать нам, что не сам собою сын наш выздоровел, но за молитвы батюшки отца Серафима. Сын наш опять стал вдруг по-прежнему заикаться, опять не мог сказать сразу ни одного слова. Тогда я, грешная, поняла все это и передала мое мнение об этом моему мужу. Муж тогда пожелал прочитать жизнеописание отца Серафима; стал читать, почувствовал благоговение к старцу Божию и скоро изъявил мне желание по батюшке отслужить обещанную панихиду, что и исполнил. После панихиды ребенок наш разом совершенно исправился. Мало этого, он в том же 1866 году, четырех с половиной лет, требовал настоятельно, чтобы его выучили читать».

Коллежский секретарь Андрей Васильев писал Саровскому игумену Серафиму следующее: «В марте месяце 1866 года жена моя, Александра Николаевна, возвратясь из Саровской пустыни, видела во сне покойного подвижника Саровской обители святого старца отца Серафима, который говорит ей, что у нее будет болеть бок и что ей никто, кроме его, оказать помощи не может. Действительно, в апреле месяце того же года, жена моя почувствовала сильную боль в правом боку, и болезнь приняла такие сильные размеры, что приводила ее в исступление. Обратились мы к совету докторов в г. Пензе и Саранске, которые и пользовали более двух лет, и хотя отчасти облегчали, но положительной помощи не оказали, а объявили мне, что болезнь жены моей неизлечима. Имея веру в силу молитв святого старца отца Серафима и вспомнив явление его во сне жене моей, я со всем семейством, в сентябре месяце сего года, отправился в Саровскую пустынь, где, пробыв до 18 числа, удостоились приобщиться Св. Таин, слушать молебен пред иконою Царицы Небесной Живоносного Ее источника и панихиду в келье и на могиле святого отца Серафима. Отправились мы затем в Серафимо-Дивеевсюй девичий монастырь и там на другой день также отслушали молебен пред иконою Царицы Небесной Умиление и панихиду в келье отца Серафима, где все лобызали убогую одежду святого старца и возвратились в гостиницу. Ночью того дня болезнь с моею женою так сильно повторилась, что многократно сопровождалась рвотою желчи отдельными кусками и, наконец, черною жидкостью, вроде земли, и больная изнемогала до последних сил, но, имея веру в силу молитв отца Серафима, я обратился снова с молитвою к нему и просил также молитв сестер обители, по со-

вершении которых матушка игумения Мария посетила мою больную жену и на нее возлагала принесенные ею шапочку и полотенце отца Серафима. После этого моя жена уже никогда не чувствовала даже малейшей болезни, как будто бы оной с нею и никогда не было. Наконец, жена моя снова увидела во сне отца Серафима, который говорит ей: «Ну, радость моя, твоя болезнь к тебе не возвратится, и ты будешь здорова».

Из письма г-д Алферовых. «В 1866 году 6-го декабря, – пишет г-н Алферов, – дочь моя София, будучи одного года и двух месяцев, вдруг не стала владеть левой ножкой; страдания малютки были невыносимы: ни днем ни ночью не могла спать. Доктора, пользовавшие ее, не могли даже определить, в чем заключалась эта болезнь, ибо опухоли не было. Одним словом, она не могла владеть ножкой, а разные мази, прописываемые докторами, еще более усиливали боль в ноге. Нам с женой слишком было прискорбно видеть невыносимые страдания малютки, и, будучи не в состоянии облегчить их, мы обратились за помощью к Пресвятой Владычице Небесной: попросили священника отслужить молебен Казанской Божией Матери, прося Царицу Небесную послать нашей дочке выздоровление. Вскоре после этого, пред обедом, жена моя, оставаясь у колыбели больной малютки, уснула на несколько минут и увидела иеромонаха старца Серафима в белом балахончике, который ей сказал: «Не плачь и не убивайся – твоя дочь будет жива и здорова. У нее вывих, нужно поскорее поправить ножку». Тут жена моя проснулась и за обедом рассказала мне о своем сновидении. После обеда я прилег отдохнуть и сам увидел во сне старца Серафима, также в белом балахончике, который, обращаясь ко мне,

сказал: «Не беспокойтесь – ваша дочь будет жива». Проснувшись, я пошел в столовую, где застал жену разговаривавшей с акушеркой, которая затем собственно пришла, чтобы посоветовать нам обратиться к костоправу мужичку, известному во всем Глазовском уезде, Вятской губернии, где в то время я находился на службе. Я заявил им о своем сновидении и послал кучера за упомянутым костоправом, который на другой день утром приехал. Осмотрев больную ножку нашей дочки, он нашел у нее вывих в трех местах, а именно: в ступне, повыше оной и в колене. При этом он заявил нам, что нужно будет поправить еще два раза. После первого поправления ножки, на третий или на четвертый день, она в первый раз подняла ее, к нашей общей радости: после каждого поправления ей делалось лучше, а через три недели она была совершенно здорова. В 1876 году, около 8-го июля, у меня заболел сын Александр, будучи трех месяцев. Около же 15-го июля я, возвратясь из уезда, в час ночи лег спать и во сне увидел старца Серафима, в том же белом балахончике, который мне сказал: «Он умрет». По истечении трех дней сын мой умер. В 1870 году 2-го августа в Санкт-Петербурге, у меня родилась дочь Ольга. Когда исполнилось ей шесть недель, жена моя поехала к куму, а я, оставшись дома, уснул у кровати малютки и увидел во сне вошедшего ко мне в комнату иеромонаха старца Серафима, в белом балахончике, который мне сказал: «Она году не доживет». И, действительно, она умерла 20-го июля 1871 года, не дожив до году двенадцати дней. Когда я находился на службе в г. Глазове, именно в 1865 году, я почувствовал сильную боль в левом боку; по временам страдания мои были невыносимы. По приезде моем в Петербург в 1870 году, врачи, к которым я обращался,

находили мою болезнь неизлечимой. Оставив службу в 1876 году, я поехал в г. Задонск Воронежской губернии, часто ходил к обедне в монастырь и мысленно всегда просил старца Серафима облегчить мою болезнь. В ночь с 23 на 24 августа, во время моего сна, старец Серафим подошел к моей кровати в подряснике, епитрахили и поручах, поодаль от него стал диакон в полном облачении и еще кто-то в монашеском одеянии. Отец Серафим, приблизясь ко мне, левым коленом своей ноги уперся в больной мой бок и обеими руками ободрал мне ребра так, что когда я взглянул на больное место, то под ребрами висели какие - то кровавые жилы, вроде пиявок, в палец толщиною. Когда видение прошло, я проснулся и тотчас же почувствовал облегчение». – «С первых чисел сентября месяца, – пишет жена г–на Алферова, – я страдала биением сердца и захватом дыхания в груди, с сильным кашлем, болью в груди, спине и левом боку; все это время я лечилась, но от лекарств облегчения не получала. Летом 1884 года я страдала расслаблением всего организма, по временам от слабости едва могла ходить. В молитве своей я всегда просила Матерь Божию и старца Серафима послать мне исцеление. С 4–го на 5–е августа, я во сне увидела старца Серафима в черной мантии, епитрахили и поручах. Он подошел ко мне, но только не знаю где, взял меня за плечи и поставил в большой комнате, со словами: «Не убойся, дочь моя! Сейчас тебе будет великая радость: видение образа Божией Матери». Тотчас послышался сильный шум; от страха и слабости голова моя кружилась, но была поддерживаема руками отца Серафима и ободряема его словом: «Не убойся!» – Вдруг шум утих, отворилась дверь и вошла женщина, в монашеском одеянии, с образом Божией Матери в руках и со

множеством лиц, тоже в черном монашеском одеянии, которые остались в дверях. Увидев красоту, величие и божественную доброту монахини, я от страха едва держалась на ногах, но руки отца Серафима меня крепко поддерживали. Он опять мне сказал: «Не убойся!» – и подвел меня к образу Божией Матери. Женщина в монашеском одеянии три раза благословила меня упомянутым образом, и я приложилась к оному. Та, которая меня благословила, села на близ стоявшую скамейку; отец Серафим и мне помог сесть рядом с Ней. Божественно-кроткий лик монахини, державшей образ Божией Матери, внушил мне мысль молить Ее о своем исцелении, при чем я просила Ее дозволить мне поцеловать Ее ручку (от страха я долго не решалась на это). Она, божественно улыбнувшись, протянула мне оную, сказав: «Сколько угодно». Я с благоговением поцеловала Ее ручку, мысленно не переставая молить ее о своем исцелении. Когда мои грешные уста коснулись Ее божественной ручки, вся душа моя наполнилась неизъяснимым блаженством, из которого меня вывел голос отца Серафима, все время находившаяся около меня, с правой стороны: «Теперь с тебя этого довольно, – иди, вот диакон проводит тебя». Тотчас появился диакон, в черной рясе, которого я прежде не заметила. Видение прошло; диакон пошел вперед, я же встала со скамейки сама и пошла за ним, не чувствуя более никакой слабости. Много комнат прошли мы, и, наконец, он ввел меня в небольшую комнату, всю увешенную образами, пред которыми горят лампады! Войдя в упомянутую комнату, он спросил у меня: «Знаешь ли, где ты теперь находишься?» Я отвечала: «Нет». – «В Костроме», – был его ответ. Тут я проснулась. От великой радости и страха меня трясло, как в лихорадке; когда же я не-

много успокоилась, то почувствовала облегчение. Весь день я чувствовала себя крепче, а 6-го августа, в день Преображения Господня, я пошла гулять со своим семейством, со станции Финляндской железной дороги, где мы жили на даче, и дошла до станции Шувалова без усталости, на расстоянии около трех верст. Благодаря покровительству Божией Матери и иеромонаха старца Серафима, я не чувствую более слабости и здоровье мое поправилось».

Кандидат Потапий Максимов писал Саровскому игумену Серафиму следующее. «В 1868 году в день праздника Святой Троицы с моими детьми отправился я в храм Божий для слушания Литургии, а жена моя Мария, исповедывающая римско-католическую веру, пошла для той же цели в костел. По окончании обедни возвратившись домой, я узнал, что жена моя еще не возвращалась. Под влиянием неприятного чувства я ожидал возвращения ее и по приходе начал делать ей упреки за долгое отсутствие. Получив в ответ, что причиною ее отсутствия было желание слушать до конца богослужение, я кощунственно отозвался об ее набожности. В это время дочь наша Дарья, видя горесть матери и мое возбужденное состояние, подошла ко мне с просьбой не обижать мать. «Ты вон пошла!» – закричал я. Бедная малютка отшатнулась и в тот же день заболела. Полагая, что болезнь дочери есть следствие небольшого испуга, я спустя неделю после ее болезни приглашал в дом врачей более двенадцати человек для подания пособия больной. Но медицинские пособия не облегчили страданий малютки. Одиннадцать месяцев страдала моя дочь расслаблением организма до такой степени, что не могла даже поднять головы. Глубоко раскаиваясь в моей горячности и приписывая болезнь дочери

ниспосланному на меня Богом испытанию, я плакал и молился. Прочитав жизнеописание Саровской пустыни старца Серафима и чудесное его заступничество за истинно-верующих и молящихся, я, по совету моего духовника, отслужил панихиду по преставльшемся старце Божием. Священник, отправлявший служение, затем исповедал и приобщил мою почти умирающую дочь. И на другой день, 19 марта 1869 года, дочь моя Дарья встала с постели и свободно стала ходить по комнате. На вопрос наш, как это случилось, Дария отвечала, что во сне она видела священника, который, подойдя к ее постели, сказал: «Встань, Дашенька, Божия Матерь велела тебе встать».

Нижегородский мещанин Павел Иванов Байков свидетельствует: «В 1868 году, когда я был приказчиком у купца Сторожева, в г. Арзамасе Нижегородской губернии, в декабре месяце при занятии в ренсковом погребе; в подвале, в восемь часов вечера со мною открылась болезнь глаз и вместе с сим обуял меня какой-то страх. Болезнь глаз и нападающий на меня страх изо дня в день усиливались и продолжались год с лишком, так что за последнее время открылась сильная ломота в глазах и я почти ни на что не мог смотреть, тем более на свет. Доктора, как арзамасские, так и лукояновские, пользовавшие меня не малое время, никакой пользы не могли мне принести. В то время родительница моя, старушка богобоязненная, слыша многое об исцелениях разных недугов молитвами иеромонаха старца Серафима, дала мне наставление, чтобы я просил отца Серафима на молитве об исцелении моей болезни и вместе с сим посоветовала сходить пешком в Саровскую пустынь отслужить по нем панихиду. Совет родительницы моей я

принял с усердием и постоянно на молитве просил отца Серафима об исцелении моей болезни, а также сходил пешком в Саровскую пустынь, где у могилы отца Серафима отслужил панихиду. По приходе из Сарова в село Иванцево, спустя недели две, Богу угодно было, молитвами отца Серафима, со мною сотворить чудо. Брат мой старший, Алексей, в то время снял в аренду господский сад в селе Иванцеве, принадлежащий графин Протасовой. В июне месяце 1870 года, в самый полдень, брат мне предложил сходить с ним в сад, который от нашего жительства отстоял саженях в ста или полутораста. Пришли мы с ним в сад, около шалаша посидели несколько времени, затем брат говорит мне, что время обедать, я ему говорю: «Иди, я сам как-нибудь чрез несколько минут приду». Не успел брат отойти от меня на несколько сажен, как меня сильно и моментально склонило ко сну, тогда как в то время я никакой привычки не имел днем спать. В это самое время, в течение каких-нибудь пяти минут, вижу я во сне, что нахожусь в Сарове около могилы отца Серафима, на коленях молюсь Богу и прошу об исцелении моей болезни; в этот момент из глаз моих вылетают громадные огненные искры. Не могу припомнить: спал ли я, или был в каком-то забвении, только когда пришел в память, со мною было сильное трясение, и тут же никакой боли в глазах я более не почувствовал».

Исцеление Анны Семеновны Рубцовой. «Дивный Бог во святых Своих, Бог Израилев, — писала о. игумену саровскому г–жа Рубцова, — и на мне, худой, недостойной грешнице, явил Он милость Свою, чрез великого угодника Своего, пустынножителя саровского, иеромонаха Серафима. Да пройдет слава его от края до края земли Русской! Здесь, на границе Рос-

сии с Польшей, я пою ему со слезами сердечной благодарности панихиды, а Вас прошу, Ваше Высокопреподобие, передать мою нижайшую просьбу кому-либо из иеромонахов отслужить панихиду на гробе его и благодарственный молебен Богоматери Всех Скорбящих. Теперь не поставьте в труд выслушать меня, как узнала я, живя за несколько тысяч верст, что пустынь святая ваша обладает таким сокровищем. Будучи еще ребенком, я часто бывала в монастыре у моей тетки и видела картину, писанную на полотне масляными красками чудной работы «Кончина иеромонаха Серафима», и она мне много рассказывала о его высокой жизни, о его неисповедимых трудах. – Прошли десятки лет, муж мой был назначен вице-губернатором в г. Ковно, на самую границу Польши, тут, не знаю почему, мне часто стала приходить в голову эта картина, а прежде я о ней никогда не думала. Год спустя, мужа перевели в г. Вильну директором канцелярии северо-западного края. По приезде моем в Вильну я сделалась тяжко больна и прохворала четыре почти года разными болезнями. Наконец, разболелся у меня нос: в левой ноздре сделалась сильная опухоль и краснота снаружи. Восемь месяцев лечили меня разные врачи, но ничего не помогало: одни говорили, что это полип, другие грозили еще более серьезной болезнью. Наконец, решили сделать операцию весной, если нарост не уступить лечению, но операция для меня была очень опасна вследствие моего малокровия. Однажды, поплакав досыта, ложусь спать и вижу во сне упомянутую картину, и она так живо осталась в моей памяти, что хотя сейчас могла бы нарисовать этого бледного, как воск, старичка с седыми волосами, стоящего на коленях со сложенными на груди руками, в белом балахончике, с четками, с опущенными глаза-

ми, как бы в умной молитве, совсем не похожего на мертвеца. Так эта картина объяла мою душу, что долго не хотелось вставать, – я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалея, что ее теперь нельзя достать, ибо неизвестно, кому она досталась после смерти тетки. В этот же день (день был воскресный) посылаю я к игуменье Флавиане просить книг для чтения и, можете вы представить мое удивление и радость, – она присылает мне житие иеромонаха Серафима с шестью картинами, между которых была и его пустынька с колодцем. Прочтя обо всех исцелениях, явленных им при жизни и по смерти, я приложила эту картинку к лицу своему и заплакала, говоря: «Счастливые эти люди: они видели тебя, угодник Божий, и чрез твои молитвы и благословение получали исцеления из этого источника; а я не могу никогда сделать этого, живя так далеко от святого места сего». Больная ноздря моя как раз прижалась под самым изображением желобка и, к удивлению моему, из нее показалась кровь; затем мне как бы чуть-чуть стало свободнее дышать. На другой день я опять повторила то же и опять пошла кровь. И каждый раз, как я прикладывала, кровь показывалась из носа, – опухоль и мешки стали опадать, и нос мой пришел в надлежащий порядок».

Исцеление муромского купца Ивана Засухина, сына его и дочери (описано в журнал «Гражданин» за октябрь 1884 года). Муромский купец Иван Иванов Засухин 21 марта 1882 года приехал в Муром, в свой дом, из станицы Урюпино, очень больным. По его словам, он заболел там брюшным тифом 3-го марта. Местный доктор станицы Урюпиной, лечивший его, несколько облегчил болезнь, но посоветовал ему ехать на родину, что он и сделал. Дорога утомила

больного сильно, и он приехал в Муром очень слабым. Позван был доктор Стабровский. Г-н Стабровский принял болезнь тоже за брюшной тиф и стал лечить; болезнь ослабела и, по замечанию Засухина, температура жара с 40,1° снизилась до 37,5°. Прошло немного дней, и больной стал поправляться. Но при болезни у него образовалась опухоль за ушами, а потом вверху правой ноги. Врач нашел нужным эту опухоль прорезать, чтобы дать исход скопившейся там материи. Но прорез вышел неудачен: материя не шла, а опухоль стала развиваться более и более. Ни Стабровский, ни другой врач в этой болезни не помогли. Тогда предложили больному отправиться в Петербург, полагая, что, может быть, там найдут возможным помочь ему оперативным путем. Больной так и сделал и отправился в Петербург. Консилиум петербургских профессоров Богдановского и Мултановского нашел операцию невозможною, и они посоветовали больному ехать домой. По возвращении в Муром в болезни Засухина появилось новое осложнение: развилось воспаление легочной плевы, к которому присоединилось расстройство желудка; больной ослабел окончательно. Для совета были приглашены еще другие врачи, которые сознали положение больного безнадежным и определили даже день его смерти. После подобного определения врачей больной стал уже готовиться к смерти. Тут был приглашен священник, как врач духовный. Больного он нашел очень слабым, но в памяти. Как истинный христианин, Засухин сердечно исповедался и удостоился святого Причащения. Прошло немного дней, опять зовут священника к больному. Приходит он и видит, что тот, хотя и в сознании, но силы его ослабели окончательно и над ним была прочитана отходная молитва.

На третий день больному стало лучше. Дело в том, что в соседстве с больным жила одна почтенная г-жа М. Ф. Бычкова; она очень жалела, что так рано умирает хороший сосед, принесла жене умирающего воды, взятой из источника отца Серафима и просила ее дать умирающему выпить этой воды. Жена, взяв эту воду, поднесла выпить мужу, но он почти уже не мог открыть рта, – только с чайной ложки жена могла влить ему в рот несколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. С того момента, как она влила ему в рот несколько капель и намочила голову, больной совершенно затих, так что она подумала, не умирает ли уж он, и стала внимательно следить. Но больной, к удивлению ее, заснул тихим сном. В таком состоянии прошло несколько часов. Затем больной просыпается и просит пить. Жена от такой неожиданности совершенно растерялась и не знает, чего бы дать ему, что бы было не вредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сделала; но потом вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому и стала опасаться дурных последствий. – Больной выпил и чувствует, что ему хорошо. Желудок пришел в действие, и прежнего не повторялось. С этих минут (16 ноября) ему стало лучше. На другой день врач слушал грудь Засухина и нашел улучшение. Однако бедро оставалось все еще по-прежнему болезненным и припухшим, свищевые ходы не закрывались. Тогда больной возымел желание, несмотря на крайнюю невозможность по случаю болезни, самолично поклониться сему угоднику Божию и собрался в Саровскую пустынь. Жена больного на всякий случай взяла с собою все нужное для погребения. Взяты были все дети, чтобы не лишить больного, в случае печального исхода, видеть в последние минуты своих детей. Положе-

ние больного было очень тяжелое: сидеть в экипаже он не мог, потому что больная нога была согнута, а сотрясения от езды производили нестерпимую боль. При каждой остановке из экипажа был он выносим на руках. В таком болезненном состоянии Засухин прибыл в Серафимо-Дивеевский монастырь. Здесь больной намерен был несколько отдохнуть от тяжкого пути и пробыл сутки. Это было 5-го июня, в день праздника Святой Троицы. Наступило время всенощного бдения; и больной, несмотря на сильную боль, решается быть при богослужении. С помощью жены и своих служителей он на носилках принесен был из гостиницы к церкви и почти на руках был внесен в нее. Когда после величания приложился весь народ к иконе Св. Троицы, пошел и больной с большим усилием, с помощью жены и других на своих костылях приложиться к иконе праздника и получить помазание св. елеем. Когда он приложился к иконе и получил помазание, глаза его невольно обратились на стоящую в иконостасе святую икону Божией Матери, которая прежде была в келье старца Серафима и пред которой он так пламенно молился, и в этот момент больной почувствовал, что его нога твердо стала на пол и без боли. Он приподнял свои костыли и без помощи их, к удивлению всех предстоящих, пошел на свое место. Когда служба кончилась, Засухин смело встал на ноги и вышел из церкви, где дожидались его служащие с носилками; но он, не нуждаясь в их помощи, отдал даже и костыли и до самой гостиницы (расстояние около четверти версты) шел без всякой помощи. На другой день больной уже пешком опять пошел в церковь, где и приобщился Святых Таин и в тот же день поспешил в Саров и прямо на могилу отца Серафима, где и отслужил панихиду. На утро после бого-

служения он поспешил к тому целительному источнику, водою из которого так был чудесно спасен от смерти. Расстоянием этот источник от монастыря около двух верст. Но для больного как будто не было утомления: прежде без посторонней помощи он не мог пройти и по комнате, а теперь легко шел это немалое расстояние. Источник о. Серафима вытекает из горы, и верующие подходят под эту целительную струю, раздевшись донага, а подход к источнику был довольно труден по местоположению. Дорогою больной раздумывал, вынуть или не вынимать из больного места дренажи. Многие советовали не вынимать, что он и сделал. Затем больной разделся до нага и подошел под самый источник. Как только почувствовал он на себе холодную струю источника, эта холодная струя возбудила в его организме как-то облегчительный жар, и у него силы стало больше. Вышел из источника и видит, что одного из дренажей в опухоли нет при нем, а другой вынул сам. На другой день больной за обедней приобщился св. Христовых Таин. Затем Засухин стал совершенно здоров. Где была опухоль, то место пришло в нормальное состояние. У сына г–на Засухина, мальчика восьми лет, вся голова была покрыта струпьями и сильно болела. Его возили к известному профессору кожных болезней, г-ну Полотебнову, который, осмотрев мальчика, сказал, что ранее двух лет немыслимо прервать его болезнь. Засухин повез мальчика с семьею в Саров; по пути в Саровскую пустынь, 5-го июня, в день Св. Троицы, остановились они отдохнуть от дороги в устроенной о. Серафимом и, так сказать, его духом порожденной Серафимо-Дивеевской обители и тут узнали от монахинь о заповеди старца с умною молитвою проходить по вырытой по его указанию трудами сестер канавке,

по которой, по его же словам, прошла Сама Матерь Божия. Пошли Засухины всей семьею исполнять святым старцем заповеданное. Больной мальчик, по совету сопровождавшей монахини, опускаясь в самую глубь канавки, срывал траву и цветы, накладывая их все время на свою больную голову. Приехав в Саров, купался он в источнике Серафимовом и по возвращении 13-го июня домой, в г. Муром, голова его не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами, без наималейшего даже признака какой-либо болезненности. Третье знамение милосердия Божия с верою к Нему прибегающим случилось с дочерью Засухина, у которой от елея из лампады над гробом о. Серафима исцелен был поврежденный палец.

У жившей с родителями в г. Челябинске четырехлетней девочки Феодосии Власовой в 1885 году, января 7-го, случился сильный жар во всем теле и продолжался две недели, а потом постепенно образовался на спине горбок, и она по ночам кричала до бесчувствия. Так продолжалось четыре года. Лечили сельские бабки, обращались и ко врачам, но они отказались, говоря, что она недолго проживет. Тогда родители всю надежду возложили на Бога. В течение четырех лет так скорчило девочку, что она не могла ходит прямо; если же куда ходила, то бралась обеими руками за колени и потихоньку двигалась вперед. Старшая сестра ее отдана была в Челябинский Одигитриевский монастырь, и родителям ее вздумалось Феодосию поучить грамоте. В 1888 году 1-го сентября привезли ее в монастырь, и матушка игумения приняла ее для обучения, но не в школу, а просто в келью, потому что ходить в школу девочке было неспособно, и поручила ее благочинной Евпраксии. Прожила Феодосия три

месяца, и до того болезнь ее усилилась, что она совсем не могла ходить. Когда, бывало, сестры пойдут в церковь, то брали ее на руки и несли. Узнав о чудесах преподобного о. Серафима и по совету матушки благочинной Евпраксии родители Феодосии послали в Саровскую пустынь отслужить на могилке отца Серафима панихиду и молебен и просили прислать им земельки с могилки его. Когда получили землю с могилы, отслужили молебен Божией Матери и панихиду по о. Серафиме, а землю положили в бутылку, налили воды и с земельки этой стали поить больную; тогда почувствовала она себя совершенно здоровою и в течение недели стала ходить сама собою, без особой помощи.

26 марта 1890 года к настоятелю Саровской пустыни игумену Рафаилу явился крестьянин Астраханской губернии, Царевского уезда, села Заплавного Иван Харитонов Шажков и заявил следующее: в прошедшем 1889 году, в декабре месяце, за неделю до Рождества Христова, у него, Шажкова, без всякой, по его мнению, причины, вдруг онемели обе конечности, хотя боли он и не чувствовал в них; но руками по локти и ногами до колен владеть не мог; при этом у него распухла и полость рта. Пальцы на руках сжались в кулак, так что когда необходимо было при употреблении пищи взять ложку, то черенок ее просовывали ему в отверстие между большим и указательным пальцами и таким образом он питался; ни одеться, ни опоясаться он тоже не мог, а когда вставал при помощи других, то падал или наперед или назад. Лекарств Шажков не употреблял. Такое состояние его продолжалось около трех недель. – Теща его, бывшая в Сарове и видевшая благодатную помощь о. Серафима многим болящим, посоветовала ему дать обещание схо-

дить в Саров поклониться гробу св. старца отца Серафима и попросить его помощи в болезни. Шажков с благодарностью принял совет своей тещи и с верою обещался сходить в Саров и исполнить все по наставлению ее. С того же дня, как он дал свое обещание, руки и ноги его начали крепнуть в суставах, опухоль во рту пропала; уже к Великому посту он настолько оправился и окреп, что в среду на первой неделе поста решился отправиться в далекий путь до Сарова; однако как в ногах, так и в руках, особенно в пальцах, все еще чувствовал слабость, которая в пути мало-помалу исчезала. В Саров он прибыл 21 марта, весь путь, около тысячи верст, совершив пешком, без всяких вредных для своего здоровья последствий. Здесь, в Сарове, он исповедался и сподобился причаститься Св. Таин Христовых, а 26-го числа пошел на источник отца Серафима, где несколько раз искупался и получил совершенное исцеление от своей болезни.

Г-жа Ю. В. Каразина пишет в своем заявлении о следующем чудесном факте: «В мой приезд в Саровскую пустынь мая 22-го 1890 года я пошла посетить келью отца Серафима, где он скончался. Подхожу к его изображению и вижу, что лицо оживляется и глаза движутся и открываются, равно как движутся и брови. Я до того была этим поражена, что вся затрепетала и едва не упала. Обращаюсь к присутствующим около меня и в волнении говорю: «Отец Серафим ожил, у него глаза открылись и брови двигаются». Придя на другой день, я нашла совершенно другой вид лица на изображении о. Серафима, но глаза как бы снова ожили».

В заключение считаем уместным привести письма генерал-лейтенанта Врасского о благодатной помощи, дарованной ему о. Серафимом еще при жизни.

Хотя это событие совершилось еще в 1826 году, однако в прежние издания жития не вошло, потому что П.А. Врасский сообщил о нем письменно бывшему игумену Саровской пустыни Рафаилу только в 1892 году.

«В 26-м году я, будучи офицером, посетил Саровскую пустынь и отправился по примеру других богомольцев за благословением к преподобному о. Серафиму. В коридоре его кельи холод был страшный, и я в военной шинельке дрожал от мороза. Келейник его сказал, что у о. Серафима в настоящее время находится монах и он с ним беседует, а я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел и чрез несколько минут о. Серафим отворил дверь и сказал: «Какую радость Бог мне дает!» Ввел он меня в свою келью, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на порог своей кельи, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мною говорил, даже целовал мою руку. Вот какая у него была любовь к ближним! Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге. После многих разговоров, я ему сказал, что у меня болит грудь (сам я был худой, бледный юноша). На это он мне ответил: «Это ничего», — встал, взял бутылку и подал мне, говоря: «Глотни большой глоток». Каков же был мой ужас, когда полилось мне в рот деревянное масло? Я думал, что мгновенно последствие будет дурное, но напротив, масло оказалось вкусным. С этой минуты благодаря Богу грудь моя более не болела, и из худого, бледного юноши я сделался здоровым и крепким мужчиною. Чрез довольно долгое время я по необходимости должен был оставить военную службу и отправиться в бессрочный отпуск. Эта разлука с Петербургом причини-

ла мне такую тоску, что я целый год не находил места от нее. По пути в Арзамас я заехал в Саровскую пустынь и немедленно пошел на могилку о. Серафима, просил отслужить по нем панихиду и, как только она была отслужена, тоска моя мгновенно исчезла, и я сделался здоров».

Оканчивая наше изложение, остановимся благоговейною мыслью на особых путях Промысла Божия в жизни старца Серафима.

Сын гражданина г. Курска с юных лет влечется тайным желанием оставить мир и служить исключительно Богу, подобно св. Феодосию Печерскому, также уроженцу Курскому. Никому не известный приходит он юношей в Саровскую обитель, оставив мать, брата, имущество и дом. Не принеся с собою в обитель ничего, кроме умения читать и писать, он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, привлекая к себе любовь и уважение начальства и братии за свое усердие и кротость. Между тем, в глубине души его, ни для кого незаметно под покровом глубокого смирения созревал внутренний человек. Его не удовлетворял уже, для других сам по себе тяжкий, труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. И вот он в безмолвном уединении проводить жизнь строго отшельническую, становится на подвиг, подобный столпническому, налагает на себя на долгое время обет молчания и, как бы в некоем гробе, заключается в затворе. А созрев в духовной жизни, по особенному внушению Божию, он отверзает двери кельи и двери уст своих — и сладкие струи духовно-назидательного учения изливаются в течение многих лет на бесчисленное множество народа, искавшего его наставлений. После про-

должительных подвигов в различных добродетелях, усвоив дух любви, которая есть верх совершенства, он является утешителем душевных скорбей, целителем недугов телесных, руководителем совести для многих. И вот, безвестный и бедный пришелец в Саровскую обитель, сделался, по благодати Божией и своему смирению, не только славою ее, но украшением и всей православной Церкви. Имя Серафима справедливо известно повсюду, как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века, как будто воскрес древний подвижник пустынь Фиваидских или пещер Киевских. И знатные, и простые, и богатые, и нищие, – все стекались к порогу его кельи, падали ниц пред согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искреннею любовью и благодарностью каждое слово его, согретое благодатью. И долго-долго будут разноситься по всему пространству обширной России слова старца, сказанные в тесной келье! Долго-долго они, как плодотворное семя, будут приносить благие плоды добрых дел! Вместе с тем никогда не изгладится и память о нем, по слову Писания: *Праведник во веки живет.*

Места, освященные воспоминанием об о. Серафиме, и прежде были заботливо охраняемы и ограждаемы для сохранения потомству, однако многие из них вполне благолепный, подобающий святыне вид приняли только недавно. Место блаженного упокоения о. Серафима, – могила с надгробным памятником, оставалось прежде открытым, и богомольцам во время служения панихид приходилось иногда в дождь и слякоть в летнее время и во вьюгу зимою стоять с открытою головою и преклонять колена на открытом, ни-

чем не огражденным месте. В начале 1890-х годов к углу, образуемому восточною стеною придельного алтаря, Успенского собора и южною стеною главного его алтаря над могилою о. Серафима устроен род часовни с небольшим куполом и двумя дверями. Две стены этой часовни состоят из металлических рам со стеклами. Над надгробием старца теплится неугасимая лампада, а на двух каменных стенах в часовне помещены писанные на полотне шесть изображений о. Серафима (моление на камне, явление старцу Божией Матери в день Благовещения, кончина его, кормление медведя, изображение о. Серафима во весь рост и благословение им странника у колодца). Так как в ногах о. Серафима пришлась могила умершего раньше его (в 1817 г.) другого великого подвижника саровского схимонаха Марка, то против нее находится изображение и этого старца.

Колодезь, устроенный о. Серафимом – этот поистине «источник чудесных исцелений», на котором каждый посетивший Саров всегда считал и считает непременною обязанностью побывать и если не искупаться, то хотя намочить голову и выпить целебной воды, прежде оставался по виду простым колодцем с проведенным из него, в уровень содержащейся в нем воды, желобом, из коего пребывающая сверх уровня вода сбегала довольно сильною струею, под которую и становились желающие искупаться. Но так как источник этот стоит на открытом месте, то паломникам, собирающимся весьма часто в большом количестве и притом различного пола и возраста, купаться было совсем неудобно. Ныне над источником о. Серафима устроена прекрасная часовня со св. иконами и двумя большими изображениями его, а возле нее купальня с двумя совершенно разобщенными отделени-

ями. Вблизи колодца на месте ближней деревянной пустынной кельи о. Серафима по тому же плану и размеру построена новая келья (подлинная перевезена в Дивеево).

В лесу, в одной версте от источника, на месте, где находился камень, на котором о. Серафим совершал молитвенный подвиг 1000 ночей, устроен в 1890 году шатер, в виде открытой часовни, на четырех резных столбах с шатровою кровлею, с главою и крестом, обитыми железом. Нижние стороны этого здания ограждены перилами. Внутри поставлен крест с изображением Распятия Господня и положен большой камень в воспоминание подвига о. Серафима.

На месте дальней пустынной кельи о. Серафима в 1893 году открыт при раскопке сложенный из кирпича, приблизительно аршина в три длиною и один аршин шириною, подземный грот, в который старец уединялся от осаждавших его посетителей во время молитвенного подвига, где у него были и камни для стояния на них. Грот этот оставлен точно в таком же виде, в каком и найден, а над ним тоже выстроена келья по плану и размерам прежней, перевезенной тоже в Дивеево и обращенный целиком в алтарь кладбищенской церкви. Богомольцы считают непременною обязанностью побывать и на этом месте, освященном воспоминанием о дивных подвигах о. Серафима. Подле этой кельи находится место и огородика его. Келья о. Серафима, в которой он подвизался со времени возвращения своего из пустынного затвора в 1810 г., в которой удостоится за год и десять месяцев до своей кончины посещения Богоматери и где праведная душа его отошла ко Господу, находится в монастырской ограде против его могилы. Она составляла прежде часть южного корпуса монастырских келий.

С ограды в нее вели узенькие сени с двумя дверями направо; первая дверь была в келью жившего при о. Серафиме монаха Павла, вторая вела в келью самого батюшки. Эта последняя длиною и шириною в пять аршин, при вышине в три аршина десять вершков. В ней на южной стороне два небольших окна на огороды и реку Саровку, направо – изразцовая печка с небольшою лежанкою. Рядом с печкою помещаются в шкапчике и витрине некоторые предметы, оставшиеся после батюшки: мантия его (вместе с мантиею и посохом схимонаха Марка), шапочка, четки, крест, волосы, спадшие у него после болезни, Евангелие, носимое им, часть камня с пустыни, на котором он молился 1000 ночей, тут же и скамейка, сделанная руками о. Серафима, им подписанная. У передней стены кельи находится копия с Дивеевской иконы Умиления Божией Матери вместе с некоторыми другими иконами, а подле витрины с вещами батюшки помещены два больших изображения его на полотне (во весь рост благословляющий и преставление его).

С 1897 года соседние с кельей о. Серафима кельи разобраны и над ней построен обширный и благолепный храм. Таким образом место молитвенных подвигов и блаженной кончины старца Божия в неприкосновенном виде вошло под кров храма Господня.

XIII

ОТКРЫТИЕ МОЩЕЙ О. СЕРАФИМА И ПРИЧИСЛЕНИЕ ЕГО К ЛИКУ ПРЕПОДОБНЫХ СВЯТЫХ ОТЕЦ

Сообщение в «Церковных ведомостях» 1902 г. № 30 – Акт освидетельствования святых мощей. – Деяние Святейшего Синода. – Открытие св. мощей и торжество прославления преподобного.

В XII-й главе упомянуто было о следственной комиссии 1891 года, проверявшей записи о чудесных исцелениях по предстательствам о. Серафима. Следственное дело это представлено было по начальству и поступило в Св. Синод. Но с того времени прошло 8 лет, дальнейших слухов о нем не было, ходатайств никто не предпринимал, и оно считалось у нас законченным до новых побуждений, в ожидании которых могли пройти и еще десятки лет. Вот в какой неготовности застало всех сообщение в «Церковных Ведомостях» – 1902 года, № 30, о желании Его Императорского Величества, дабы дело о прославлении отца Серафима доведено было до конца.

Прилагаем это сообщение.

«В православном русском народе с глубоким благоговением чтится память скончавшегося 2-го января 1833 года подвижника Саровской пустыни иеромонаха Серафима. К месту иноческих подвигов его и вечного упокоения непрестанно во множестве стекаются из разных мест России богомольцы, прося предстательства и молитв его пред Господом и по вере своей получая или исцеление от болезней, или чудесную помощь в нуждах житейских. Более ста случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима внесено уже по бывшим с 1895 года предписаниям Святейшего Синода в особые ведущиеся при Саровской оби-

тели записи. Веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвой разделяет и венценосный вождь русского народа, благочестивейший государь император Николай Александрович. Ныне, в день рождения старца Серафима, 19-го июля, Его Величеству благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего, и всенародное в памяти его усердие и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. Святейший Синод признал ныне благовременным приступить к потребным для сего распоряжениям, каковые употреблялись прежде сего в подобных случаях».

Слухи были, писали даже в газетах, что одна из дочерей Их Императорских Величеств получила чудесное исцеление от о. Серафима, но больше говорить о том не будем, нам ничего о том неизвестно.

11-го января 1903 года прибыл в обитель высокопреосвященный митрополит Московский Владимир. Начата была Литургия в зимнем соборном храме Живоносного источника, – по ней панихида о приснопамятном старце иеромонахе Серафим, и с литией пошли на его могилу, а по окончании литии немедленно приступлено было к освидетельствованию честных останков отца Серафима.

В «Церковных ведомостях» за 1903 год, № 25-й, напечатан акт этого освидетельствования, откуда его и заимствуем:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В лето тысяча девятьсот третье от Рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, января в одиннадцатый день, митрополит Московский и Коломенский Владимир, епископ Тамбовский и Шац-

кий Димитрий, епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, архимандрит Суздальский Серафим, архимандрит Вышенский Аркадий, игумен Саровский Иерофей, казначей Саровский иеромонах Климент, ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Тихон Поспелов и прокурор Московской Святейшего Синода конторы князь Алексей Ширинский-Шихматов приступили к исполнению поручения Святейшего Правительствующего Синода по делу освидетельствования честных останков приснопамятного Саровского старца иеромонаха отца Серафима. По выслушании поздней Литургии, а затем отслуженной епископом Димитрием панихиды по в Бозе почивающем старце, призванные к освидетельствованию лица вступили в часовню, устроенную над могилой иеромонаха Серафима при юго-восточном выступе летнего собора во имя Успения Пресвятой Богородицы. Находящийся среди сей часовни надгробный чугунный памятник являет собою подобие гробницы, установленной на чугунной же подставке, которая в свою очередь основана на тесанном из камня цоколе. Этим надгробием совершенно убедительно определяется место упокоения блаженного старца о. Серафима. На памятнике имеется следующая надпись: «Под сим знаком погребено тело усопшего раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшегося 1833 года января 2 дня, который поступил в сию Саровскую пустынь из Курских купцов на 17 году возраста своего, скончался 73 лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живет». В возглавии надгробия, с западной стороны, помещено выпуклое бронзовое изображение блаженной кончины о. Серафима с надписью: «Бла-

женная кончина о. Серафима, Саровской обители иеромонаха и пустынника, 1833 года января 2 дня». С южной стороны памятника внизу, на высоте 2,5 вершков от пола, видно круглое отверстие, чрез которое чтущие память о. Серафима брали песок с его могилы. По распоряжению высокопреосвященного митрополита Владимира в часовню в полдень призваны были для изнесения описанного надгробия несколько человек из проходящих в обители различные послушания. Надгробие и подставка к оному вынесены были во вновь сооруженный храм над кельей о. Серафима. По изнесении памятника затворена была входная дверь, и несколько умелых работников, под наблюдением сведущего каменщика, разобрали тесанный каменный цоколь, а затем выбрали весь песок, на глубине одного аршина до свода, выложенного над могилой приснопамятного старца Серафима. Свод очищен был к четырем часам пополудни. Посредине, с северной стороны, свод оказался разобранным на пространстве одного квадратного аршина, и место это заложенным тремя кусками толстой доски. Отверстие это было проломано в своде по распоряжению преосвященного Димитрия, епископа Тамбовского, производившего в августе прошлого 1902 года предварительное освидетельствование гроба и останков о. Серафима по особо доверительному поручению Святейшего Синода. За сим разобран был самый свод, сложенный из весьма крупного, одномерного кирпича, легко рассыпавшегося на слоевидные куски. Внутри склепа присутствующие увидели гробколоду из дубового дерева. В виду невозможности произвести тщательный осмотр честных останков старца Серафима на глубине одного аршина четырнадцати вершков, признано было необходимым под-

нять гроб из склепа, что и было исполнено с особою осторожностью, при чем под колоду подведены были холсты, которыми гроб был поднять и установлен с северной стороны могилы на особом приуготовленном столе. После сего присутствующие приступили к тщательному осмотру внешнего вида гроба-колоды, при чем оказалось, что таковой имеет следующие размеры: в обхвате в голове два аршина двенадцать с половиной вершков, в ногах два аршина аршина 10 3/8 вершков и длина три аршина 1/2 вершка; цвет гроба почти черный. Дно гроба в ногах с правой стороны, а также верхняя часть крышки несколько истлели, и во многих частях наружной оболочки, при испытании, дерево оказалось мягким и сырым. Тем не менее, в целом гроб оказался крепким. По снятии крышки гроба, внутренние его стенки также оказались сырыми, в трех местах покрытыми плесенью, хотя при этом никакого запаха ощущаемо не было. В гробу присутствующие увидели ясно обозначенный остов почившего, прикрытый остатками истлевшей монашеской одежды.

Тело приснопамятного старца о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещенными, но легко друг от друга отделяемыми. Волосы главы и брады, седовато-рыжеватого цвета, сохранились, хотя и отделились от своих мест. Подушка под главой приснопамятного о. Серафима оказалась наполненною мочалой. На ногах имеются личные ступни. Под руками приснопамятного о. Серафима обнаружен медный литой крест, размером приблизительно в три вершка.

По освидетельствовании останки в Бозе почившего были накрыты глазетом, а гроб-колода обвязана в

головах и ногах прочным шелковым шнурком, концы которого, на особой доске, были припечатаны именною печатью высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского. За сим гроб спущен был в могилу, покрыт парчовым покровом, а склеп задвинут деревянным щитом, поверх коего положен ковер, и установлен облаченный в белый глазет стол, на коем утверждена икона Пресвятой Богородицы, именуемая «Умиление», – и возжена лампада. Производившие освидетельствование покинули часовню в шесть часов пополудни.

Подлинный акт подписали:

Владимир, митрополит Московский и Коломенский, Димитрий, епископ Тамбовский и Шацкий, Назарий, епископ Нижегородский и Арзамасский, Суздальский архимандрит Серафим (Чичагов), настоятель Вышенской пустыни архимандрит Аркадий, настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей, казначей Саровской пустыни иеромонах Климент, ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Тихон Поспелов, прокурор Московского Святейшего Синода конторы князь Алексий Ширинский-Шихматов.

29-го января того же года «Деянием Святейшего Синода» отец Серафим причислен к лику святых преподобных отец. – Прилагаем и самое «Деяние».

ДЕЯНИЕ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

29 января 1903 года.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Семьдесят лет тому назад, во 2-й день января 1833 года, в Саровской пустыни мирно отошел ко Господу блаженный старец иеромонах Серафим. Своею высо-

кою истинно-христианскою подвижническою жизнью он еще у современников своих стяжал общую к себе любовь и веру в действенную силу пред Богом его святых молитв, а после его блаженной кончины память о нем, утверждаемая все новыми и новыми знамениями милости Божией, являемыми по вере в его молитвенное предстательство пред Богом за притекающих к нему, широко распространяется в православном русском народе и с глубоким благоговением им чтится. Вся жизнь его представляет высоко поучительные образцы истинно-христианского подвижничества, пламенной веры в Бога и самоотверженной любви к ближним. Еще юношею он оставляет родительский дом в городе Курске и, никому неведомый, приходит в Саровскую обитель. Здесь он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, от всех приобретая любовь к себе и уважение за свою кротость и смирение. Восемь лет проходит предварительный искус в готовности его вступить на путь иноческой жизни и 13 августа 1786 года принимает иноческое пострижение с именем Серафима, а чрез два месяца поставляется в сан иеродиакона. Ограждаемый смирением, отец Серафим восходил от силы в силу в духовной жизни. Как иеродиакон, он все дни, с утра до вечера, проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером удалялся в пустынную келью, проводя там ночное время в молитве и рано утром опять являясь в монастырь для исполнения своих обязанностей. 2 сентября 1793 года он рукополагается в сан иеромонаха и с вящей ревностью и усугубленною любовью продолжает подвизаться в духовной жизни. Его более не удовлетворяет, сам по себе для других тяжкий, труд иноческой жизни: молитвы,

пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. Он покидает монастырское общежитие и удаляется для подвигов в одинокую пустынную келью в глухом сосновом Саровском лесу; пятнадцать лет проводит здесь в совершенном уединении, соблюдая строгий пост и непрестанно упражняясь в молитве, чтении слова Божия и телесных трудах. Подражая древним святым столпникам, он, подкрепляемый и утешаемый благодатною помощью, тысячу дней и ночей проводит, стоя на камне, с воздетыми к небу руками, повторяя молитву: «Боже, милостив буди мне, грешному». Окончив отшельническую жизнь, он снова приходит в Саровскую обитель и здесь, как бы в гробе, заключается в затвор на пятнадцать лет, причем на первые пять лет налагает на себя обет молчания. Весь осиянный благодатью Святаго Духа чрез непрестанное молитвенное возношение ума и сердца к Богу, он неоднократно удостаивался видений из горнего мира. Созрев в духовной жизни, он, уже старец, всего себя посвящает на деятельное служение ближним. И богатые, и бедные, и знатные, и простые ежедневно тысячами стекались к его келье и, падая ниц пред согбенным старцем, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искреннею любовью и благодарностью каждое его слово. Всех он встречал с любовью и радостью, называя при этом: «батюшка мой, матушка моя, радость моя». Всех благословлял, поучал, назидал; многих исповедовал; больных исцелял; многим давал лобызать висевшее у него на груди медное Распятие, — его материнское благословение, или святую икону, стоявшую у него на столе, иным давал в благословение антидор, или святую воду, или сухариков, другим начертывал на челе

знамение креста елеем из лампады, некоторых обнимал и лобызал с приветствием: «Христос воскресе». Духовная радость проникла старца настолько, что его никогда не видали печальным или унывающим, и это радостное настроение духа он старался передавать и другим. Из добродетелей христианских его более всего украшали кротость и незлобие, крайнее смирение и нестяжательность. Совершив свое земное поприще, чистый душой, смиренный и любвеобильный старец тихо и мирно почил о Господе, стоя на коленях пред иконой Божией Матери Умиления, с поникшею главой и руками, приложенными к персям. После его блаженного в Господе успения память о его высоком подвижническом житии не только не ослабевает, но постоянно все более и более возрастает и утверждается среди православного народа русского во всех его сословиях. Православный народ в глубине сердца чтит блаженного старца истинным угодником Божиим и верует, что и по отшествии своем из сего мира он не оставляет своим предстательством пред Господом всех притекающих к нему. И Господь Бог, дивный и славный во святых Своих, благоволил явить молитвенным предстательством отца Серафима многие чудесные знамения и исцеления. Вполне разделяя веру народную в святость приснопамятного старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к должным распоряжениям о прославлении праведного старца.

В 1895 году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особою комиссией расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам отца Серафима с верой просившим его помощи. Расследова-

ние это, начатое комиссией 3 февраля 1892 года, окончено было в августе 1894 года и производилось в двадцати восьми епархиях европейской России и Сибири. Всех случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима было обследовано комиссией девяносто четыре, причем большая часть их была достаточно удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями. Но указанное число случаев благодатной помощи по молитвам старца являлось далеко не соответствующим их действительному числу: в архиве Саровской обители, по свидетельству названной комиссии, сохраняются сотни писем от разных лиц с заявлениями о полученных ими благодеяниях чрез молитвенное обращение к старцу Серафиму. Так как эти заявления оставались не только не обследованными, но и нигде не записанными, то Святейший Синод поручил преосвященному Тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни собрать и записать сведения о наиболее замечательных случаях благодатной помощи по молитвам старца, не бывших доселе записанными, и на будущее время тщательно вести запись всех могущих быть новых чудесных знамений по молитвам отца Серафима. После сего преосвященным Тамбовским дважды: в начале и конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях, совершившихся по молитвам отца Серафима. Не находя еще тогда благовременным приступать к окончательному суждению о прославлении Саровского подвижника, по поводу упомянутых представлений преосвященного Тамбовского, Святейший Синод дважды подтверждал настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущих быть новых чудесных знамений по молитвам старца.

В минувшем 1902 году, 19 июля, в день рождения старца Серафима, Его Императорскому Величеству благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца...

Святейший Синод, рассмотрев во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельства сего важного дела, нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам старца Серафима, обследованные надлежащим образом, не представляют никакого сомнения в своей достоверности и по свойству их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу Божию, ходатайством и заступлением отца Серафима изливаемую на тех, кои с верой и молитвой прибегают в своих душевных и телесных недугах к его благодатному предстательству. Вместе с сим Синод, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятного старца Серафима были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству, поручил преосвященному митрополиту Московскому произвести их освидетельствование. 11 января 1903-го года митрополит Московский Владимир и епископы Тамбовский Димитрий и Нижегородский Назарий, присоединив к себе Суздальского архимандрита Серафима и прокурора Московской Синодальной конторы князя Ширинского-Шихматова и еще четырех духовных лиц, произвели подробное освидетельствование гроба и самых останков отца Серафима, о чем и составлен ими особый акт за собственноручной всех подписью. Посему Святейший Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам

старца Серафима совершающихся, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодеющему твердой в праотеческом православии Российской державе, и ныне, во дни благословенного царствования благочестивейшего государя императора Николая Александровича, как древле, благоволившему явить прославлением сего благочестия подвижника новое и великое знамение своих благодеяний к православному народу русскому, подносил Его Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором изложил следующее свое решение: 1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатью Божией прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами, и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою; 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую преподобным, память же его праздновать как в день преставления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей, и 3) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода.

При докладе сем представлены были на монаршее усмотрение подлинный акт освидетельствования всечестных останков отца Серафима и краткое описание случаев чудодейственной помощи его прибегавших к его заступлению. На всеподданнейшем докладе о сем Святейшего Синода, государь Император, в 26-й день января сего года, соизволил собственноручно начертать: *«Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления»*.

Выслушав сии всемилостивейшие слова, Святейший Синод, по определению от 29 января 1903 года, постановил поручить преосвященному Антонию, митрополиту Санкт–Петербургскому и Ладожскому, совместно с преосвященными Тамбовским и Нижегородским, совершить в 19-й день июля 1903-го года торжественное открытие мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца.

Святейший Синод возвещает о сем благочестивым сынам православной Церкви, да купно с ним воздадут славу и благодарение Господу, тако изволившему, и да приимут сие явление нового заступника и чудотворца, яко новое небесное благословение на царствование августейшего монарха нашего, подъемлющего неусыпные труды ко благу православного народа русского и своею царскою любовью и попечением объемлющего всех своих верноподданных всякого звания и состояния.

В виду ожидаемого ко дню прославления и открытия святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца, стечения большого количества посетителей и богомольцев, признано необходимым принять меры к надлежащему устройству путей сообщения и потребных помещений. Вследствие сего, независимо от мер, принимаемых в общем порядке местного управления, Его Императорскому Величеству благоугодно было: поручить архимандриту Суздальского монастыря Серафиму и прокурору Московской Синодальной конторы князю Ширинскому-Шихматову принять заведывание всеми подготовительными мирами для устройства и приведения к благополучному окончанию многосложных дел, связанных с предстоящим торжеством прославления преподобного отца Серафима.

С первых чисел мая начались приготовления внутри и вне монастыря. Надо было окончить новосозданный храм над кельей преподобного и приготовить его к освящению в остававшиеся два месяца, а освящать его рассчитывалось чрез три года (срок изготовления заказанного иконостаса, и поэтому потребовался иконостас временный). Одно устройство раки и сени над ракой, пожертвованных Их Императорскими Величествами, при громадных усилиях продолжалось до последнего дня пред начатием торжеств. Множество новых зданий, перестроек, отделок; часовни для богослужений вне монастыря, двенадцать гостиниц, сто бараков, на пятьсот человек каждый, все это надо было приготовить к прибытию ожидаемых посетителей.

1 июля в шесть часов вечера прибыл в Саровскую пустынь высокопреосвященнейший Антоний, митрополит Санкт–Петербургский, и с ним два преосвященных: Назарий, епископ Нижегородский, и Иннокентий, епископ Тамбовский. По обычной встрече и молитвах в соборном храме Успения Пресвятой Богородицы (в котором ныне почивают и святые мощи), отправились все в часовню над могилой о. Серафима, где игуменом Иерофеем соборне отслужена была панихида. Митрополит в мантии с правой стороны, а епископы в рясах с левой, присутствовали при служении. – 3-го июля во время Литургии, совершенной митрополитом в Успенском соборе, мощи приснопамятного старца иеромонаха Серафима в присутствии обоих преосвященных и иных лиц вынесены были из могилы и поставлены над могилой на жердях. По окончании же Литургии митрополит с собором, прибыв в часовню, отслужил панихиду, по коей совершено было перенесение мощей в храм преподобных Зо-

симы и Савватия, Соловецких чудотворцев, где оные поставлены были на средине храма. Мощи все время несли игумен, иеромонахи и иеродиаконы, участвовавшие в служении Литургии. В храме отслужена была лития; затем мощи внесены были в алтарь чрез северную дверь и поставлены пред жертвенником. Остались митрополит и лица, имевшие присутствовать при переложении мощей в кипарисный гроб, а с ним в новый гроб – колоду; и начато было переложение, которое продолжалось 4-го и 5-го чисел. Всеми было засвидетельствовано особое благоухание, исходившее из мощей при их переложении; все о том спрашивали и недоумевали. Старый колоду-гроб перенесли в храм Преображения, который над храмом Преподобных. Могилу тотчас стали выкладывать камнем и устраивать из нее склеп. 17-го числа, в поздний вечер, перенесен был в него и старый гроб, и поставлен на прежнее его место. Этим заканчиваются предварительные действия.

К 15-му июля обитель стала наполняться. Для участия в торжествах и для отправления служб в пяти церквах и часовнях прибыли двадцать архимандритов и до двухсот священников, иеромонахов и диаконов, два хора певчих, митрополичий и архиерейский в сто двадцать человек, представителей от многих обществ хоругвеносцев с жертвуемыми от них хоругвями до тысячи человек, полиции и войска до трех тысяч человек и необозримая масса народа в триста тысяч человек, наполнявшая бараки и разместившаяся в лесу, в шалашах и просто на открытом воздухе. С 16 июля начались торжества; помещаем здесь краткий перечень:

16 июля, среда. В двенадцать часов дня благовест к панихиде; отправлена была митрополитом в Успен-

ском соборе; в шесть часов вечера благовест ко всенощной по парастасу.

17 июля. В восемь часов утра выход из зимнего собора крестным ходом, с епископом Иннокентием во главе, навстречу крестного хода из женских монастырей Нижегородской епархий. В 9 часов Литургия в четырех церквах, по ней панихида о иеромонахе Серафиме, подвижнике Саровском, и затем беспрерывные панихиды во всех часовнях близ монастыря, до благовеста ко всенощной. – В сей день пополудни изволили прибыть в Саровскую пустынь: Их Императорские Величества государь император Николай Александрович и государыни императрицы Мария и Александра Феодоровны; Ее Императорское Высочество великая княгиня Ольга Александровна с супругом герцогом Ольденбургским Петром Александровичем; Их Императорские Высочества великие князья: Сергий Александрович с супругою великою княгинею Елисаветою Феодоровною, Николай Николаевич и Петр Николаевич с супругою великою княгинею Милицею Николаевною; и Его Высочество князь Георгий Максимиллианович Романовский, герцог Лейхтенбергский с супругою герцогинею Анастасиею Николаевною. – Августейшие особы встречены были во св. вратах и, посетив Успенский соборный храм и храм преподобных Зосимы и Савватия, направились в свои покои. В шесть часов вечера был благовест ко всенощной в пяти монастырских церквах.

18 июля. В пять часов благовест к ранней Литургии в четырех храмах. За сею службою Их Императорские Величества причащались святых Христовых Таин в левом приделе Успенского храма во имя преп. Антония и Феодосия Киево-Печерских, у царских врат, как и прочие, по них бывшие тогда причастни-

ки. – В половине девятого утра благовест к поздней Литургии в обоих соборных храмах, – служащие по особому назначению; по ней панихида о иеромонахе Серафиме, подвижнике Саровском. С четырех часов малая вечерня в Успенском соборе.

В шесть часов благовест ко всенощной в честь преподобного отца Серафима во всех церквах и часовнях монастыря. В храме Успения совершал службу митрополит Антоний. При пении литийных стихир собор служащих вышел крестным ходом и направился к святым мощам преподобного в Зосимо-Савватиев храм. Подняв св. мощи, крестным ходом с ними обходили вокруг обоих соборных храмов, с пятью остановками для литийных прошений; а затем св. мощи внесли в храм Успения, поставили на средине храма и продолжали службу всенощной, – стиховну и прочее до полиелея. В полиелей митрополит с собором, выйдя из алтаря, приступил ко гробу, отомкнул замок и открыл крышку; при этом все служащие сотворили земной поклон. Величание было преподобному и прочее бдение по уставу. Помазание миром продолжалось и по окончании бдения, всю ночь. Сразу после всенощных в церквах начались молебны преподобному; в часовнях начались они с началом всенощных; продолжались молебны до ранних Литургий.

19 июля, суббота. С пяти часов ранняя Литургия в пяти церквах. Литургию с восьми часов совершал митрополит. На малом входе, с пением «Приидите, поклонимся», – св. мощи обнесены были вокруг престола, и по сем положены в уготованную для них раку. По окончании Литургии св. мощи вновь нанесены были на прежнее место на средину храма, для пения при них молебна и крестного с ними хода другой раз вокруг соборных храмов.

20 июля. За ранней Литургией, как и накануне 19-го июля, Их Императорские Высочества причащались св. Христовых Таин в храме преп. Зосимы и Савватия. В сей день Их Императорские Величества и Их Императорские Высочества изволили отбыть из Саровской пустыни.

21 июля. Высокопреосвященный митрополит Антоний в сослужении епископов и иных совершил освящение новосозданного храма во имя преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Тем закончилось торжество его прославления. Мы не вдавались в подробности, как царь преклонял колена пред святыми мощами, нес их на своих раменах, – все это уже описано, известно, а еще более – пережито и будет переживаемо в сердцах верующих православного нашего отечества. Но, оканчивая это описание, скажем: к какому заключению должны были прийти мы, жители Саровской пустыни, пред глазами которых все совершилось? Два месяца после торжеств обитель все еще осаждаема была, теснима от непомерно великого многолюдства. Им запружены были выходы из монастыря. Нельзя было пробраться сквозь эту, до крайности сжатую, массу людей, жадно ищущую входа, чтобы благоговейно выстаивать чреду от раннего утра до поздней ночи. Это была такая ревность, такое влечение к преподобному, которые не оставляли места для естественной человеческой немощи. Вместе видели мы ту пламенную, серафимовскую любовь преподобного, которою он обнимал широко распростертыми объятиями всех приходящих и не выпускал их до тех пор, пока не утешатся, не насытятся предложенной им сладостной духовной трапезы, и бодрые, и обновленные душою и телом, отыдут от него с миром.

И все это совершилось так быстро, так неожиданно, без всяких смущений и бед, при неисчислимом множестве самых разнообразных исцелений! Тут явный знак особого Божия благоволения, по великим предстательствам, великим заслугам преподобного и богоносного отца нашего Серафима, чудотворца Саровского.

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

1. О Боге

Бог есть огнь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: «Ищи Господа, но не испытуй, где Он живет».

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводить человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

«Не называй Бога правосудным, — говорит преподобный Исаак, — ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давида называл Его и правосудным, и правым; но сын его показал нам, что Бог более благ

и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас» (Исаак Сирин. Слово 90).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потолику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лицо Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение таин Божиих?

2. О вере

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, помощью вервия, т. е. благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел: кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая.

А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, – то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), т.е. надейся на Меня и утешишься от труда и страха.

В Евангелии св. Луки сказано о Симеоне: *И бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя мира и, с радостью приняв Его на свои руки, сказал: «Теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня царство, ибо я увидел надежду мою – Христа Господня».

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал, ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с ангелами возлетит, как бы от чужой страны, на родину.

5. О страхе Божием

Человек, решивший проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с пренебрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (т. е. сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, имже несть*

числа, т. е. в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, – порождения злых духов.

Бойся Бога, – говорит Премудрый, – *и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола, для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа, и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благости Божией.

6. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от всего, что в мире, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело неспокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

«Если мы, – говорит он же, – живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш: то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, т.е. князя века сего» (Слово 15).

7. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: «Доколе на море, корабль терпит беды и приражения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражения мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего» (Варсонофий. Ответ 8, 9).

«Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит Апостол, *аще с Ним страждем, с Ним и прославимся.* Другого пути нет» (Варсонофий. Ответ 342).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся в душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкающий, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают *лук свой састреляти во мраце правил сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению свв. Отцев, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злый. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоем, очевидно, в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Св. Антоний Великий. Слово 61).

«Внимай себе, возлюбленный, – говорит Исаак Сирин, – и при непрестанном делании, имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в который живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, т. е. ис-

кушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы, и духовная радость, и подобное. И теперь во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т. е. страсти стали ослабевать. Положи примету и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще вникай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, т. е. мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно, и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти или сложные и смешанные и проходят ли в памяти только, как слабые, или сильно восстают на душу – и как восстают: властительски или яко тать; как смотрит на них царь – ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводить ли их до бессилия своею крепостью, или и видя, не видит их и вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах, или в чувстве – без живых образов, и в памяти – без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому

можно узнавать меру душевного здравия (Исаак Сирин. Слово 45).

А потом таковой человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем св. Церковь воспевает так: *Богатство видев добродетелей Иовлих украсти кознствоваше праведных враг, и растерзав столп телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооруженну непорочнаго душу»* (Тропарь, 6 мая).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *Не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *От тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13–14).

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *Никогоже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), т. е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна, потому и попечение наше должно от-

носиться более к душе, нежели к телу: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. «Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, – как говорит Макарий Великий, – что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих» (Макарий Великий. Слово о свободе ума. Глава 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное хотя бы ею делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

10. Чем должно снабдевать душу?

«Если хочешь устроить дом души своей, – говорит преподобный Варсонофий, – то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику остава-

лось прийти и устроить. Потребное для такового здания суть твердая вера для устроения стен; деревянные окончины, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденный, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в дому твоем ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гневе твоем,* дабы не увидеть *его* обличающим тебя в день судный и жгущим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о нощном нашем унынии и лености. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь.* Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он приидет с благословенным Отцем и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостью неизглаголанною (Варсонофий. Ответ 171).

Душу снабдевать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и Послания апостолов должно читать стоя пред св. иконами, а псалмы можно читать *сидя.* От чтения Священного Писания бывает просвещение в разуме, который оттого изменяется изменением божественным.

Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро, и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания, и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

«Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, – учит преподобный Исаак Сирин, – охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждою и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха; – имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и

тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится чрез вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою» (Исаак Сирин. Слово 58).

Следует также снабдевать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, и что терпела она в то или другое время, – знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также – для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

11. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *Проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ни в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжание внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая – с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть с совестью благою; в премирном же, когда его ум созерцает в себе благодать Святаго Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостью ангельскою. Об этом-то и Апостол сказал: *Наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот, как бы лжицею, черпает духовные дары.

Святые Отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатью Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3); и слова Господни: *лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своею, глаголя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и Апостол: *И мир Божий превосходяй всяк ум, да соблюдешъ сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Бо-

жий, и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам* (Пс. 26, 12).

12. О хранении мира душевного

Надобно всеми мерами стараться, чтобы охранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни св. Григория Чудотворца, от которого некая жена блудница всенародно требовала мзды, аки бы за грех с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: *Даждь скоро ей цену, колико требует.* Жена, только что прияла неправедную мзду, подверглась нападению беса. Святитель же изгнал из нее и беса молитвою (Четьи-Минеи, 17 ноября).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то, по крайней мере, надобно удерживать язык, по глаголу псалмопевца: *Смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе св. Спиридона Тримифунтского и преп. Ефрема Сирина. Первый (Четьи-Минеи, 12 декабря) так перенес оскорбление: когда по требованию греческого царя входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Св. Спиридон, будучи незлобив, обратил ему, по слову Господ-

ню, и другую (Мф. 5, 39). – Преподобный Ефрем (Четьи–Минеи, 28 января), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате: аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней». И как преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побуждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Четьи–Минеи, 19 июня), который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *Аще хощеши победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный, по слову премудрого Сираха: *Многи печаль убо, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждения ближних должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку, и не развлекали душу чувственными предметами, ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

13. О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *Воздадите кесарево кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи, или сделал другое что сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду, но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратитеся, и будите яко дети, не внидите в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по воскресении дщери Таировой от смерти *повелел дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг человеку в сохранении

себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (Беседа на начало притчи. С. 305): «Многие много собрали в юности, но посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения, и всего того лишились».

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению св. Исаака Сирина: «Якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое» (Слово 40).

14. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет и укоснит сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *И возсияет вам, боящимся имени Моего, солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренне свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но весь будучи углублен

в созерцанию несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога.

15. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *Блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфироносного пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух, и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе» (Слово 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

16. О покаянии

Желающему спастись всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по

словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуду убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире,* сказано, *место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Четьи-Минеи, 19 декабря): «Страх Божий есть отец внимания, а внимание – матерь внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния».

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие; а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда св. пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынник, который, отправившись за водой, при источнике пал в грех. Но возвратившись в келью, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни; но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог

открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грех, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т.е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро, и не предадимся беспечности и отчаянно, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Он есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16; Антоний Великий. Слово 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, – говорит Варсонофий, – то имаши почудитися и прославити Бога, как Он пременяет тя от еже не быти воеже быти (т.е. из грешника в праведника)». (Варсанофий. Ответ 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию, – и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преп. Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Св. Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитить*

мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих – лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую остави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обымут мя, и душе безстудней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обымет мене тма, и ходящии в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святого Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа дождь созданию Твоему, да не изсохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господней щедроты Твоя да обымут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Антоний Великий. Слово 77).

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом, и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущии, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры,

сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

К той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегченно немощей. *Могий же вместити, да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день только, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела, и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцев, употребляй один раз в день, – и ангел Господень прилепится к тебе.

18. О хранении ума

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову приточника: *Всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невиди-

мых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

19. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердец человеческих, ибо «ничтоже тако устужает огнь, от Св. Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме оного, еже со чады таин Божиих, еже к возращению разума Его и приближению» (Исаак Сирин. Слово 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом, ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными растаевает, так и сердце инока от беседования с женским полом неприметно расслабевает, – о чем и св. Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия беседы злые тлят обычаи благи, то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае, обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает; аще убо естество, едва подвижимое, подвизается и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется; то како воля человеческая, еже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена (Исидор Пелусиот. Письмо 284, и Четьи-Минеи, в житии его, 4 февраля).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удержать язык от многоглаголания: *Муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12); и *иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3); и помнить слова Иова: *Завет положих очима моима, да не помыслю на девицу* (Иов. 31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: *Всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети* ее, *уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

20. О распознавании действий сердечных

Когда человек приимет что-либо божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22, 23).

А диавол, хотя бы преобразился *и в ангела светла* (2 Кор. 11, 14), или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает (Слово 4. Глава 13)».

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит:

«От действа убо возможешь познать воссиявый свет в душе твоей, Божий ли есть, или сатанин» (Добротолюбие. Ч. I, Григорий Синаит. «О безмолвии»).

21. О болезнях

Тело есть раб души, а душа – царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти и человек приходить в себя: да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий: «Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла. (С. 213).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек: а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет,* потолику *внутренний обновляется»* (2 Кор. 4, 16).

22. О милостыни

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и Отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), также: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда неодинакова, как сказано: *сеющии скудостию, скудостию и пожнут, сеющии же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра хлебодара (Четьи–Минеи, 22 сентября), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, – да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению св. Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего и словесы благими утешай скорбь его» (Слово 89).

23. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и разорвать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, т. е. движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *Не ори юнцем и ослятем* (Втор. 20, 10), т. е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от гроба Господня вся делающия беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим внутрь нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *Устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17), *расточи языки, хотящия бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицем благости Божией, да очистит

Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешне.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

24. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны,* по Апостолу, *страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то недалеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочии совершенства. Почему св. пророк Исаия говорит: *Терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут, и не утрудятся, пойдут, и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *Изыди мужу беззаконный,* – он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *Почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?* – он запретил ему, говоря: *Оставите его, и тако да проклинает мя,* ибо Господь увидит и воздаст мне благое (2 Цар. 16, 7–12). Почему после и воспел: *Терпя потерпех Господа, и внята ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь: и искушение человеческое в помышлениях его (Сир. 27, 7). *Но горе вам погубльшим терпение! и что сотворите, егда посетит Господь* (Сир. 2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен, и наказание сносит с трудом, тогда

утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *Делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный,* – тогда говорили Ему: *Кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 27, 30–31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебя, егда благо сотвориши ему,* – *и таковый даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19–20).

Посему апостол Иаков учит нас: *Всякому радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать,* – и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1, 2–4; 12).

25. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин: «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его» (Слово 89).

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: *Аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы?*

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслью чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтобы любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т.е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Димитрий Ростовский: «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается (Ч. 2, поучение 2).

26. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорить пророк, опытом

сие дознавший: *Рех в обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *Аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15); *молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *Нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои.* Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преп. Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братиям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 4, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *Егда воздаются злая за бла-*

гая? Помяни стоящаго мя пред Тобою, еже глаголати за них благая (Антиох. Слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, т. е. против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая – против человекоубийцы диавола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, т. е. против нечистых духов и блуда и студодеяния, которое сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действование с разумом.

Отчего мы осуждаем братий своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех, и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли осуждающий, или осуждаемый тобою.

«Если осуждаешь ближнего, учит преп. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и великому Судии, ведущему сердца наша и сокровенные страсти естества» (Антиох. Слово 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *Сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставить человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.

27. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия и сия вся приложатся нам, по слову Спасителя* (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т. е. временное и преходящее, и желать нашего, т. е. нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Богосозерцания, подобно апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

Есть недуг, – говорит Екклесиаст, – *егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавне: вси дне его во тме и плачи, и в ярости мнозе, и в недузе, и в гневе* (Еккл. 5, 12, 16).

28. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает зани-

маться чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братиями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезней внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями, не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Антиох. Слово 25).

29. Об отчаянии

«Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и не совместно разуму. Первое врачуется воздержанием и благою на-

деждою, а второе смирением и неосуждением ближнего» (Лествица. Степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

«Итак, братия, – учит преп. Антиох, – когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змиину главу (Антиох. Слово 28). С умилением будем молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли! Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца, молю Тебя истиннаго Бога Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокого множе-*

ства беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злыя дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмерь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененнаго и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрушать узников, врачевать раны, никому не известныя, которыя знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя – врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающаго десницу Свою и удерживающаго гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия, дающаго время покаянию. Возсияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием простри мне руку и возставь меня из рова беззаконий моих. Ибо ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящагося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющаго к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плачь мой в радость мне, расторгни вретище и препояшь мене веселием (Пс. 29, 12). *И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранныя Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Тво-*

его, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминъ.

30. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа Сына Божия суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает св. Церковь: *Истлевша преступлением, по образу Божию бывшаго, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляешь мудрый Содетель* (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я).

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

31. О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов св. Григория Богослова: «К созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности» (Слово на св. Пасху).

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: *Молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси* (Акафист св. Николаю, кондак 10).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: «Дерзый бо и презорливый, – по словам Григория Синаита, – паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени доспети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая достигнути, же-

лание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (О прелести и о иных многих предлогах. Добротолюбие. Ч. 1).

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *Испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова, самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую (Слово на св. Пасху).

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия; ибо, по мнению учителей церковных, умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувстви-

тельных (блаж. Феодорит. Толкование на Песнь песней).

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божием: *Страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятил* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12–13).

Келейное правило отца Серафима

Прежде начатия Псалтири читай сие:

Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *Поклон.*

Создавый мя, Господи, помилуй мя. *Поклон.*

Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.*

Боже, милостив буди ми грешному. *Поклон.*

Боже, прости ми беззакония и согрешения. *Поклон.*

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, аще словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя, и прости ми грешному, милости Твоея ради.

Достойно есть. Слава и ныне. Господи помилуй (*трижды*). Благослови.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое.* По Отче наш:

На Славах:

Слава и ныне. Аллилуиа (*трижды*). Господи, помилуй (*трижды*). Посем: Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычествия Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им

всякое согрешение, вольное же и невольное; и их святыми молитвами и меня, окаянного помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся; подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

По окончании кафизмы читай:
тропари и кондаки

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие Твое, зову: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, аз где явлюся грешный? Тяготы и зноя дневного не понесох; но поне с наемниками единонадесятаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца.*

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: приими мя, Отче, кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очисти мя, якоже оного, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас, Богородице: призри на люди согрешившия, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе. Радуйся, вопием Ти, якоже иногда Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства! Чистоте запечатанной и девству хранимy, Мати познался еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу покланяемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотью взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашея славы, сохраняюще ны припадающия прилежно и вопиющия: от бед избавити ны, яко чиноначальницы вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не отстави милости Твоея от нас: но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих; на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная.

Упование христиан, Пресвятая Дево, Егоже родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горними Силами дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верою и любовью присно Тя чтущим.

Господи, помилуй (*сорок*). И молитву святого Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. *Поклон.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. *Поклон.*

Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков, аминь *Поклон. Таже малых двадесять поклонов, глаголюще на кийждо поклон:* Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *И паки последи молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончании трех кафизм глаголи:

Создавый мя, Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим.

Господи, аще словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоея ради.

Достойно есть. Слава, и ныне. Господи, помилуй (*трижды*). Благослови. Молитвами святых отец наших.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе. Царю Небесный. Трисвятое. По Отче наш: Господи помилуй (*дванадесять*). Приидите поклонимся (*трижды*). И псалом 50-й; и: Верую во единого Бога Отца.

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый, Троице святая, слава Тебе.

Отче наш...

Богородице Дево, радуйся...

Кресту Твоему...

Возбранный Воеводо и Господи...

Взбранной Воеводе победительная...

Преславная Приснодево...

Все упование мое...

Богородице Дево, не презри мене грешнаго...

Упование мое Отец...

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго, и прости моя беззакония и согрешения.

Всемилостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дево, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешного.

Святии Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мне грешном.

Святый Ангеле Господень, Хранителю мой Святый, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси святии, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мне грешном.

Богородице Дево, радуйся...

Спаси, Господи, и помилуй отца нашего игумена *(имя рек)*, со всею о Христе братиею; подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня окаянного помилуй.

Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан на всяком месте владычествия Твоего, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами меня окаянного помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава, и ныне. Аллилуиа (*трижды*). Слава. Спаси, Господи, и помилуй всех прав.

И ныне. Упокой, Господи, души усопших. *Посем:* О Тебе радуется. Слава, и ныне. Господи, помилуй (*трижды*). Благослови. Молитвами святых отец наших.

Ослаби, остави, прости. Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже в слове и дел, яже в ведении и не в ведении, яже во дни и в нощи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец.

Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи, человеколюбче, и *проч. молитвы.*

Богородице Дево, радуйся...

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе воссия: ликуй ныне и веселися Сионе: Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о восстании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасеннии Тобою, Дево Чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть.

Радуйся девственная похвало, радуйся Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песньми величает.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на

умоление, предстательствующи присно Богородице чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам.

Нескверная, неблазная, нетленная (Молитва на повечерии).

Слава и ныне. Господи, помилуй (*трижды*).

Благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

БЕСЕДА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА С МОТОВИЛОВЫМ О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Настоящая глава взята из беседы преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Она за последнее время получила широкую известность и по справедливости считается драгоценнейшей жемчужиной православного учения о спасении.

Найдена была эта рукопись в 1903 году С. А. Нилусом в бумагах покойного Мотовилова, переданных ему его вдовой Еленой Ивановной.

Н. А. Мотовилов, богатый помещик, исцеленный святым Серафимом от неизлечимой болезни ног, всю свою жизнь провел близ великого старца. Этому «служке Серафимову», как он сам называл себя, обязаны мы многими сведениями о жизни преподобного, и он же оказался единственным свидетелем великого торжества Православия, явленного св. Серафиму в 1831 г. в дремучих лесах Сарова и ставшего теперь достоянием всей Церкви.

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Сера-

фим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

– Господь открыл мне, – сказал великий старец, – что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно. – Но никто, – продолжал о. Серафим, – не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро – вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколь ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое

доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: *Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает.* Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: *Во всяком языце боящийся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть.* И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию, сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечного, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти и приобретением себе благодати Духа Святаго вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель дает средства на их осуществление. За человеком остается осуществить их или нет. Вот почему Господь сказал евреям: *Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете – видим, и грех ваш пребывает на вас.* Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого

рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго, и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его». Так-то, ваше боголюбие. Так и в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьего.

– Как же стяжание? – спросил я батюшку Серафима. – Я что-то этого не понимаю.

– Стяжание все равно что приобретение, – отвечал мне он. – Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек, Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею и говорит всем нам: *Купуйте дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть*, т. е. выгадывайте время для получения небесных благ через

земные товары. Земные товары это – добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано: *Шедше купите на торжище.* Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель как состояние равноангельское и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьего недоставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такой-то образ жизни, опирающийся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносит ли он и сколько именно приносит благодати Духа Божьего, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его – во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая – Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая – собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и третья –

бесовская, вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия или для одного добра, а не ради Христа. Вторая, собственная воля наша, научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же воля Божия и всеспасительная в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством священнотайне» Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божьему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божьему: «Вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи и войти с ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище,

да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище – жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, – смерть человеческая; девы мудрые и юродивые – души христианские, елей – не дела, но получаемая через них благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т. е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, – в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе, Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: *Се стою при дверях и толку*, – разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью! О, как желал бы я, ваше боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божьем. *В чем застану, в том и сужду*, – говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет. Вот почему сказано: *Бдите и молитеся, да не внидите в напасть*, – т. е. да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как оружие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, ко-

торым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она ото всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея». И воскресил его Господь. Так-то, ваше боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божьего, и ее удобнее всего всякому исправлять. «Блаженны будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Его Святаго Духа. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех, во сретение Господа на воздусе, грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делом его». Вот, ваше боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесные и земные. А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, бесе-

довать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его Святое во истине, т.е. с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему боголюбию поясню это примером: вот, хоть бы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте дескать ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все меня зовет. Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», т.е. явлюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение касается только дел мирских, т. е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве на-

ходится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое» и в общении с Ним не может войти никто от скверны плоти и духа.

– Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

– Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божьего пост, поститесь; более дает милостыня – милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда я не был еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше бары-

ша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: *Непрестанно молитеся,* – но да ведь, как помните, и прибавляет: *Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком.* И Господь говорит: *Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего,* т.е. делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: *Да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа.* Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то благословен Бог. Не о чем горевать, хоть сейчас на Страшный Суд Христов. Ибо *в чем застану, в том и сужду.* Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: *Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима.*

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самарянам: *Пияй от воды сей возжаждет вновъ, а пияй от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник присноτекущий в живот вечный.*

– Батюшка, – сказал я, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

– Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *И виде Адам Господа, ходящаго в рай* или когда читаем у апостола Павла: *Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами.* Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны. Неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?» т. е. как я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама, и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с Ним, когда он сподобился принять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служил путеводителем народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтаниях, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ее по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что, когда в Библии говорится: *Вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной*, — это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: *Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа.* И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и бысть *Адамъ в душу живу*, т. е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было

ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из всетворческих уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему наречь имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божьему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раю, и постигать глаголы Его и беседу святых ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Эдеме сладости, в раю, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог насадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непре-

станную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла – преждевременно и противно заповеди Божией – узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий *не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен.* Однако это не значит, что Духа Божьего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а появлялось только отвне и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесны-

ми событиями. Не с такою силою, как в народе Божием, но проявление Духа Божьего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы – пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Миероправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому боголюбезному исканию причастными Духу Божьему, ибо сказано: *Языки, не ведующие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают.* А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: *Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче.* Так вот, ваше боголюбие, и в еврейском народе священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведующих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания не было бы людям нипочем возможности узнать в точности, пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени Жены, имеющий возможность стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на шестьдесят пятом году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, прожив по благодати Всесвятаго Духа Божьего триста лет, потом, на триста шестьдесят пятом году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела. Вот и святая Анна-пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божьем и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и Человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую адамову благодать Всесвятаго Духа Божьего. Но мало сего, ведь говорил же Он им: *Уне есть им да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир, аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними.* Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурном в виде огненных языков, на каждого из них седших, и вошедших в них, и наполнивших их

силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах, причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огневдохновительную благодать Духа Святаго, когда подается она нам всем, верным Христовым, в таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа Святаго»

А на что, батюшка, ваше боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле: на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребывали бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божьего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущей нашего спасения

премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутри нас действующего и внутри нас Царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: *Внутрь вас есть Царствие Божие и нуждно есть оно, и нуждницы его восхищают.* То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, могут прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, – такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. *Приидите,* – говорит Господь, – *и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их.*

Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, т. е. одеждах оправдания, и *финицы в руках их* как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь: «Аллилуйя». *Красоте пения их никтоже подражати можаше.* Про них ангел Божий сказал: *Сии суть, иже приидоша от скорби великая, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей,* испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира; присно и доныне закалываемого и раздробляемого, но николиже иждиваемаго, подающего же нам

в вечное и неоскудеваемое спасение наше, в напутие живота вечного, во ответ благоприятен на Страшном Судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг-диавол и обольстил Еву и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, ваше боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. *Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки.* Имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа если бы по немощи человеческой и умер

душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: *В Том живот бе и живот бе свет человеком* и прибавлено: *Свет во тъме светится и тъма Его не объят.* Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче! Не до конца прогневайся на нераскаянность эту!», – а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею и как распознать ее и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: *Светильник ногама моима Закон Твой и свет стезям моим, и аще не Закон Твой поучение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем.* То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усерд-

но стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих! И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него, так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его, и *быша ризы Его, блещущия яко снега, и ученицы Его от страха падоша ниц.* Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, *облак,* сказано, *осени их.* И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не надмевает), ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: *Бог хощет всем спастися и в разум истины прийти.* Апостолам же Своим

про недостаток этого разума Он сказал: *Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сия не разумеете ли?* Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что *отверз им тогда Господь разум разумети Писания.* Находясь в этом разуме, апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что их дело свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: *Изволися Духу Святому и нам* – и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным – так св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьего... Так вот, ваше боголюбие, видите ли, как это просто.

Я отвечал:

– Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

– Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

– Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько.

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

– Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

– Не устрашайтесь, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

– Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убойтесь: Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом

и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

– Что же чувствуете вы теперь?! – спросил меня отец Серафим.

– Необыкновенно хорошо, – сказал я.

– Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

– Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

– Это, ваше боголюбие, тот мир, про который Господь сказал ученикам своим: *Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил бы свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир.* Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; *мир,* по слову апостольскому, *всяк ум преимущий.* Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим...

– Что же еще чувствуете вы? – спросил меня о. Серафим.

– Необыкновенную сладость, – отвечал я. И он продолжал:

– Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я.* Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

– Необыкновенную радость во всем моем сердце.

И батюшка о. Серафим продолжал:

– Когда Дух Божий нисходит к человеку и осеняет его полнотою своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем; *Жена егда рождает скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радостию, яко человек родился в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, и возрадуется сердце ваше и радости вашея никтоже возмет от вас!* Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все- таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той *ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его.* Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и, смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы,

труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: *Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...* Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей и никтоже возьмет ее от нас, преисполняемых не изъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?

Я отвечал:

– Теплоту необыкновенную.

– Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

– А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и из нее столбом пар валит...

– И запах, – спросил он меня, – такой же, как из бани?

– Нет, – отвечал я, – на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

– И сам я, батюшка, знаю это точно, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете. Сущая правда, ваше боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем

благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя». Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть.* Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутрь нас и находится, и благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: *Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе.* Вера наша состоит *не в препретельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа.* Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: *Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе.* Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую

святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго... Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

– Не знаю, батюшка, – сказал я, – удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую эту милость Божию.

– А я мню, – отвечал мне о. Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единороднаго. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое, – говорит Он, – а все прочее Я Сам приложу тебе», – ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам. Веств бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете.* Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит,

что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, т.е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хощет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов *носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов.* Господь Иисус Христос лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, сотешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше боголюбие, творите и, видев явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. *Жатвы бо много, – говорит Господь, – делателей же мало.* Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды – ово тридесять, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденными с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а

будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему: один – вместо двух четыре таланта, а другой – вместо пяти десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через Пророка, сбылись на нас: *Несмь Аз Бог издалече, но Бог вблизи и при устех твоих есть спасение твое.* Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше боголюбие, нет. *Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его*, лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно посыновнему. Господь равно слушает и монаха и мирянина – простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели в Него веру, хотя бы *яко зерно горушно* и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же – тьмы». Сам Господь говорит: *Вся возможна верующему*, а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: *Вся могу о укрепляющем мя Христе.* Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: *Веруяй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больша сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и приимите...* Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы

только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближним Он же к славе Своей относит, почему и говорит: *Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе.* Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и весь совет исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо *не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных* и *волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно*, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Матерь Божия через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром...

И во время всей беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе ска-

занное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого старца! Пыль, галочьи и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц – все в одной куче, вперемежку одно с другим и всего весу 4 пуда 5 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?

Разбирая этот хаос, натыкаясь на всевозможные препятствия, – особенно почерк был для меня камнем претокновения, – я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры, нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранная фраза: «Батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего служки из такой дали, как

Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?»

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость и как знаменательны мне показались слова этой рукописи. «А я мню, – отвечал мне о. Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас – для целого мира...»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда: перед самым прославлением святых мощей того, кого православная Церковь начинает просить: «Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас».

19 мая 1903 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Саровская пустынь находится в Темниковском уезде Тамбовской губернии, у северной границы ее с губернией Нижегородской. Ближайшие к ней железнодорожные станции – *Торбеево* Московско-Казанской железной дороги, от которой до пустыни чрез г. Темников 105 верст, и *Арзамас*, Нижегородско-Ромодавской ветви, той же Московско-Казанской дороги, в 60 верст. Почтовый адрес: «В г. Темников Тамбовской губернии, в Саровскую пустынь».

[2] Монастырский архив. Отд. XV, № 13.

[3] Слова сии при подобном же случае сказаны были и другому недавно умершему подвижнику нашей Церкви. Это был архимандрит Паисий, старец 80 лет, известный благочестивым людям своей строго иноческой жизнью. Во время пребывания своего на покое в Троицко-Сергиевой лавре он сделался тяжко болен. Божия Матерь, явившись ему с Предтечей Христовым Иоанном, исцелила его от недуга и также сказала: *Этот нашего рода.* Рассказ сей передан нам тем самым лицом, кому поведал его тайно о. Паисий. Выражение: *нашего рода,* – очевидно, указывает на то, что о. Серафим и архимандрит Паисий были особенно усердными молитвенниками Божией Матери и пото-

му сами стояли под особенным Ее покровом и заступлением. Внимательный читатель может усмотреть это из настоящей биографии о. Серафима.

[4] Этот 1786 г. точно обозначен в ставленнической грамоте о. Серафима, хранящейся в Саровской обители.

[5] Рассказ этот, как заметно, против воли самого собеседника сделался известным после его смерти.

[6] Статьи учения о. Серафима, о которых упоминается в тексте и не приведено их содержание, помещены ниже, в особом приложении.

[7] Об этом старце Тихоне иеромонах Парфений, бывший строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855, в 4 частях) рассказывает следующее.

«Однажды, избрав удобное время, я отпросился к старцу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300 пудового колокола звона не мог слышать, а разговаривал манием или на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыни, то открылись мои уши, хотя и несовершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовася душа моя и вострепета сердце мое. Он же меня благословил и ввел в келью свою, разверз медоточивые свои уста и начал меня поить от изобильных своих источников живой водой, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что яко бы никогда я не бывал раскольником и в то же время перекрестил я лице свое в три перста во имя Св. Троицы, и более уже не творил крестного знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар

премудрости, что ему никто не мог противиться и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во святую Его Церковь (Ч. I. С. 193–195).

[8] Скончался 5 октября 1878 г.

[9] Екатерина Васильевна Ладыженская была пятнадцать лет настоятельницей Дивеевской общины.

[10] В прежних изданиях было сказано, что руки скончавшегося о. Серафима лежали на малом аналое, а на них его голова; здесь восстановлен единогласный рассказ современников старца, иеромонахов Сергия, Георгия (автора сказания, помещенного в «Маяке» за 1844 г.) и Иоасафа и Н.А.Мотовилова (последний в Летописи Дивеевского монастыря свящ. Чичагова. С. 449). Точно также и послушника, пришедшего в келью о. Серафима с о. Павлом, называют первые трое Иоанном.

ПРИМЕЧАНИЯ

67n-

